

Джек Вэнс

Легенды УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

Входит в 100 лучших книг
в жанре фэнтези

fanzon

Умирающая Земля

Джек Вэнс

Легенды Умирающей Земли

«ЭКСМО»

1983, 1984

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Вэнс Д. Х.

Легенды Умиравшей Земли / Д. Х. Вэнс — «Эксмо», 1983,
1984 — (Умиравшая Земля)

ISBN 978-5-04-180104-5

100 лучших книг в жанре фэнтези. Premio Gigamesh. Финалист премий Locus. Сага о Кугеле Пройдохе, Кугеле Счастличике и Кугеле Бесстрашном продолжается! Перед вами фэнтези, полное сатиры, декадентских усад и изощренных приключений, а также поражающей всякое воображение магии, которая не отличается от науки. В этом мире тишина «слишком невинная», и что ни шаг, то вас ждет «неприятнейший сюрприз». Здесь важно не ошибиться в выборе, ведь смеется тот, кто смеется последним. «Джек Вэнс настолько усовершенствовал трюк создания новых миров, до такой степени обманчиво реальных, что через некоторое время собственный дом кажется вымышленным». — Джерри Пурнелл «"Умиравшая Земля" Джека Вэнса — невероятно красивый бриллиант в россыпи сокровищ мировой литературы фэнтези. Величественный памятник, штучная, изумительная вещь». — Fantlab «Книга, которая лежала в основе создания ролевых игр системы Dungeons & Dragons». — Amazon

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-180104-5

© Вэнс Д. Х., 1983, 1984

© Эксмо, 1983, 1984

Содержание

Кугель и Небразрывный Брызгосвет	7
Глава I	7
Глава II	52
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джек Вэнс

Легенды Умиряющей Земли

Jack Vance

CUGEL: THE SKYBREAK SPATTERLIGHT

Copyright © 1983, 2005 by Jack Vance

RHIALTO THE MARVELLOUS

Copyright © 1984, 2005 by Jack Vance

© Александр Фет, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

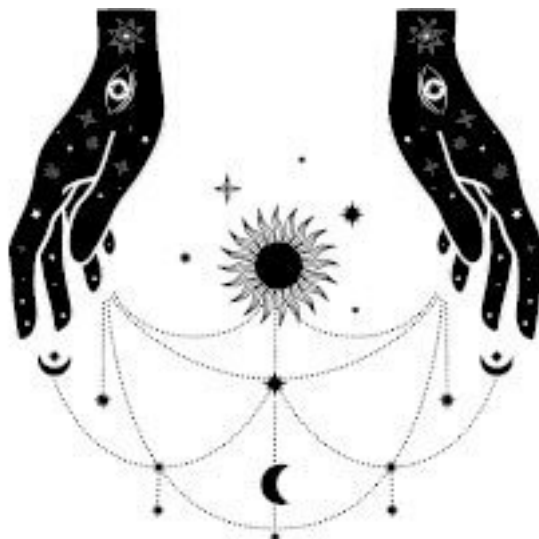
Перевод книги выполнен по окончательному варианту текста произведений и одобрен семьей автора.

Оформление Елены Куликовой

* * *

Джек Вэнс /Джон Холбрук Вэнс/

Родился в 1916 году в Сан-Франциско, рос на ранчо и с детства полюбил фантастику. После учебы в Калифорнийском университете служил на флоте и именно в это время начал писать рассказы, которые превратились в роман «Умиряющая Земля». Публиковаться Джек Вэнс начал рано – как музыкальный обозреватель (он играл на трубе в университетском джазовом коллективе), а первый фантастический рассказ вышел в 1945 году. В дальнейшем Вэнс написал более 50 романов и повестей в различных стилях фантастики и был многократно награжден премиями Hugo, Nebula, World Fantasy Award. Его произведения попали в авторитетнейший список «100 лучших книг в жанре фэнтези», составленный Майклом Муркоком. В 1996 году Джек Вэнс за заслуги перед жанром был удостоен титула Грандмастер, а в 2001 году введен в Зал славы научной фантастики и фэнтези.

Кугель и Неборазрывный Брызгосвет

Сага о Кугеле

Глава I

От Голечной косы до Саскервоя

1. Флютик

Юкоуну, прозванный в Альмерии Смешливым Волшебником, снова сыграл с Кугелем одну из своих пагубных шуток. Опять Кугель, подхваченный в воздух, был перенесен над океаном Вздохов и сброшен на унылый пляж, известный под наименованием Голечной косы.

Поднявшись на ноги, Кугель стряхнул песок с плаща и поправил шляпу. Он стоял не дальше чем в двадцати метрах от того места, где приземлился в первый раз (по воле того же Юкоуну). Теперь, однако, у него не было с собой шпаги, а в поясной сумке не осталось ни терция.

Кугель очутился в абсолютном одиночестве. Вокруг не было ни звука, кроме шорохов ветра в песчаных дюнах. На восточном горизонте в море выступал туманным очертанием мыс, на западе – еще один, столь же удаленный; к югу простиралось море – и там тоже не было ничего, кроме отражения старого красного Солнца.

Замерзшая голова Кугеля начинала оттаивать, и по мере возобновления мыслительных процессов на него накатывали, одна за другой, волны различных эмоций, главным образом ярости.

В эту минуту Юкоуну, надо полагать, от души наслаждался иронией судьбы. Кугель потряс высоко поднятым кулаком, угрожая южному небосклону:

– Юкоуну! Ты наконец превзошел себя! И на этот раз ты заплатишь за все! Отныне я, Кугель, – посланец Немезиды, ангел мщения!

Еще несколько минут Кугель возбужденно расхаживал взад и вперед, выкрикивая проклятия, – человек с длинными руками и ногами, гладкими черными волосами, впалыми щеками и чрезвычайно подвижным, язвительно искривленным ртом. Полдень давно миновал – Солнце потихоньку опускалось над западными пустырями, как больное животное, неуверенно пробирающееся вниз по крутому склону. Учитывая этот факт, Кугель, будучи прежде всего человеком практического склада ума, решил отложить дальнейшие тирады. Гораздо важнее было поскорее найти место, где можно было бы переночевать. Пожелав напоследок, чтобы Юкоуну покрывлся пульсирующими от боли гнойниками, Кугель преодолел небольшую галечную осыпь, взобрался на гребень дюны и стал обозревать окрестности.

На севере в холодную сумрачную даль уходили трясины, перемежавшиеся порослями чахлой черной лиственницы.

Восточные пустоши, где находились Смолод и Гродзь, Кугель удостоил одного мимолетного взгляда; обитатели Кутца долго не забывали обиды.

До южного горизонта и дальше простирался вялый, равнодушный океан.

Далеко на западе однообразная береговая полоса упиралась в гряду низких холмов – достигнув моря, она образовывала мыс... Внимание Кугеля сразу привлекла красная искорка, мелькнувшая на фоне темного склона.

Такой красноватый отблеск мог объясняться только отражением солнечного света от стекла!

Кугель запомнил примерное расположение отблеска, погасшего по мере перемещения Солнца. Соскочив с дюны на пляж, он поспешил по берегу на запад.

Солнце скрылось за мысом, на пляж опустились серовато-лавандовые сумерки. Памятуя о том, что где-то в северных окрестностях находился отрог Долгого Эрма (огромного леса, чреватого самыми зловещими возможностями), Кугель заставил себя прибавить ходу и побежал трусцой по песку на полусогнутых ногах.

Черная гряда холмов росла на фоне темнеющего неба, но впереди не было никаких признаков человеческого жилища. Кугель пал духом. Теперь он шел гораздо медленнее, внимательно изучая местность, и наконец, к своему величайшему удовлетворению, заметил крупный особняк замысловатой архаической конструкции, скрывавшийся за деревьями буйно разросшегося сада. Окна нижнего этажа тускло светились янтарными огнями – зрелище, обещавшее долгожданный покой утомленному припозднившемуся путнику.

Кугель тут же повернул к этому строению и приблизился к нему, не принимая обычных мер предосторожности (как правило, сначала он бы произвел разведку и, может быть, заглянул бы в окна, прежде чем заявить о своем присутствии). Его заставили поторопиться две белесые фигуры, появившиеся поодаль, на краю леса, и бесшумно отступившие в тень, как только он на них взглянул.

Проворно вскочив на крыльцо, Кугель тут же взялся за цепь, висевшую у двери, и потянул ее. Где-то внутри послышался приглушенный звон.

Прошло несколько секунд. Кугель тревожно обернулся через плечо и снова дернул цепь. Наконец он услышал медленные шаги – кто-то удосужился ответить на звонок.

Дверь приоткрылась: в щель осторожно выглянул тощий, бледный, сутулый старичок со сморщенной физиономией.

– Добрый вечер! – самым любезным тоном произнес Кугель. – Могу ли я поинтересоваться, кто живет в этом прекрасном старом доме и как называется это место?

Старик недружелюбно ответил:

– Эта усадьба Флютик, здесь живет мастер Тванго. По какому делу вы пришли?

– У меня нет никакого особенного дела, – беззаботно отозвался Кугель. – Я всего лишь путник и, кажется, заблудился. Если это возможно, я бы хотел воспользоваться гостеприимством мастера Тванго и провести у него ночь.

– Совершенно исключено. Откуда вы пришли?

– С востока.

– Тогда продолжайте идти по дороге в лес и спуститесь с холмов в Саскервой. Там вы найдете приют и все необходимое на постоялом дворе «Голубые фонари».

– Это слишком далеко. В любом случае меня ограбили – у меня не осталось ни гроша.

– Здесь вы не найдете убежище. Мастер Тванго терпеть не может нищих и бродяг.

Старик начал было закрывать дверь, но Кугель вставил в проем носок башмака:

– Подождите! На краю леса два белых призрака! Уже стемнело, и я не смею идти дальше!

– В этом отношении могу посоветовать только одно, – сказал старичок. – Ожидающие в лесу существа, по всей вероятности, так называемые ростгоблеры, или, если вы предпочитаете научную терминологию, гиперборейские ленивцы. Вернитесь на пляж и зайдите на три метра в воду – это предохранит вас от нападения голодных ростгоблеров. А после восхода Солнца вы сможете подняться в холмы и дойти до Саскервой.

Дверь закрылась. Кугель беспокойно оглянулся. У входа в сад – там, где ведущую к дому дорожку плотной стеной обступили старые тисы, – он увидел пару неподвижных белых фигур. Кугель снова повернулся к двери и резко дернул цепь звонка.

Снова прозвучали медленные шаги, приоткрылась дверь.

– Да, сударь? – спросил старичок.

– Упыри уже в саду! Я не смогу дойти до пляжа!

Старик открыл было рот, чтобы ответить, но промолчал и моргнул – ему в голову пришла какая-то новая мысль. Склонив голову набок, он с хитрецей поинтересовался:

– У вас нет никаких финансовых средств?

– Я уже вам говорил – у меня не осталось ни гроша.

– В таком случае... Как вы смотрите на возможность трудоустройства?

– Я готов работать, если это позволит мне выжить, само собой!

– В таком случае вам повезло! Мастер Тванго предлагает работу каждому, кто желает и способен ее выполнять. – Старый привратник отступил от входа, и Кугель с облегчением протиснулся внутрь.

Старик захлопнул дверь почти торжественным жестом.

– Пойдемте, я проведу вас к мастеру Тванго, и вы сможете обсудить с ним условия вашего найма. Как прикажете к вам обращаться?

– Меня зовут Кугель.

– Проходите же! Возможности вас не разочаруют... Так вы идете или нет? У нас во Флютике не любят терять время зря!

Тем не менее Кугель не торопился следовать за стариком.

– Объясните мне в общих чертах, в чем заключается предлагаемая работа? В конце концов, я человек образованный и воспитанный, мне не приличествует заниматься чем попало.

– Не беспокойтесь! Мастер Тванго принимает во внимание любые преимущества. Ах, Кугель, как вам повезло! Если бы только ко мне вернулась молодость! Сюда, пожалуйста.

Но Кугель все еще сомневался:

– В первую очередь мне следует привести себя в порядок. Я устал, мне пришлось пережить несколько крупных неприятностей. Прежде чем совещаться с мастером Тванго, я бы хотел освежиться и чем-нибудь закусить. По сути дела, давайте подождем до завтрашнего утра – тогда я смогу произвести гораздо лучшее впечатление.

Старик возразил:

– Во Флютике все делается точно по правилам – каждая статья расходов засчитывается в дебит заработной платы того или иного служащего. На чей счет надлежит занести стоимость вашего ужина? На счет Гарка? Или Гукина? Или на счет самого мастера Тванго? Абсурд! Цена предоставленной вам провизии будет неизбежно вычтена из заработка Вимиша – другими словами, из моего заработка. Ни в коем случае! Я наконец выплатил все задолженности и собираюсь уйти на покой.

– О чем вы говорите? Ничего не понимаю, – проворчал Кугель.

– О, вы скоро все поймете! Пойдемте к Тванго!

Кугель неохотно последовал за Вимишем в помещение со множеством стеллажей и шкафов – расставленные на полках экспонаты позволяли предположить, что здесь хранилось собрание редкостей.

– Один момент! Подождите здесь! – прихрамывая и волоча тощие ноги, Вимиш вышел из комнаты.

Кугель прошелся туда-сюда, рассматривая экспонаты и прикидывая в уме их приблизительную стоимость. Странно было обнаружить подобную коллекцию в таких безлюдных, диких местах! Он наклонился, чтобы изучить пару небольших человекоподобных гротесков, изготовленных с исключительным вниманием к деталям. «Потрясающая работа! Просто шедевры!» – подумал Кугель.

Вимиш вернулся:

– Тванго скоро вас примет. Тем временем он поручил мне предложить вам чашку чая из вербены и две питательные галеты – бесплатно.

Кугель выпил чай и съел галеты.

– Гостеприимство Тванго делает ему честь, хотя, конечно, носит чисто символический характер. – Он указал на стеллажи: – Все это – личная коллекция мастера Тванго?

– Совершенно верно. Перед тем как основать нынешнее предприятие, он был известным торговцем редкостями.

– Я бы сказал, что у него причудливые, даже странные вкусы.

Вимиш поднял брови:

– На этот счет ничего не могу сказать. На мой взгляд, во всех этих вещах нет ничего необычного.

– Позвольте с вами не согласиться, – сказал Кугель. Он указал на пару гротесков: – Например, мне редко приходилось видеть настолько тщательно изготовленные и в то же время настолько отвратительные статуэтки, как эти. Невозможно не восхищаться навыками скульптора, спору нет! Как ощерились их клыкастые рожи! Начинаешь верить, что они излучают злобу и вот-вот на тебя набросятся! Тем не менее невозможно также отрицать, что это создания болезненного, извращенного воображения.

Обсуждаемые изделия выпрямились во весь рост. Один из гротесков хрипло произнес:

– Не сомневаюсь, что у Кугеля есть достаточные основания для столь нелюбезных суждений. Тем не менее ни Гарк, ни я не страдаем забывчивостью – особенно тогда, когда нас оскорбляют.

Другой гротеск поддержал товарища:

– Замечания Кугеля нанесли незаживающую рану моему самолюбию. У него язык без костей. – Гоблины соскочили на пол и выбежали из помещения.

– Вы обидели Гарка и Гукина, – укоризненно покачал головой Вимиш. – А они сидели здесь только для того, чтобы охранять ценные экспонаты Тванго от попыток хищения. Но что поделаешь? Сделанного не воротишь. Пойдемте – пора представить вас мастеру Тванго.

Вимиш провел Кугеля в большой рабочий кабинет, уставленный дюжиной столов, заваленных грудями ведомостей, ящиками и различными прочими предметами. Гарк и Гукин, надевшие аккуратные кепки с длинными козырьками, красную и синюю, сидели на скамье и злобно поглядывали на Кугеля. За огромным столом у противоположной входу стены сидел Тванго – приземистый, грузный человек с маленьким подбородком, маленьким капризным ртом и лысиной, окруженной лакированными черными кудряшками. Подбородок Тванго украшала аккуратная козлиная борода.

Как только Кугель и Вимиш зашли, Тванго повернулся в кресле:

– Ага, Вимиш! Насколько я понимаю, этот господин – Кугель. Добро пожаловать во Флютик, Кугель!

Кугель снял шляпу и поклонился:

– Сударь, благодарю вас за гостеприимство, оказанное путнику темной ночью.

Тванго сложил бумаги на столе, в то же время краем глаза наблюдая за Кугелем. Указав на стул, он сказал:

– Садитесь, пожалуйста. По словам Вимиша, вы могли бы устроиться к нам на работу – на определенных условиях, конечно.

Кугель вежливо кивнул:

– Я был бы рад рассмотреть возможность выполнения обязанностей, соответствующих моей квалификации и позволяющих получать надлежащее вознаграждение.

Вимиш, стоявший в стороне, подтвердил:

– Именно так! Условия трудоустройства во Флютике всегда оптимальны и даже в худшем случае безукоризненны.

Тванго прокашлялся и усмехнулся:

– Старина Вимиш! Мы сотрудничали много лет! Но теперь мы в расчете, и он желает удалиться на покой. Не так ли, Вимиш?

– Вы совершенно правы, мастер Тванго!

Кугель осторожно предложил:

– Не могли бы вы разъяснить, какие обязанности выполняются и какие льготы предоставляются на различных должностных уровнях? Оценив преимущества тех или иных вакансий, я мог бы точнее определить, какие из моих навыков оказались бы для вас самыми полезными.

Вимиш воскликнул:

– Предусмотрительный запрос! Кугель проявляет похвальную сообразительность! Если я не заблуждаюсь, во Флютике его ожидает успешная карьера.

Тванго снова поправил бумаги на столе.

– Сущность моего предприятия очень проста. Мы извлекаем и реставрируем древние сокровища. Я произвожу экспертизу и опись, после чего мы пакуем экспонаты и продаем их экспедитору в Саскервое, а тот уже доставляет их конечному получателю – насколько мне известно, выдающемуся чародею в Альмерии. Если мне удастся обеспечить максимальную эффективность выполнения работ на каждом этапе (Вимиш позволяет себе называть мой подход педантичным и даже дотошным), иногда это приносит небольшую прибыль.

– Я хорошо знаком с Альмерией, – заметил Кугель. – Кто чародей, скупающий экспонаты?

Тванго усмехнулся:

– Экспедитор Сольдинк отказывается назвать заказчика, чтобы я не продавал антиквариат без посредника, извлекая двойную прибыль. Но из других источников я узнал, что получателем товаров является некий Юкоуну из Перголо... Кугель, вы что-то сказали?

Кугель с улыбкой прикоснулся к животу:

– Прошу прощения, отрывка... Примерно в это время я обычно ужинаю. Как насчет вас? Вы собираетесь подкрепиться? Может быть, нам следует продолжить обсуждение за вечерней трапезой?

– Всему свое время, – обронил Тванго. – Продолжим, однако... Вимиш давно координировал наши археологические раскопки, и теперь его должность освобождается. Вы когда-нибудь слышали о Скорогрохе?

– Признаться, нет, не слышал.

– Тогда мне придется сделать небольшое отступление. В эпоху Кутцевских войн восемнадцатого эона Ундерхерд, демон из преисподней, вмешался в дела Высшего Света, в связи с чем Скорогрох решил снизойти на Землю и навести порядок. По неизвестной причине – лично я подозреваю, что у него просто закружилась голова, – Скорогрох плюхнулся в болото. В месте его падения образовался небольшой кратер, ныне заполненный жидкой грязью и находящийся у меня на заднем дворе. Чешуя Скорогроха сохранилась по сей день. Она рассеялась по кратеру, и мы добываем эти драгоценные чешуйки.

– Вам сопутствовала удача – в том, что кратер оказался рядом с вашей усадьбой, – заметил Кугель. – Тем самым повышается производительность предприятия.

Тванго попытался проследить направление мыслей Кугеля, но тут же отказался от решения этой задачи.

– Верно. – Он указал на столешницу, установленную сбоку: – Вот миниатюрная реконструкция Скорогроха.

Кугель поднялся и подошел к макету, изготовленному из большого количества кусочков серебряной фольги, закрепленных на каркасе из тонкой серебряной проволоки. Стройный торс покоился на двух коротких ногах с круглыми перепончатыми подошвами. У Скорогроха не было головы; постепенно сужаясь, торс заканчивался напоминающим нос корабля наверху, а на груди у этого существа сверкала чешуйка исключительно сложной конфигурации, с красным бугорком в центре. Из верхней части торса выступали четыре руки; Кугель не заметил

никаких признаков наличия органов чувств или пищеварительного тракта и обратил внимание Тванго на этот любопытный факт.

– Да-да, разумеется, – отозвался Тванго. – Обитатели Высшего Света устроены по-другому. Так же как наша модель, Скорогрох состоял из чешуек, соединенных, однако, не серебряной проволокой, а матрицей линий силового поля. Когда Скорогрох погрузился в болото, воздействие влаги нейтрализовало силовое поле, чешуя рассеялась, и Скорогрох лишился способности сохранять свою форму – что, по представлениям Высшего Света, равносильно смерти.

– Жаль! – заметил Кугель, снова присаживаясь. – На первый взгляд его поступок можно было бы назвать благородным самопожертвованием.

– Может быть, и так, – пожал плечами Тванго. – Нам трудно понять его побуждения. А теперь перейдем к делу. Вимиш покидает наш небольшой сплоченный коллектив, в связи с чем должность бригадира остается незанятой. Считаете ли вы, что сможете заполнить эту вакансию?

– Разумеется, я вполне на это способен, – заявил Кугель. – Раскопки, позволяющие обнаруживать ценные артефакты, всегда вызывали у меня живой интерес!

– Значит, вам подойдет такая работа!

– А как насчет оклада?

– Ваш заработок будет точно таким, каким был заработок Вимиша, несмотря на то, что Вимиш накопил многолетний опыт и усвоил полезнейшие навыки. В таких вопросах я избегаю фаворитизма.

– Но сколько зарабатывает Вимиш? Не могли бы вы назвать приблизительную сумму?

– Предпочитаю не раскрывать такого рода информацию, – уклонился от ответа Тванго. – Но Вимиш, надеюсь, не будет возражать, если я сообщу, что за прошлую неделю он заработал почти триста терциев, а за неделю перед этим – еще столько же.

– Чистая правда, от первого до последнего слова! – подтвердил Вимиш.

Кугель погладил подбородок.

– Пожалуй, такой заработок соответствовал бы моим потребностям.

– Вот и хорошо! – заключил Тванго. – Значит, вы готовы приступить к выполнению обязанностей бригадира?

Кугель размышлял еще несколько секунд.

– В том, что касается начисления моего заработка, – готов сию минуту. Однако я хотел бы поближе познакомиться с тем, как делаются дела на вашем предприятии. Надеюсь, на протяжении этого срока вы могли бы предоставить мне ночлег и приемлемое пропитание?

– Все это обеспечивается по номинальным расценкам. – Тванго поднялся на ноги. – Но я задерживаю вас разговорами, тогда как вы, несомненно, устали и проголодались. Вимиш, в качестве последнего поручения, будьте добры, проведите Кугеля в трапезную, где он мог бы поужинать чем угодно, по своему выбору. После этого вы оба можете отдохнуть, пользуясь удобствами, соответствующими вашим предпочтениям. Кугель, приветствую вас в качестве работника нашего предприятия! Завтра утром мы согласуем подробности, относящиеся к размеру вашего вознаграждения.

– Пойдемте! – воскликнул Вимиш. – В трапезную! – Он поспешно захромал к двери, остановился и повернулся к Кугелю, подзывая его нетерпеливыми жестами: – Не ленитесь, пошевеливайтесь, Кугель! Во Флютике никто не сидит без дела!

Кугель взглянул мастеру Тванго в глаза:

– Почему Вимиш так возбужден и почему мне нельзя ни минуты посидеть спокойно?

Тванго с улыбкой покачал головой – поведение старика его, очевидно, забавляло и умиляло.

– Вимиш неподражаем! Даже не пытайтесь сравняться с ним в усердии! Нигде и никогда я больше не найду такого работника!

Вимиш снова позвал:

– Пойдемте, Кугель! Вы собираетесь здесь сидеть и болтать, пока Солнце не погаснет?

– Иду, иду! Но я не желаю спешить вслепую по длинному темному коридору!

– Я покажу, куда идти, следуйте за мной!

Стараясь не отставать от торопливого старика, Кугель прошел в трапезную – зал со столами вдоль одной стены и длинным сервантом, заполненным всевозможными яствами, с другой. Там уже сидели и ужинали два человека. Один – тяжеловесный субъект с багровым лицом, толстой шеей и растрепанной копной светлых кудрявых волос – угрюмо поглощал вареные кормовые бобы с хлебом. Второй, тощий и гибкий, как ящерица, с продолговатым костлявым лицом, жесткими черными волосами и темной, словно задубевшей кожей, закусывал не менее аскетическим блюдом – пареной кормовой капустой с долькой сырого лука в качестве приправы.

Внимание Кугеля, однако, сосредоточилось на серванте. Он в замешательстве повернулся к Вимишу:

– Тванго всегда предлагает работникам такой великолепный ассортимент деликатесов?

– Да, как правило, – обронил Вимиш так, словно его это несколько не интересовало.

– А кто эти двое?

– Слева сидит Еллег, справа – Мальзер. Они составляют бригаду под вашим руководством.

– Всего два человека? Я ожидал, что работников будет больше.

– Двоих вполне достаточно – вы сами в этом убедитесь.

– Для людей, зарабатывающих на жизнь физическим трудом, у них удивительно скромный аппетит.

Вимиш безразлично смотрел в потолок.

– Может возникнуть такое впечатление. Так что же? Что вы возьмете себе на ужин?

Кугель подошел к серванту, чтобы поближе познакомиться с его содержимым.

– Начну с копченой маслорыбицы и салата из листового перца. Эта жареная птица тоже представляется весьма съедобной... Кроме того, я не прочь попробовать ломтик окорока – с той стороны, где он не слишком прокоптился... Гарниры выглядят неплохо. Под конец я не отказался бы от этих пирожков и бутылки «Фиолетового мендоленса». Ничего не скажешь – Тванго заботится о персонале!

Кугель наполнил поднос высококачественными блюдами. Тем временем Вимиш ограничился маленькой миской с вареными листьями лопуха. Кугель изумился:

– Неужели вас устраивает такая скудная закуска?

Глядя в миску, Вимиш нахмурился:

– Не могу не признать, что этого может показаться мало. Но я стараюсь не слишком наедаться перед сном – это мешает сосредоточиться впоследствии.

Кугель самоуверенно рассмеялся:

– Я намерен организовать работы на рациональной основе – без всей этой лихорадочной беготни и беспрестанных понуканий. Все это ни к чему.

– Вы обнаружите, что время от времени вам придется работать не меньше, чем вашим подчиненным. Это входит в обязанности бригадира.

– Ни в коем случае! – величественно заявил Кугель. – Я настаиваю на строгом распределении функций. Землекоп не руководит, а руководитель не копает землю. Но это ваш последний ужин перед выходом на пенсию – почему бы вам не закусить и не выпить как следует?

– Мой счет закрыт, – объяснил Вимиш, – я не хотел бы открывать его снова.

– Но это же такая мелочь! – возражал Кугель. – Тем не менее, если вас это беспокоит, вы можете есть и пить за мой счет – пользуйтесь случаем!

– В высшей степени щедро с вашей стороны! – вскочив на ноги и торопливо хромая, Вимиш подскочил к серванту и вернулся с подносом, содержащим отборные мясные блюда, консервированные фрукты, пирожные, большой ломоть сыра и бутылку вина, каковые он атаковал с поразительным аппетитом.

Внимание Кугеля привлек какой-то звук, раздавшийся сверху. Подняв глаза, он обнаружил Гарка и Гукина, сидевших на полке. Гарк держал табличку, а Гукин делал на ней пометки, пользуясь пером потрясающей длины.

Гарк зорко поглядывал на блюда, стоявшие перед Кугелем, и перечислял:

– Во-первых, маслорыбица копченая, приправленная чесноком и зеленым луком, – четыре терция. Далее – крупная, хорошо откормленная птица, жареная, с миской соуса и семью гарнирами – одиннадцать терциев. Кроме того – три пирожка с рубленным мясом и травами, по три терция каждый, – итого девять терциев; но три пучка пряных трав учитываются отдельно, по два терция каждый, – итого шесть терциев. Одна большая банка айвового варенья – три терция. Вино – девять терциев. Салфетка и пользование столовыми приборами – один терций.

Гукин отозвался:

– Учтено и подсчитано. Кугель, подпишитесь вот здесь.

– Подождите-ка! – резко вмешался Вимиш. – Сегодня я ужинаю за счет Кугеля. Занесите стоимость моих блюд в его графу.

Гарк строго спросил:

– Так ли это, Кугель?

– Я пригласил Вимиша поужинать за мой счет, это так, – подтвердил Кугель. – Тем не менее в качестве бригадира я приказываю аннулировать всю относящуюся ко мне задолженность. То же касается и Вимиша, почетного ветерана, получившего премиальный ужин по моему распоряжению.

Гарк и Гукин расхохотались визгливыми голосами, и даже дряхлый Вимиш позволил себе скорбно улыбнуться.

– Во Флютике, – сказал Вимиш, – никто никогда не отступает от правил. Тванго не позволяет эмоциям препятствовать коммерции. Если бы воздух, которым мы дышим, принадлежал мастеру Тванго, мы платили бы звонкой монетой за каждый вздох.

– Правила должны быть пересмотрены, и немедленно! – с достоинством возразил Кугель. – В противном случае я тут же слагаю с себя полномочия бригадира. Должен отметить также, что птица была недожарена, а чеснок выдохся.

Гарк и Гукин не обратили на его слова никакого внимания. Гукин занимался подсчетом стоимости ужина Вимиша. Закончив, он сказал:

– Вот таким образом. Кугель, снова требуется ваша подпись.

Кугель бегло просмотрел записи на табличке.

– Эти закорючки, нацарапанные птичьей лапой, ничего для меня не значат!

– В самом деле? – ласково спросил Гукин. Взяв табличку, он взглянул на нее. – Ага! Вот в чем дело. Я забыл начислить три терция за способствующие пищеварению пилюли, которые Вимиш тайком положил в карман.

– Пойдите, пойдите! – взревел Кугель. – Сколько вы там уже насчитали?

– Сто шестнадцать терциев. Кроме того, нам нередко предлагают чаевые за обслуживание.

– Только не сегодня! – Кугель схватил табличку и нацарапал свою подпись. – А теперь убирайтесь! Не могу ужинать как следует в присутствии пары зубастых болотных попрыгунков, присматривающих за мной из-за угла!

Гарк и Гукин в ярости ускакали прочь. Вимиш сказал:

– Ваше последнее замечание может вам дорого обойтись. Не забывайте, что Гарк и Гукин готовят еду – тот, кто их раздражает, иногда находит в миске самые отвратительные ингредиенты.

– Пусть лучше *они* меня боятся! – решительно заявил Кугель. – Я бригадир, а не кто-нибудь! Если Тванго не обеспечит исполнение моих указаний, я откажусь от должности!

– Конечно, вы можете сделать это по своему усмотрению – но только тогда, когда полностью рассчитаетесь за расходы.

– Не вижу в этом большой проблемы. Если бригадир зарабатывает триста терциев в неделю, на моем счету скоро не останется никаких задолженностей.

Вимиш осушил бокал несколькими жадными глотками. По всей видимости, вино развязало старику язык. Наклонившись к Кугелю, он хрипло прошептал:

– Триста терциев в неделю, а? Для меня это была счастливая случайность! Еллег и Мальзер – грязелазы. Так у нас называют их профессию. Они получают от трех до двадцати терциев за каждую найденную чешуйку, в зависимости от качества. За набедренную чешуйку в форме клеверного листа платят десять терциев, так же как за спинную чешуйку двойной яркости. За соединительный секвалион – с наверхия или нагрудный – они получают двадцать терциев. Редкие боковые блески тоже оценивают в двадцать терциев каждую. А тому, кто найдет пекторальный неборазрывный брызгосвет, обещают сто терциев.

Кугель подлил вина в бокал Вимиша.

– Я вас внимательно слушаю.

Вимиш пригубил вино, но теперь уже почти не замечал Кугеля, продолжая монолог:

– Еллег и Мальзер встают до рассвета и работают до темноты. В среднем они зарабатывают по десять-пятнадцать терциев в день, причем из этой суммы вычитается стоимость их проживания и пропитания, а также мелкие случайные расходы. Бригадир обязан обеспечивать их безопасность и предоставлять им необходимые удобства, получая за это десять терциев в день. Кроме того, ему полагаются премиальные в размере одного терция за каждую чешуйку, добытую Еллегом и Мальзером, независимо от ее разновидности. Пока Еллег и Мальзер греются у печки или пьют чай, бригадир может сам нырять в грязь.

– Нырять в грязь? – Кугель не совсем понимал, о чем говорил Вимиш.

– Именно так. В грязь, заполняющую кратер, образовавшийся при падении Скорогроха в болото. Это трудная работа, нырять приходится глубоко. Недавно... – Тут Вимиш залпом допил все, что оставалось у него в бокале. – Недавно я нащупал целую гроздь чешуек высокого качества – и среди них множество так называемых чешуек «особых» разновидностей. На следующей неделе мне снова невероятно повезло. В результате я смог полностью рассчитаться с мастером Тванго и в ту же минуту решил больше у него не работать.

Ужин внезапно показался Кугелю безвкусным.

– А раньше... Сколько вы зарабатывали раньше?

– Иногда примерно столько же, сколько Еллег и Мальзер, но обычно меньше.

Кугель поднял глаза к потолку:

– Получая по десять терциев в день и ежедневно прибавляя к задолженности по сто терциев... Какой смысл здесь трудиться?

– Естественный вопрос. Прежде всего, грязелаз отучается от излишней разборчивости в еде. Кроме того, когда человек ежедневно устает до изнеможения, он спит без задних ног, не замечая недостатков убранства своей спальни.

– Но я – бригадир, я внесу изменения! – снова заявил Кугель, на этот раз без особой уверенности.

Вимиш, уже несколько охмелевший, поднял длинный белый указательный палец:

– Тем не менее не забывайте о возможностях! Они существуют, уверяю вас, и в самых неожиданных местах! – Наклонившись к Кугелю, Вимиш усмехнулся и скорчил таинственную гримасу.

– Говорите! – подыграл ему Кугель. – Я вас слушаю!

Отрыгнув, проглотив еще полбокала вина и обернувшись через плечо, Вимиш сказал:

– Невозможно недооценивать тот факт, что, когда имеешь дело с такими проходимцами, как Тванго, полезны самые утонченные навыки.

– Ваши замечания очень любопытны, – кивнул Кугель. – Могу ли я налить вам еще вина?

– Не откажусь! – Вимиш с наслаждением сделал несколько глотков, после чего снова наклонился к собеседнику: – Хотите знать, в чем заключается самая забавная шутка?

– Конечно, хочу!

Вимиш доверительно прошептал:

– Тванго решил, что я выжил из ума! – Откинувшись на спинку стула, Вимиш расплылся в беззубой ухмылке.

Кугель ждал, но шутка Вимиша, по-видимому, заключалась в его последнем замечании. Кугель вежливо рассмеялся:

– Какая нелепость!

– Не правда ли? Несмотря на то что мне удалось расплатиться по счетам самым изобретательным способом! Завтра я покидаю Флютик – и проведу несколько лет, разъезжая по модным курортам. И тогда пусть Тванго хорошенько задумается о том, кто из нас выжил из ума – я или он!

– Не сомневаюсь, что он сделает правильный вывод. По сути дела, мне все ясно – за исключением того, в чем именно заключается упомянутый вами изобретательный способ.

Облизывая губы, Вимиш поморщился – тщеславие и пьяная отвага боролись в нем с последними остатками предусмотрительности. Он открыл рот, чтобы что-то сказать... Но прозвучал гонг – кто-то резко дернул за цепь у входной двери.

Вимиш начал было подниматься, но с беззаботным смехом снова опустился на стул.

– Теперь это ваша обязанность, Кугель, – принимать припозднившихся посетителей. Не говоря уже о тех, кто приходит ни свет ни заря.

– Я – бригадир, а не мальчик на побегушках, – возразил Кугель.

– Мечты, мечты! – вздохнул Вимиш. – Прежде всего вам придется иметь дело с Гарком и Гукином, а они настаивают на неукоснительном соблюдении правил.

– В моем присутствии они научатся ходить на цыпочках!

На стол легла тень бугорчатой головы и заливчатой кепки с длинным козырьком.

– Кто научится ходить на цыпочках?

Подняв глаза, Кугель обнаружил Гукина, пригнувшегося на краю полки и с подозрением смотревшего вниз.

Снова прозвучал гонг.

– Вставай, Кугель! – пропищал Гукин. – Иди открывай дверь! Вимиш объяснит тебе, как это делается.

– Я – бригадир! – заявил Кугель. – С этих пор обязанности привратника будешь выполнять ты. Пошевеливайся!

В ответ Гукин выхватил небольшую плетть-треххвостку, на конце каждого ремешка которой красовалось желтое жало.

Кугель ударил в полку снизу с такой силой, что Гукин кувыркнулся в воздухе и свалился плашмя в блюдо сыров ассорти, выставленное на прилавок серванта. Кугель подобрал плетку и замахнулся:

– Теперь ты готов выполнять свои обязанности? Или мне придется задать тебе хорошую трепку, а потом засунуть, вместе с твоей пошлой кепкой, в горшок с требухой?

В трапезную забежал Тванго с выпучившим глаза Гарком на плече:

– Что за безобразие? Что тут происходит? Гукин, почему ты валяешься в сыре?

Кугель объяснил:

– Так как я – бригадир, ко мне следует обращаться надлежащим образом. Обстоятельства таковы: я приказал Гукину пойти и отворить дверь. Он повел себя с непростительной наглостью, и я как раз собирался его выпороть.

Лицо Тванго порозовело от раздражения:

– Кугель, это против правил! До сих пор именно бригадир выполнял обязанности привратника.

– Значит, отныне вступают в силу новые правила! Бригадир освобождается от выполнения лакейских обязанностей. Кроме того, его оклад увеличивается втрое, и с него не взимается плата за ночлег и пропитание.

Снова прозвенел гонг. Тванго выругался себе под нос.

– Вимиш! Сходи спроси, кто там пришел. Вимиш? Куда ты делся?

Но старый Вимиш уже удалился из трапезной.

Кугель строго приказал:

– Гарк! Сейчас же отвечай на звонок!

Гарк злобно зашипел и не подумал выполнять команду. Кугель указал ему на дверь:

– Гарк, ты уволен за неповиновение руководству! То же относится и к тебе, Гукин. Немедленно убирайтесь отсюда, оба! Возвращайтесь в родное болото, и чтобы я вас больше не видел!

Гукин, успевший занять место на другом плече Тванго, тоже вызывающе шипел.

Кугель обратился к Тванго:

– Если мои полномочия не будут подтверждены, боюсь, мне придется отказаться от предложенной вами должности.

Тванго всплеснул руками:

– Довольно глупостей! Пока мы тут стоим, кто-то без конца звонит у входа! – Он поспешил открывать дверь; Гарк и Гукин свалились на пол и поскакали за ним.

Кугель тоже направился ко входу – но с достоинством, не торопясь. Тванго распахнул дверь и впустил коренастого человека средних лет, в коричневом плаще с капюшоном. За ним вошли еще двое, в таких же плащах.

Тванго приветствовал посетителя с уважением, но как старого знакомого:

– Мастер Сольдинк! Уже стемнело! Что заставило вас пуститься в путь так поздно?

– Важные, срочные новости – нельзя было ждать ни минуты, – мрачно ответил Сольдинк.

Потрясенный Тванго отступил на шаг:

– Как? Меркантидес умер?

– Нет, трагедия заключается в обмане и воровстве!

– Что украли? – нетерпеливо спросил Тванго. – Кого обманули?

– Фактически дело вот в чем. Четыре дня тому назад, точно в полдень, я прибыл сюда с бронированным фургоном в сопровождении понярых, Ринца и Джорнулка. Оба они, как вы знаете, – старейшины, известные своей неподкупностью.

– Никто никогда не подвергал сомнению их репутацию – в том числе я. Но почему вы об этом упомянули?

– Терпение, терпение! Я все объясню.

– Продолжайте! Кугель! Вы – человек, выдавший виды. Послушайте и составьте свое мнение. К вашему сведению, это мастер Сольдинк из экспедиторской фирмы «Сольдинк и Меркантидес».

Кугель приблизился на шаг, а Сольдинк приступил к дальнейшим разъяснениям:

– Я зашел в ваш рабочий кабинет вместе с Ринцем и Джорнулком. Там, в нашем присутствии, вы отсчитали шестьсот восемьдесят чешуек Скорогроха, и мы упаковали их в четыре ящика.

– Верно. В эту партию входили четыреста «обыкновенных» чешуек, двести «особых» и восемьдесят «особых высшей категории», то есть уникального качества.

– Вот именно. Вместе, в присутствии Вимиша, мы закрыли ящики наглухо, обязали их лентами, наложили пломбы и закрепили маркировочные таблички. Предлагаю вызвать Вимиша, чтобы он, как человек исключительно опытный, пролил свет на таинственные обстоятельства этого дела.

– Гарк! Гукин! Будьте добры, позовите Вимиша. И все же, мастер Сольдинк, вы еще не объяснили, в чем, собственно, заключается проблема!

– Объясню сию минуту. Итак, в вашем и в моем присутствии, а также в присутствии Вимиша, Ринца и Джорнулка драгоценные чешуйки упаковали в ящики – как всегда, непосредственно у вас в кабинете. Затем Вимиш, под нашим наблюдением, разместил ящики на тележке – насколько я помню, мы еще похвалили его за то, как он украсил и оснастил тележку, предотвратив всякую возможность падения ящиков. После этого мы с Ринцем прошли вперед, а вы с Джорнулком замыкали шествие, пока Вимиш осторожно катил тележку с ящиками по коридору. По пути он остановился только один раз, чтобы поправить башмак, – при этом он что-то заметил по поводу необычно прохладной и промозглой погоды.

– Да-да, я хорошо это помню. И что дальше?

– Вимиш подкатил тележку к бронированному фургону, и ящики переместили в установленный в фургоне сейф, который я немедленно закрыл на замок. Я выписал вам квитанцию, подтверждающую получение груза, каковую подписали также понятые Ринц и Джорнулк; в качестве свидетеля с вашей стороны ее подписал Вимиш. Наконец, я уплатил вам условленную сумму, а вы вручили мне расписку о ее получении. Мы доставили фургон, нигде не останавливаясь по пути, в Саскервой; там, с соблюдением всех формальностей, ящики были помещены в бронированную камеру хранения, где они ожидали отправки в далекую Альмерию.

– И что же?

– Сегодня Меркантидес решил проверить качество товара. Я вскрыл тщательно опечатанный ящик и обнаружил в нем только комки грязи и щебень. После этого, естественно, мы вскрыли и другие ящики. В каждом из них не было ничего, кроме земли и щебня. В этом и состоит проблема. Мы надеемся, что вы или Вимиш поможете нам разобраться в том, что произошло, – или, если вы не способны предоставить такие разъяснения, вернете выплаченные вам деньги.

– О возвращении денег не может быть и речи. Не могу ничего добавить к вашему изложению фактов. Все происходило именно таким образом. И если бы Вимиш заметил что-нибудь необычное, он, конечно же, сообщил бы мне об этом.

– Тем не менее его показания могли бы способствовать расследованию. Где он?

Гарк прискакал в прихожую, возбужденно выпучив глаза, и хрипло объявил:

– Вимиш на крыше! И ведет себя чрезвычайно странно!

Донельзя раздраженный, Тванго воздел руки к потолку:

– Он состарился на службе, но неужели же *настолько* выжил из ума? Ведь он только что вышел на пенсию!

– Как вы сказали? – воскликнул Сольдинк. – Вышел на пенсию? Очень любопытно!

– Нас это тоже удивило: во Флютике еще такого не было. Он расплатился с долгами – до последнего терция – и заявил, что уходит на покой.

– Странно! В высшей степени странно! – заметил Сольдинк. – Необходимо, чтобы Вимиш сейчас же спустился с крыши!

Гарк поскакал вперед, Тванго выбежал в сад. За ними последовали Сольдинк, Ринц, Джорнулк и Кугель.

Уже наступила темная ночь, пространство перед крыльцом озаряло только несколько бледных созвездий, но отражения внутренних огней усадьбы позволяли различить силуэт Вимиша, разгуливавшего по коньку крыши, с трудом сохраняя равновесие.

Тванго позвал его:

– Вимиш! Зачем ты забрался на крышу? Что ты там делаешь? Спускайся сейчас же!

Вимиш озираясь по сторонам, пытаясь понять, откуда исходит зовущий его голос. Заметив внизу Тванго и Сольдинка, он издал дикий вопль, полный вызова и какого-то задорного веселья.

– Как следует понимать его реакцию? – спросил Сольдинк.

Тванго снова закричал:

– Вимиш, пропало множество чешуек! Мы хотели бы задать тебе пару вопросов.

– Спрашивайте! Спрашивайте сколько угодно! Спрашивайте хоть всю ночь! Но я останусь здесь и никуда не спущусь. Мне нравится гулять по крыше. По сути дела, я не хочу, чтобы меня беспокоили.

– Но, Вимиш, нам нужно тебя расспросить. Для этого тебе придется спуститься. Не заставляй нас ждать!

– Я с вами рассчитался! И теперь делаю что хочу!

Тванго сжал кулаки:

– Мастер Сольдинк в замешательстве, он беспокоится! Пропавшие чешуйки незаменимы!

– Я тоже незаменим, и вы в этом убедитесь! – Вимиш снова издал странный хохочущий вопль.

– Вимиш явно спятил, – мрачно заметил Сольдинк.

– Работа составляла весь смысл его жизни, – пытался объяснить ситуацию Тванго. – Он нырнул глубоко в грязь и нашел целое скопление чешуек, после чего расплатился по счетам. И с тех пор ведет себя очень странно.

– Когда он нашел скопление чешуек? – поинтересовался Сольдинк.

– Всего лишь два дня тому назад.

И Тванго снова повысил голос:

– Вимиш! Сейчас же прекрати безобразничать и спускайся! Нам нужна твоя помощь!

– Вимиш нашел залежь чешуек после того, как мы приняли последнюю партию товара? – спросил Сольдинк.

– Совершенно верно. По сути дела, на следующий день.

– Любопытное совпадение.

Тванго уставился на экспедитора, ничего не понимая:

– Надеюсь, вы не подозреваете Вимиша?

– Фактические обстоятельства делают такое подозрение вполне обоснованным.

Тванго резко повернулся:

– Гарк, Гукин, Кугель! Заберитесь на крышу, быстро! И помогите Вимишу спуститься!

Кугель высокомерно возразил:

– Гарк и Гукин – мои подчиненные. Сообщите мне о своих пожеланиях, и я дам соответствующие указания.

– Кугель, ваши манеры невыносимы! Я смещаю вас с должности бригадира, здесь и сейчас! А теперь забирайтесь на крышу! И приведите ко мне Вимиша – не задерживайтесь!

– Я боюсь высоты, – буркнул Кугель. – Мне придется уволиться.

– Никто не уволится, пока не выплатит задолженность. Причем в сумму вашей задолженности входит стоимость сыров, на которые по вашей вине шлепнулся Гукин.

Кугель начал протестовать, но Тванго сосредоточил внимание на крыше и отказывался его слушать.

Вимиш прогуливался взад и вперед по коньку. У него за спиной появились Гарк и Гукин. Тванго закричал:

– Вимиш, внимание! Гарк и Гукин помогут тебе спуститься!

Вимиш опять истерически расхохотался, разбежался и бросился головой вниз на мостовую перед крыльцом. Гарк и Гукин опасливо подобрались к краю крыши и смотрели выпученными глазами на распластавшуюся внизу фигуру.

Наскоро проверив, есть ли пульс у старика, Тванго повернулся к Сольдинку:

– Боюсь, что он мертв.

– И где же пропавшие чешуйки?

– Вам придется заниматься поисками в Саскервое, – сказал Тванго. – Хищение не могло иметь места во Флютике.

– Я в этом не уверен, – возразил Сольдинк. – Подозреваю, что товар похитили именно здесь.

– Вас вводят в заблуждение случайные совпадения, – настаивал Тванго. – Здесь холодно, давайте вернемся в особняк. Кугель, перетащите тело в сарай садовника на заднем дворе. Могила Вимиша уже вырыта; утром вы сможете его похоронить.

– Вы забыли, что я уволился, – напомнил Кугель. – Если вы не предложите гораздо более приемлемые условия трудоустройства, я больше не работаю во Флютике.

Тванго топнул ногой:

– Почему именно тогда, когда нас постигла беда, вы пристааете со своими глупостями? Больше не могу тратить на вас время! Гарк, Гукин! Кугель уклоняется от выполнения обязанностей!

Гарк и Гукин подобрались поближе к Кугелю. Гукин захлестнул веревкой лодыжки Кугеля и затянул их петлей, в то время как Гарк набросил Кугелю на голову сеть. Кугель тяжело упал на землю, после чего Гарк и Гукин принялись избивать его короткими кольями.

Через некоторое время Тванго выглянул из прихожей:

– Хватит! У нас уши болят от всего этого гвалта! Если Кугель образумился, позвольте ему работать.

Кугель решил выполнить приказание Тванго. Бормоча ругательства, он оттащил тело Вимиша в сарай на заднем дворе. После этого он направился, прихрамывая, в освобожденную Вимишем хижину и провел там почти бессонную ночь, мучимый растяжениями, синяками и ушибами.

Рано утром Гарк и Гукин стали ломиться к нему в дверь.

– Вставай, пора на работу! – кричал Гукин. – Тванго хочет обыскать эту хижину.

Несмотря на болячки, к тому времени Кугель уже занимался поисками какого-нибудь тайника в хижине покойного бригадира, но ничего не нашел. Почистив щеткой одежду, он поправил шляпу, вышел из хижины размашистыми шагами и стоял в стороне, пока Гарк и Гукин, под руководством Тванго, обыскивали помещение. Сольдинк, судя по всему, провел ночь во Флютике и сейчас нетерпеливо ожидал результатов обыска у входа в хижину.

Тванго закончил поиски.

– Ничего там нет! – сообщил он Сольдинку. – Вимиш ни в чем не провинился!

– Он мог припрятать чешуйки в другом месте.

– Вряд ли! Чешуйки паковали у вас на глазах. Их переместили в фургон под бдительной охраной. Вы сами, в компании Ринца и Джорнулка, сопровождали ящики до фургона. У Вимиша не было никакой возможности украсть товар – не больше, чем у меня!

– Чем же объясняется тот факт, что Вимиш внезапно разбогател?

– Он нашел скопление чешуек – что время от времени случается, ничего удивительного.

Сольдинку больше нечего было сказать. Покинув Флютик, он стал подниматься на холмы по дороге в Саскервой.

Тванго собрал работников на совещание в трапезной. Присутствовали Еллег, Мальзер, Кугель и слабоумный садовник Бильберд. Гарк и Гукин притаились на высокой полке и следили за тем, чтобы все вели себя как положено.

Тванго мрачно произнес:

– Сегодня мне придется сообщить вам печальную новость. Ночью Вимиш решил прогуляться в темноте, и с ним случилась беда – его больше с нами нет. Увы! Его мечте – прожить остаток дней в довольстве и покое – не суждено было сбыться. Каждому из нас есть о чем задуматься перед лицом этой трагедии!

Есть и другие новости, не менее тревожные. Кем-то присвоены или похищены четыре ящика с чешуйками, составляющими огромную ценность. Может ли кто-нибудь из вас поделиться сведениями, даже самыми незначительными, которые помогли бы решить эту загадку? – Тванго переводил взгляд с одного лица на другое. – Нет? В таком случае мне больше нечего сказать. Все по местам, за работу! И пусть всех нас вдохновляет удачная находка Вимиша!

Еще одно – последнее – замечание. В связи с тем, что Кугель еще недостаточно знаком со своими повседневными обязанностями, я призываю всех дружески протянуть ему руку помощи, как подобает сотрудникам, с энтузиазмом делающим общее дело, и научить его тому, чего он еще не знает, но что должен знать. Итак, все за работу! Скорость и производительность превыше всего!

Тванго отвел Кугеля в сторону:

– Вчера вечером между нами возникло недоразумение по поводу того, в чем именно заключаются функции бригадира. Во Флютике эту должность занимает человек, помимо прочего обеспечивающий комфорт и благоустройство сотрудников, к числу каковых отношусь и я, но ни в коем случае не контролирующий их поведение.

– Я получил соответствующие разъяснения, – сухо обронил Кугель.

– Вот именно. А теперь приступайте к выполнению вашей первоочередной обязанности и похороните Вимиша. Он приготовил себе могилу на заднем дворе, за большим кустом черники. В то же время вы могли бы выбрать подходящий участок и вырыть могилу себе – на тот случай, если вас тоже постигнет несчастье и вы умрете, работая во Флютике.

– Я не рассчитываю здесь умереть, – возразил Кугель. – Мне еще многое предстоит сделать в этой жизни.

– Вимиш выражал не менее радужные надежды, – развел руками Тванго. – Но он мертв! Его товарищам, однако, не придется выполнять за него печальный долг, так как он уже вырыл себе могилу, ухаживал за ней и даже украшал ее. – Тванго помолчал и уныло усмехнулся: – Можно подумать, что Вимиш слышал шорох черных крыльев смерти! Всего лишь позавчера я видел, как он чистил свою могилу и приводил в порядок оградку вокруг нее, чтобы все было честь по чести!

– Позавчера? – Кугель нахмурился: – После того, как нашел залежь чешуек?

– Верно! Вимиш был прилежным, предусмотрительным человеком. Надеюсь, он послужит вам примером, Кугель, – примером того, как следует жить и работать во Флютике!

– Я тоже на это надеюсь, – отозвался Кугель.

– Так пойдите похороните Вимиша. Его тележка – в сарае. Он сам ее изготовил; думаю, что это самое подходящее средство для перевозки его тела к могиле.

– Вы правы, так будет лучше всего. – Без дальнейших слов Кугель направился к сараю и выкатил из него тележку – стол на четырех колесах. Движимый, по-видимому, желанием придать неказистому изделию более респектабельный вид, Вимиш закрепил по периметру стола висящее почти до земли покрывало из темно-синей ткани.

Кугель погрузил тело старика на тележку и повез его на задний двор. Тележка выполняла свою функцию достаточно хорошо, хотя возникало впечатление, что ее верхняя деревянная пластина была недостаточно надежно закреплена. «Странно! – подумал Кугель. – Особенно учитывая тот факт, что на этом столе с колесами возили ящики с драгоценными чешуйками». Изучив конструкцию тележки, Кугель обнаружил, что верхняя пластина крепилась единственным шпёнком. Как только Кугель вытащил этот шпёнок, поверхность стола начала переворачиваться, и труп Вимиша упал бы, если бы Кугель не подхватил его.

Кугель еще раз внимательно осмотрел тележку, после чего отвез тело старика на северную окраину окружавшего усадьбу сада – туда, где Вимиш выбрал место для своего вечного упокоения.

Остановившись, Кугель посмотрел по сторонам. За глубокой прямоугольной ямой тянулась живая изгородь мирадионов – длинные гроздья их лиловых соцветий покачивались над самой могилой. В разрывах листвы можно было видеть пляж и блестящую морскую гладь. Слева пологий склон, поросший кустарником-горьколистом и свирельным тростником, спускался к пруду, заполненному черной грязью.

Еллег и Мальзер уже работали. Сгорбившись и поеживаясь от холода, они ныряли в грязь с нависшего над прудом трамплина. Будучи обвязаны веревками с грузилами, они погружались как можно глубже и долго шарили вслепую в поисках чешуек, после чего выныривали, отдуваясь и отплеываясь, сплошь покрытые стекающей струйками черной слизи.

Кугель с отвращением покачал головой – и тут же громко вскрикнул: что-то ужалило его в правую ягодицу. Резко обернувшись, он заметил Гарка, выглядывавшего из-под широкого крапчатого лопуха. Болотный гоблин держал в руке маленькую рогатку, с помощью которой запускал камешки, и в данном случае мишенью, по-видимому, служил Кугель. Поправив козырек красной кепки, Гарк выступил вперед:

– Пошевеливайся, Кугель! Ты халтуришь, а время не ждет!

Кугель не снизошел до ответа. Сохраняя достоинство настолько, насколько это было возможно, он стал опускать тело старика в яму, и Гарк удалился.

В самом деле, Вимиш мог бы гордиться состоянием своей могилы! Глубиной метра полтора, она отличалась похвальной ровностью вертикальных стенок – хотя с одной стороны, в самом низу, грунт казался рыхлым и сыпучим. Кугель удовлетворенно кивнул.

– Весьма вероятно, – бормотал он себе под нос. – Скорее всего, так и есть!

С лопатой в руке он спрыгнул в яму и начал было прощупывать рыхлый грунт лотком лопаты, но тут же заметил краем глаза приближение маленькой фигуры в красной кепке. Гарк возвращался, надеясь застать Кугеля врасплох и опять запустить ему в задницу острый камешек. Набрав полную лопату земли, Кугель резким взмахом опорожнил ее через плечо в ту сторону, откуда подкрадывался гоблин. Послышалось возмущенное восклицание, свидетельствовавшее о достижении желаемого результата.

Кугель выбрался из могилы. Неподалеку, злобно стряхивая землю с красной кепки, сидел на корточках Гарк.

– Ты что же, не смотришь, куда швыряешь землю?

Опираясь на лопату, Кугель усмехнулся:

– Как я могу тебя заметить, если ты прячешься в кустах?

– Ответственность за свои телодвижения несешь ты! А моя обязанность – следить за тем, как ты выполняешь работу!

– Тогда прыгай в могилу – так тебе будет удобнее следить за каждым моим движением!

Гарк яростно выпучил глаза, хитиновые выросты его пасти закрипели:

– Ты меня за дурака принимаешь? Давай работай! Тванго не платит бездельникам, загорающим в саду!

– Какие строгости, однако! – заметил Кугель. – Что ж, ничего не поделаешь. – Без дальнейших церемоний он столкнул тело Вимиша в могилу, заполнил яму землей и утрамбовал засыпку.

Так прошло утро. В полдень Кугель превосходно закусил тушеным угрем с черемшой и репой, а также засахаренными экзотическими фруктами, запивая все это белым вином. Еллег и Мальзер, обедавшие хлебом из муки грубого помола и маринованными желудями, с завистью и удивлением поглядывали на бригадира.

Ближе к вечеру Кугель вышел на берег пруда, чтобы помочь ныряльщикам привести себя в порядок после работы. Первым из пруда выбрался Мальзер, неспособный разогнуть скрюченные от холода пальцы. За ним последовал Еллег. Кугель смыл с них липкую грязь струей воды, поступавшей по трубопроводу из ручья, после чего Еллег и Мальзер переоделись под навесом – от длительного пребывания в холодном пруду их кожа сморщилась и приобрела лавандовый оттенок. Так как Кугель забыл развести огонь, жалобы грязелазов прерывались только стучением их зубов.

Кугель поспешил исправить оплошность, тем временем ныряльщики обсуждали достигнутые за день результаты. Еллегу удалось выцарапать из-под камня три «обыкновенные» чешуйки; Мальзер, шаривший в трещине на дне, нашел четыре чешуйки того же сорта.

– Теперь вы тоже можете понырять, если хотите, – предложил Кугелю Еллег. – Хотя, конечно, скоро уже стемнеет.

– Вимиш нырял почти каждый вечер, – заметил Мальзер. – И частенько занимался этим рано утром. Как бы он ни усердствовал, однако не забывал разводить огонь в нашей печке.

– Прошу прощения, – отозвался Кугель. – Я еще не привык к распорядку вещей.

Еллег и Мальзер еще немного поворчали, после чего направились в трапезную и стали ужинать вареными бурыми водорослями. Кугель наполнил глубокую миску горячим охотничьим гуляшом со сморчками и клецками. На второе он выбрал добрый ломоть печеной баранины под пряным соусом в сопровождении нескольких гарниров и бутылки красного вина, после чего, на десерт, расправился с дюжиной залитых взбитыми сливками бисквитов с золотистыми ягодами сладколиста.

Выходя из трапезной, Еллег и Мальзер задержались, чтобы предупредить Кугеля:

– Вы угощаетесь превосходными блюдами, но они обходятся невероятно дорого! Вы не рассчитаетесь с Тванго до конца своих дней!

Кугель только рассмеялся и беззаботно махнул рукой:

– Присаживайтесь – и позвольте мне восполнить промах, допущенный сегодня вечером. Гарк! Принеси-ка еще пару бокалов и другую бутылку вина. Живее, не волочи ноги!

Еллег и Мальзер охотно уселись за стол. Кугель щедро налил им вина, не забывая и про свой бокал.

Удовлетворенно откинувшись на спинку стула, он сказал:

– Я прекрасно знаю, что не смогу расплатиться за все эти деликатесы. Однако мне на это наплевать, так как я не намерен платить!

Еллег и Мальзер одновременно пробормотали:

– Как же так?

– Смелое заявление, надо сказать!

– Ничего странного в моем подходе нет. Подумайте сами! Солнце может содрогнуться и погаснуть в любой момент. Если к тому времени я задолжаю Тванго десять тысяч терциев за ежедневные аппетитные обеды и ужины, тем лучше! Я умру, довольный жизнью!

Логика Кугеля произвела на Еллега и Мальзера глубокое впечатление – им еще не приходило в голову такое соображение.

Еллег задумчиво произнес:

– Сколько ни вкалывай, все равно остаешься должен хозяину тридцать или сорок терциев. Можно задолжать и десять тысяч – какая разница? Вы это имеете в виду?

Мальзер почесал в затылке:

– В таком случае можно задолжать и двадцать, и тридцать тысяч. Чем больше, тем лучше!

– Поистине величественная перспектива! – заявил Еллег. – Думаю, сегодня мне не помешает на сон грядущий кусок сочной печеной баранины!

– И мне тоже! – восторженно воскликнул Мальзер. – Пусть Тванго беспокоится о расценках! Кугель, поднимаю бокал за ваше здоровье!

Тванго выскочил из соседней каморки, где до сих пор незаметно прятался:

– Я все слышал! Это подлый заговор! Кугель, ваше расточительство равносильно воровству! Гарк! Гукин! С этих пор Кугелю подавать только блюда пятой категории – те самые, которыми довольствовался Вимиш.

Кугель только пожал плечами:

– Если потребуется, я с вами рассчитаюсь до последнего терция!

– Рад слышать! – язвительно откликнулся Тванго. – И какой валютой вы намерены расплатиться, если у вас нет ни гроша?

– У каждого свои секреты, – уклончиво ответил Кугель. – Могу сказать одно: я намерен выгодно модифицировать процесс сбора чешуек.

Тванго презрительно хрюкнул:

– Можете творить чудеса в свободное от работы время. Сегодня вы не смахнули пыль с экспонатов в моей коллекции. Кроме того, вам следовало навести и отполировать паркет. Вы все еще не вырыли себе могилу и не позаботились вынести кухонные отбросы.

– Выносить мусор должны Гарк и Гукин, – возразил Кугель. – Будучи бригадиром, даже если теперь я уже не бригадир, я успел распорядиться об изменении распределения обязанностей.

Гарк и Гукин, сидевшие на полке под потолком, возмущенно выпрямились.

– Обязанности будут выполняться так, как они выполнялись всегда, – не допускающим возражений тоном подвел итог Тванго. – Кугель, вам придется соблюдать установленные правила. – С этими словами владелец предприятия вышел из трапезной, предоставив Кугелю, Еллегу и Мальзеру возможность допить оставшееся вино.

Проснувшись до рассвета, Кугель вышел на задний двор. Холодный влажный воздух наполнял напряженная тишина. Силуэты бутылочных тисов и лиственниц выделялись неясной зазубренной каймой на фоне багрово-серого неба; на поверхности грязевого пруда ветвились разводы плесени.

Кугель подошел к сараю садовника, где у него была припрятана крепкая лопата. За сараем, посреди буйных зарослей бражноплода, он заметил ржавое железное корыто длиной метра три и шириной не больше метра – может быть, когда-то оно служило кормушкой для скота, но теперь его назначение было трудно определить. Тщательно осмотрев эту емкость, Кугель направился к северной окраине сада и, выполняя указание Тванго, начал копать себе могилу под ветвями мирадона.

Несмотря на скорбный характер поручения, Кугель копал прилежно и энергично.

Его усилия были прерваны появлением Тванго, осторожно приближавшегося по садовой дорожке в длинном черном балахоне и черной меховой треуголке, защищавшей голову от утренней прохлады.

Тванго остановился у могилы:

– Вижу, что вы серьезно отнеслись к моим критическим замечаниям. Вы хорошо поработали, но почему, спрашивается, вы решили копать так близко к могиле бедняги Вимиша? Ведь вам двоим придется теперь лежать практически бок о бок.

– Именно так. Мне кажется, что Вимишу – если бы он все еще мог иметь какое-то представление о происходящем – мой выбор пришелся бы по душе.

Тванго поджал губы:

– Сочувствие – положительная эмоция, хотя в данном случае, на мой взгляд, оно граничит с преувеличенной сентиментальностью. – Владелец предприятия взглянул на Солнце: – Как бежит время, однако! Сосредоточив внимание на особом поручении, вы пренебрегаете повседневными обязанностями. На рассвете вы должны были вынести и опорожнить баки с кухонными отбросами.

– Эту обязанность целесообразно возложить на Гарка и Гукина.

– Невозможно! Ручки баков расположены слишком высоко.

– Пусть пользуются ведрами поменьше! Мне предстоит решить задачу первостепенного значения, а именно – применить высокоэффективный способ скорейшего извлечения чешуек Скорогроха.

Тванго настороженно покосился на Кугеля:

– Что вы знаете об этих вещах?

– Так же как Вимиш, я сумел взглянуть на процесс ныряния в грязь с новой точки зрения. Как вам известно, Вимишу удалось добиться замечательных успехов.

– Верно... Да-да, вполне может быть. Но мы не можем перевернуть заведенный распорядок вверх дном ради какой-то идеи или гипотезы – возможно, иллюзорного характера.

– Как вам угодно, – пожал плечами Кугель. Выбравшись из ямы, на протяжении всего оставшегося утра он выполнял, посмеиваясь и напевая, самую неприятную и унижительную работу с таким прилежанием, что Гарк и Гукин сочли нужным сообщить об этом мастеру Тванго.

Ближе к вечеру Кугелю разрешили провести час по своему усмотрению. Он покрыл погребение Вимиша слоем лепестков белоснежных лилий, после чего возобновил рытье своей собственной могилы... Уже через несколько секунд он заметил синюю кепку Гукина – безобразный гибрид гоблина и жабы притаился под ворсистым листом мальвы.

Кугель притворился, что не видит надзирателя, и продолжал энергично копать. Вскоре его лопата наткнулась на один из ящиков, припрятанных Вимишем рядом со своей могилой.

Притворившись, что отдыхает, Кугель обвел взглядом окрестности. Гукин все еще следил за ним из-под мальвы. Кугель вернулся к работе.

Один из ящиков был вскрыт – судя по всему, самим Вимишем; почти все содержимое ящика было извлечено, за исключением небольшой пачки относительно дешевых «особых» чешуек, оставшихся под землей, скорее всего, случайно. Кугель засунул эту пачку в поясную сумку, после чего забросал ящик землей – как раз вовремя, так как Гукин подскочил к могиле по траве:

– Кугель, ты просрочил отведенное тебе время! Когда ты научишься соблюдать расписание?

Кугель с достоинством ответил:

– Ты мог бы заметить, что я рою себе могилу.

– Неважно! Еллегу и Мальзеру пора заварить чай.

– Всеу свое время. – Кугель выбрался из ямы и направился к сараю садовника, где ежились онемевшие от холода Еллег и Мальзер.

– Горячий чай – одно из немногих бесплатных удовольствий, которые нам позволяет Тванго! – закричал Еллег. – Весь день мы шарим по дну в почти замерзшей грязи, ожидая того момента, когда сможем наконец напиться чаю и согреть у огня продрогшие кости!

– А теперь у нас нет ни огня, ни чая! – пожаловался Мальзер. – Вимиш о нас не забывал!

– Не волнуйтесь, – успокоил их Кугель. – Я все еще не освоился со всеми обязанностями.

Кугель разжег огонь в печке и заварил чай; Еллег и Мальзер продолжали ворчать, но Кугель обещал грязелазам исправиться и мало-помалу их умиротворил. Согревшись и напившись чаю, они снова побежали к пруду и плюхнулись в грязь.

Незадолго до захода Солнца Гукин позвал Кугеля в трапезную и указал ему на серебряный бокал, стоявший на подносе:

– Это тонизирующая настойка. В это время ты обязан ежедневно подавать ее мастеру Тванго.

– Вот еще! – возмутился Кугель. – Когда наступит конец всем этим издевательствам?

Гукин только безразлично крикнул. Кугель схватил поднос и отнес его в кабинет. Тванго, надевший мягкие кожаные перчатки, тем временем сортировал чешуйки – рассматривая каждую под увеличительным стеклом, он помещал ее в ту или иную коробку.

Кугель поставил поднос на стол.

– Я хотел бы кое-что заявить.

Приложив линзу к глазу, Тванго отмахнулся:

– Одну минуту, Кугель! Вы же видите, я занят.

– Я подаю вам эту настойку только потому, что меня к этому принуждают. Позвольте снова напомнить вам условия нашего соглашения, согласно которым я назначен бригадиром, то есть руководителем бригады, производящей раскопки во Флютике. Должностью бригадира не предусматривается выполнение обязанностей лакея, судомойки, привратника, чернорабочего и мальчика на побегушках. Если бы я знал, насколько расплывчато вы определяете категории персонала...

Тванго нетерпеливо поднял голову:

– Помолчите, Кугель! Ваши мелкие претензии действуют мне на нервы!

– И все же как насчет нашего договора?

– Придется заново определить круг ваших обязанностей. При этом ваше жалованье останется прежним, так что жаловаться вам не на что. – Тванго выпил настойку. – Не хочу больше ничего слышать по этому поводу! Хотел бы заметить также, что Вимиш, как правило, надевал белый сюртук перед тем, как подавать настойку. Мы оба считали, что это придавало церемонии более торжественный характер.

Тванго вернулся к изучению чешуек, время от времени сверяясь с толстенной книгой в кожаном переплете, обтянутом бронзовой сеткой, с корешком, скрепленным бронзовой спиралью. Кугель мрачно наблюдал за ним. Через некоторое время он спросил:

– Что вы будете делать, когда чешуйки кончатся?

– Пока что мне не приходится об этом беспокоиться, – чопорно ответил Тванго.

– А что это за книга?

– Полезнейший справочник – трактат Харувио «Подробное описание анатомии некоторых представителей Высшего Света». Он позволяет идентифицировать чешуйки и в этом отношении незаменим.

– Любопытно! – отозвался Кугель. – И сколько разновидностей вы уже нашли?

– Не могу точно сказать. – Тванго указал на группу еще не отсортированных чешуек: – Эти серо-зеленые «обыкновенные» экземпляры – типичные составляющие дорсальных участков; розовые и красно-оранжевые – с противоположной (условно – «брюшной») части торса. Чешуйкам каждого сорта свойственно характерное звучание. – Тванго поднес к уху отборную серо-зеленую «обыкновенную» чешуйку, осторожно постучал по ней небольшой металлической палочкой и прислушался, полуприкрыв глаза. – Идеально чистый тон! Сортировать такой товар – одно удовольствие!

– Тогда почему вы надели перчатки?

– Ага! Во Флютике многое озадачивает новичка! Не забывайте, что мы имеем дело с материалом Высшего Света! Воздействие влажных чешуек почти незаметно, однако, высохнув, они раздражают кожу.

Взглянув на лежавшую перед ним схему, Тванго выбрал одну из «особых» чешуек.

– Протяните руку... Не бойтесь, Кугель, не бойтесь! Вам не грозит внезапное превращение в бесенка из преисподней, уверяю вас!

Кугель неохотно протянул руку. Тванго прикоснулся к его ладони «особой» чешуйкой. Кугель почувствовал покалывание кожи, сопровождавшееся тянущим ощущением – словно к его ладони присосалась минога. Кугель проворно отдернул руку.

Тванго усмехнулся и положил чешуйку обратно в коробку.

– Вот почему я надеваю перчатки, прежде чем сортировать сухие чешуйки.

Глядя на стол, Кугель нахмурился:

– И все они такие жгучие?

– Вас ужалила каменистая фронтальная чешуйка наверху, ей свойственна повышенная активность. Вот эти шиповатые соединительные чешуйки легче переносить. Подозреваю, что самым активным окажется пекторальный неборазрывный брызгосвет, так как он контролировал всю сеть силовых линий структуры Скорогроха. «Обыкновенные» чешуйки мало влияют на человека, если не контактируют с ним в течение продолжительного времени.

– Удивительно, как долго действуют потусторонние силы, ведь с тех пор прошли тысячелетия!

– Что такое время с точки зрения существ Высшего Света? Возможно, этот термин даже не существует в их лексиконе. Кстати, о времени – Вимиш, как правило, использовал это время суток, чтоб понырять в поисках чешуек, причем нередко занимался этим и несколько часов после наступления темноты. Воистину, его пример вдохновляет! Благодаря настойчивости, мужественному терпению и умению не отступать перед трудностями он сумел расплатиться по счетам!

– Я предусмотрел другие методы, – возразил Кугель, – хотя их применение может привести к тому же результату. Вполне вероятно, что в ближайшем будущем вы будете приводить в пример своим служащим меня.

– Не исключаю такой возможности – все может быть.

Кугель вышел на задний двор. Солнце уже зашло; в сумерках пруд выглядел матово-черным. Кугель принялся за работу с усердием, которое могло бы произвести впечатление даже на Вимиша. Подтащив к краю пруда железное корыто, он принес из сарая несколько мотков крепкой веревки.

Наступила темнота, только вдали, на морском горизонте, еще брезжило отражение сумеречного зарева – полоска бледно-баклажанного оттенка. Кугель разглядывал грязевой пруд: в его холодные глубины, при свете единственной свечи, мерцавшей на берегу, погружался по ночам Вимиш.

Кугель сардонически покачал головой и размашистым шагом вернулся в усадьбу.

Рано утром Кугель вернулся к пруду. Связав концы нескольких мотков веревки, он привязал ее к корявому стволу можжевельника с одной стороны пруда и к основанию куста бычьего боярышника на противоположном берегу. Пользуясь железным корытом в качестве плавучего средства и подтягиваясь с помощью веревки, он выплыл на середину пруда.

Прибывшие к тому времени Еллег и Мальзер застыли, пораженные открывшимся перед ними зрелищем. Кугель не преминул заметить также красную и синюю кепки Гарка и Гукина, притаившихся в зарослях валерианы.

Кугель опустил в пруд ведро, поднял его и вылил содержимое в корыто. Повторив эту операцию шесть раз, он подтянул корыто к берегу.

После этого отнес тяжелое ведро, полное грязи, к трубе, откуда текла ручьевая вода, и с помощью приготовленного заранее большого сита промыл содержимое ведра проточной водой.

К изумлению Кугеля, когда он смыл грязь, в сите остались две чешуйки: одна «обыкновенная», а другая – достопримечательных размеров, с замысловатым лучистым узором и бледно-красным бугорком в центре.

Произошло какое-то движение, мелькнула маленькая рука – Кугель попытался удержать новую красивую чешуйку, но опоздал! Гукин уже поскакал прочь. Кугель прыгнул, как разъяренная рысь, и придавил Гукина к земле. Схватив чешуйку, он пнул маленький зад гоблина с такой силой, что тот пролетел метра три по воздуху. Приземлившись кувырком, Гукин вскочил на ноги и, угрожая Кугелю кулаком, разразился визгливо квакающей многоэтажной руганью. В ответ Кугель запустил в него тяжелым комком земли. Гукин увернулся и со всех ног поспешил к усадьбе.

Задумавшись на несколько секунд, Кугель вырыл ямку рядом с кустиком темно-синего митроцвета и закопал свою находку. «Обыкновенную» чешуйку он засунул в поясную сумку, после чего отправился за следующим ведром грязи из железного корыта.

Через пять минут на задний двор величественно выступил Тванго. Остановившись неподалеку, он наблюдал за тем, как Кугель промывал в сите грязь из ведра.

– Изобретательный подход! – заметил Тванго. – Блестящая идея! Но с чего вы взяли, что можете присваивать мой товар без разрешения?

– Моя первоочередная цель заключается в сборе чешуек, – холодно отозвался Кугель. – Достижение этой цели выгодно как для меня, так и для вас.

– Гмм... Гукин сообщил мне, что вы уже добыли замечательный «особый» экземпляр.

– «Особый»? Это «обыкновенная» чешуйка. – Кугель вынул ее из сумки.

Поджав губы, Тванго осмотрел чешуйку.

– По словам Гукина, найденная чешуйка выглядела совсем не так.

– Для таких, как Гукин, придуманы слова «лжец», «подлец» и «клеветник». Ему просто невозможно доверять. А теперь прошу меня извинить – я хотел бы вернуться к работе. Время – деньги.

Тванго с сомнением отошел в сторону и следил за тем, как Кугель промывал содержимое третьего ведра грязи.

– Странно! Описание Гукина точно соответствовало характеристикам брызгосвета. Не мог же он вообразить себе такие подробности!

– Чепуха! – откликнулся Кугель. – Мне не пристало размышлять о фантазиях болотного ублюдка.

– Довольно глупостей, Кугель! Меня не интересуют ваши высказывания. Через семь минут – и ни минутой позже – вам надлежит стирать постельное белье.

Ближе к вечеру во Флютик прибыл мастер Сольдинк из фирмы «Сольдинк и Меркантидес». Кугель провел его в кабинет Тванго и притворился, что чем-то занят неподалеку, пока Сольдинк и Тванго обсуждали пропавший товар.

Так же как раньше, Сольдинк утверждал, что ящики с чешуйками на самом деле никогда не были переданы в его распоряжение, и на этом основании требовал возвращения всей уплаченной суммы.

Тванго возмущенно отверг такую возможность.

– Станный, непонятный случай! – признал он. – В дальнейшем придется прибегать к строжайшим формальностям.

– Все это хорошо и замечательно, но в данный момент меня интересует прошлое, а не будущее. Где пропавшие чешуйки?

– Могу только повторить, что вы подписали квитанцию о получении товара, выплатили надлежащую сумму и увезли ящики в фургоне. Это невозможно отрицать! Вимиш, если бы он был жив, засвидетельствовал бы достоверность моих слов!

– Вимиш мертв – мы никогда не узнаем, что он мог бы или не мог бы засвидетельствовать.

– Факты остаются фактами. Если вы желаете компенсировать потерю, воспользуйтесь традиционным способом: поднимите цену, которую платит конечный потребитель. Ему придется нести бремя возмещения непредвиденных убытков.

– Это по меньшей мере конструктивное предложение, – согласился Сольдинк. – Я представлю его на рассмотрение Меркантидеса. Тем временем мы намерены отправить на юг несколько грузов на борту «Галанте» – в том числе, если возможно, партию чешуек. Не могли бы вы собрать еще четыре ящика в течение одного или двух дней?

Тванго постучал пухлым пальцем по подбородку:

– Придется работать сверхурочно, сортируя и оценивая чешуйки. У меня остались кое-какие запасы – думаю, за пару дней я успею приготовить партию из четырех ящиков.

– Это нас вполне устроило бы. Я передам ваш ответ Меркантидесу.

Через два дня Кугель положил перед Тванго, сидевшим за обширным дубовым столом, сто десять чешуек – по большей части «обыкновенных».

Тванго с изумлением уставился на сверкающую россыпь:

– Где вы их нашли?

– Судя по всему, я натолкнулся на ту самую залежь, откуда Вимиш добыл свой клад. Не сомневаюсь, что теперь вы сможете закрыть мой счет.

Тванго нахмурился, разглядывая чешуйки:

– Одну минуту – позвольте мне свериться с записями... Насколько я понимаю, Кугель, вы все еще должны мне пятьдесят три терция. Вы здорово потратились в трапезной; кроме того, здесь указаны дополнительные начисления, которые вы, скорее всего, не учли.

– Дайте-ка мне взглянуть на счета... Ничего не понимаю! Записи совершенно неразборчивы!

– Некоторые записи вносили Гарк и Гукин. У них, пожалуй, не слишком аккуратный почерк.

Кугель с отвращением бросил счета на стол:

– Я настаиваю на тщательном, безошибочном и поддающемся проверке подведении баланса!

Тванго процедил сквозь зубы:

– Кугель, на меня производит крайне неблагоприятное впечатление то, как нагло и цинично вы относитесь к делу.

– Хорошо, сменим тему разговора, – уступил Кугель. – Когда вы намерены снова увидеться с мастером Сольдинком?

– В ближайшее время. Почему вы спрашиваете?

– У меня вызывают любопытство его коммерческие методы. Например, сколько бы он взял с Юкоуну за исключительно редкую «особую» чешуйку – такую, как неборазрывный брызгосвет?

Тванго напряженно ответил:

– Сомневаюсь, что мастер Сольдинк поделится со мной такой информацией. Могу ли я поинтересоваться, с чем именно связано ваше любопытство?

– Это не имеет большого значения. Когда я разговаривал с Вимишем, он предположил, что Сольдинк, возможно, предпочел бы покупать «особые» экземпляры непосредственно у грязелазов, тем самым освобождая вас от существенных затрат труда и времени.

Сначала Тванго жевал губами, не будучи способен произнести ни слова. Наконец он сказал:

– Абсурдная идея, во всех отношениях. Сольдинк не стал бы покупать чешуйки сомнительного происхождения. Я – единственный продавец, уполномоченный продавать чешуйки Скорогроха, и только моя печать может удостоверять их аутентичность. Каждая чешуйка должна быть точно идентифицирована и отнесена к определенной анатомической категории.

– И записи, отражающие расходы вашего персонала, настолько же обоснованны и достоверны? Или, просто из любопытства, мне следует задать этот вопрос мастеру Сольдинку?

Тванго раздраженно схватил со стола счета, выставленные Кугелю:

– Разумеется, могли быть допущены несущественные ошибки в пользу той или иной стороны. В конечном счете, однако, эти погрешности компенсируют одна другую... Да, я замечаю, что в одном месте Гарк неправильно проставил десятичную запятую. Придется потребовать, чтобы впредь он внимательнее относился к ведению счетов. Вам пора подавать чай Еллегу и Мальзеру. Не расслабляйтесь, не ленитесь! Во Флютике все делается скоро и споро!

Кугель неторопливо вышел к пруду. Уже вечерело, с севера налетел порывистый холодный ветер – необычные багрово-черные тучи заслонили распухшее красное Солнце. Поверхность грязевого пруда подернулась рябью. Кугель поежился и плотнее завернулся в плащ.

Из глубины пруда вынырнула голова, хватаясь за камни скрюченными пальцами, на берег выкарабкался Еллег. Сгорбившись, он стоял и отдувался, с него ручьями стекала черная грязь. Разглядывая собранный вслепую материал, он нашел только окатыши и с отвращением отшвырнул их. Мальзер тоже выбрался из пруда на четвереньках и присоединился к Еллегу – оба они поспешили в сарай, чтобы согреться и отдохнуть, но тут же выбежали с яростными криками:

– Кугель! Где наш чай? В печке только холодный пепел! У вас нет никакого сострадания?

Кугель направился к сараю – Еллег и Мальзер угрожающе двинулись ему навстречу. Еллег поднес к лицу Кугеля тяжелый кулак:

– Вы забыли заварить чай в последний раз! Сегодня мы вас проучим и сбросим в пруд!

– Одну минуту, – спокойно прервал его Кугель. – Позвольте мне развести огонь – я сам озяб. Мальзер, будь так добр, набери воды в чайник.

Потеряв дар речи от возмущения, два грязезлаза расступились и ждали, пока Кугель разжигал дрова.

– А теперь, – сказал Кугель, – могу сообщить вам радостную новость. Зачерпывая придонную грязь ведром, я обнаружил богатую залежь чешуек, что позволило мне рассчитаться с Тванго. С этих пор разжигать огонь в печке и заваривать чай будет садовник Бильберд.

Стуча зубами, Еллег спросил:

– Вы увольняетесь?

– Не совсем. Я еще поработаю некоторое время в качестве консультанта.

– Я чего-то не понимаю, – заметил Мальзер. – Как вам удалось найти столько чешуек, не прилагая почти никаких усилий?

Кугель улыбнулся и пожал плечами:

– Сообразительность сыграла свою роль, но прежде всего мне сопутствовала удача.

– Удача, говорите? Та же удача, что привалила Вимишу?

– А, бедняга Вимиш! Ему пришлось много и долго трудиться, но в конце концов ему повезло! Мне повезло скорее. Я вообще счастливчик.

Еллег задумчиво произнес:

– Любопытная последовательность событий! Исчезли четыре ящика с чешуйками. После этого Вимиш выплатил все долги. После этого Гарк и Гукин ловят Вимиша на крыше с плетками в руках, а Вимиш бросается с крыши вниз головой. А затем честняга-работяга Кугель также выплачивает все долги, хотя скребет ведром по дну не дольше часа в день.

– Интересно, не правда ли? – поддакнул Мальзер. – Хотел бы я знать, где прячутся пропавшие чешуйки?

– И кто их нашел? – прибавил Еллег.

– Если вам приспичило сплетничать, дело ваше, – с укоризной отозвался Кугель. – Тем временем мне пора работать.

Пользуясь железным корытом, Кугель набрал и просеял несколько ведер грязи. Еллег и Мальзер решили отдохнуть – каждый из них нашел за день по три чешуйки. Одевшись, они встали на берегу пруда, наблюдая за Кугелем и вполголоса переговариваясь.

За ужином Еллег и Мальзер продолжали беседовать, время от времени поглядывая на Кугеля. Вскоре Еллег ударил кулаком по ладони – так, как если бы его посетила какая-то новая мысль, о каковой он немедленно сообщил Мальзеру. При этом оба понимающе кивнули и снова взглянули на Кугеля.

Утром следующего дня Кугель опять просеивал грязь в сите. Тем временем Еллег и Мальзер прошествовали к могиле Вимиша с белыми лилиями в руках и возложили цветы на могилу. Кугель напряженно наблюдал за их действиями краем глаза. Ни Мальзер, ни Еллег не обращали внимания на его собственную могилу – по сути дела, они ее настолько не замечали, что Мальзер оступился и упал в свежевырытую яму. Еллег помог ему выбраться оттуда, и оба они вернулись к пруду, чтобы взяться за работу.

Кугель подбежал к могиле и заглянул в нее. Земля слегка осыпалась в нижней части стенки ямы, и внимательный наблюдатель мог бы заметить обнажившийся угол ящика.

Кугель задумчиво погладил подбородок. Грязный угол ящика мало выделялся, и Мальзер, испуганный внезапным падением, вряд ли его увидел. По меньшей мере можно было предположить такое развитие событий. Тем не менее предусмотрительнее было бы перенести чешуйки в другое место при первой возможности.

Проплыв в железном корыте на середину пруда, Кугель вылил в него несколько ведер грязи, после чего, вернувшись к берегу, просеял грязь и нашел пару «обыкновенных» чешуек.

Тванго вызвал Кугеля к себе в кабинет.

– Кугель, завтра мы отправляем четыре ящика первосортных чешуек, ровно в полдень. Изготовьте четыре крепких ящика надлежащих размеров – инструменты и шаблоны вы найдете в плотницкой мастерской. После этого почистите тележку, смажьте оси ее колес и вообще приведите ее в приличный вид. На этот раз не должно быть никаких оплошностей!

– Не беспокойтесь, все будет сделано как полагается, – заверил его Кугель.

Ровно в полдень у крыльца усадьбы остановился бронированный фургон. Сольдинка снова сопровождали компаньоны-понятые, Ринц и Джорнулк. Кугель вежливо приветствовал прибывших и провел их в кабинет Тванго.

Слегка раздраженный тем, что Сольдинк внимательно разглядывал пол, стены и потолок помещения, Тванго суховаато произнес:

– Господа, как вы можете видеть, на столе находятся, в общей сложности, шестьсот двадцать «обыкновенных» и «особых» чешуек, в точном соответствии со счетом-фактурой. Начнем с инспекции, верификации и упаковки «особых» чешуек.

Сольдинк указал на Гарка и Гукина:

– Только не в присутствии этих исчадий ада! По-моему, они как-то умудрились навести порчу не только на беднягу Вимиша, но и на всех нас, вместе взятых. И присвоили пропавшие чешуйки.

Кугель заявил:

– На мой взгляд, Сольдинк совершенно прав! Гарк, Гукин! Убирайтесь! Идите гоняйтесь за лягушками в саду!

Тванго возражал:

– Нелепые предрассудки! В таких строгостях нет необходимости! Тем не менее, если вам так приспичило, Гарк и Гукин сделают нам одолжение и удалятся.

Злобно поблескивая красными глазками в сторону Кугеля, Гарк и Гукин выскочили из кабинета.

Тванго принялся подсчитывать «особые» чешуйки, Сольдинк сверял их со счетом-фактурой, а Кугель упаковывал, одну за другой, под бдительным наблюдением Ринца и Джорнулка. Затем таким же образом были упакованы и «обыкновенные» чешуйки. Кугель, за каждым движением которого следили все присутствующие, надежно закрепил на ящиках крышки и разместил ящики на тележке.

– А теперь, – сказал Кугель, – в связи с тем, что, начиная с этого момента и до тех пор, пока ящики не будут погружены в фургон, основную ответственность за сохранность товара несу я, я вынужден настаивать на том, чтобы все засвидетельствовали, как я буду пломбировать крышки ящиков воском, нанося на пломбы никому не известную ранее метку. Это позволит каждому убедиться в том, что упакованные и погруженные на тележку ящики будут доставлены к фургону в целости и сохранности.

– Весьма предусмотрительно, – отозвался Тванго. – Мы пронаблюдаем за процессом.

Кугель опломбировал ящики и нанес метки на застывающий воск, после чего привязал ящики ремнями к тележке, пояснив последнюю предосторожность следующим образом:

– Следует предотвратить всякую возможность смещения того или иного ящика в результате вибрации или толчка, что могло бы привести к повреждению содержимого.

– Правильно, Кугель! Теперь все готово?

– Все готово. Ринц и Джорнулк, ступайте вперед и позаботьтесь о том, чтобы по пути нам ничто не мешало. Я буду толкать тележку, а Тванго последует за мной в пяти шагах. Любая возможность хищения чешуек до их погрузки в фургон будет исключена.

– Очень хорошо, – согласился Сольдинк. – Пусть будет так. Ринц, Джорнулк! Идите вперед и проследите за каждой мелочью!

Процессия покинула кабинет и двинулась по темному коридору длиной метров пятнадцать, задержавшись лишь на несколько секунд, когда Кугель остановился и спросил идущего впереди Сольдинка:

– Все в порядке, нет препятствий?

– Все в порядке, мы уже выходим! – отозвался Сольдинк.

Без дальнейших остановок Кугель подвел тележку к погрузочному трапу фургона и объявил:

– Прошу заметить! К фургону доставлены четыре ящика, каждый из них запломбирован, и на каждой пломбе – моя метка. Мастер Сольдинк, отныне ценный товар передается в ваше распоряжение, и вы несете ответственность за его дальнейшую сохранность. Позвольте мне нанести дополнительные восковые пломбы, чтобы вы могли отметить их своей собственной печатью... Замечательно! Я сделал все, что от меня требовалось.

Тванго похвалил Кугеля:

– Вы успешно справились с обязанностями, Кугель, – эффективно и в полном соответствии с протоколом. Тележка выглядит солидно и аккуратно – вижу, что вы покрыли лаком ее поверхности и сохранили покрывало, изготовленное Вимишем. Что ж, Сольдинк, теперь будьте добры выписать квитанцию о получении товара и произвести оплату в полном размере – и наша сделка будет завершена.

Сольдинк, все еще в какой-то степени пребывавший в состоянии угрюмой подозрительности, передал мастеру Тванго расписку и отсчитал требуемое число терциев. Погрузив ящики в бронированный фургон, Сольдинк и его понятия уехали в Саскервой.

Тем временем Кугель отвез тележку в сарай, вынул шпенек потайного шарнира и перевернул поверхность тележки так, чтобы привязанные ящики оказались сверху. Удалив

крышки, он вынул из ящиков пакеты с чешуйками, разломал ящики и бросил их остатки в разведенный заранее огонь, после чего высыпал содержимое пакетов в холщовый мешок.

Краем глаза он заметил какое-то движение. Не поворачивая головы, Кугель пригляделся: за узким окном снова мелькнула и тут же исчезла залихватская красная кепка.

Кугель застыл и секунд десять размышлял в полной неподвижности, после чего торопливо приступил к действию. Выбежав наружу, он не нашел ни Гарка, ни Гукина; Еллег и Мальзер тоже отсутствовали – по всей видимости, они ныряли в грязевом пруду.

Мигом вернувшись в сарай, Кугель схватил мешок с чешуйками и со всех ног пустился к хижине, где ночевал идиот-садовник Бильберд. Спрятав мешок под кучей мусора в углу, Кугель тут же вернулся в сарай, взял еще один холщовый мешок, наполнил его гвоздями, штырями, гайками, болтами и прочей хранившейся в сарае скобяной мелочью, после чего засунул мешок поглубже на полку. Поворошив углы, оставшиеся от обломков ящиков, он принялся заново лакировать поверхность тележки.

Через три минуты к сараю прибыл Тванго в сопровождении Гарка и Гукина – каждый из болотных ублюдков тащил за собой длинный лапчатый лом.

Кугель поднял руку:

– Осторожно, Тванго! Лак еще не высох!

Тванго произнес, надменно и гнусаво:

– Не увиливайте, Кугель! Где чешуйки?

– Чешуйки? Почему они вам понадобились?

– Чешуйки, Кугель! Будьте любезны отдать все, что припрятали!

Кугель пожал плечами:

– Как вам угодно. – Он снял с полки лоток. – Сегодня утром у меня был приличный улов – шесть «обыкновенных» и одна «особая». Как видите, исключительная редкость!

– Да, это щечный астрангал, прикрывающий локтевой сустав третьего предплечья. На самом деле редкий, превосходный экземпляр. Где, однако, сотни других чешуек, которые вы, насколько мне известно, похитили и спрятали?

Кугель с изумлением уставился на владельца предприятия:

– С чего вы взяли, что я похитил какие-то чешуйки? Кто вам сказал такую чушь?

– Неважно, кто мне об этом сказал! Отдавайте чешуйки – или я прикажу Гарку и Гукину их найти!

– Пусть ищут сколько хотят, – с достоинством отвечивал Кугель. – Но прежде всего позвольте мне предохранить мою собственность от хищения. – С этими словами он положил в поясную сумку шесть «обыкновенных» чешуек и щечный астрангал. В то же время Гарк вспрыгнул на скамью и с торжествующим кваканьем стащил с полки мешок, только что засунутый туда Кугелем. – Вот он, мешок! Тяжелый, полный чешуек!

Тванго высыпал на пол содержимое мешка.

– Несколько минут тому назад, – пояснил Кугель, – я рылся в этом мешке в поиске стяжной скобы, чтобы закрепить ее на тележке. Судя по всему, Гарк подсматривал за мной и принял эти металлические детали за чешуйки. – Подойдя к двери, Кугель обронил: – Мне пора идти, а вы продолжайте поиски.

К тому времени, как правило, Еллег и Мальзер уже грелись и пили чай. Заглянув под навес, однако, Кугель обнаружил, что огонь в печке давно погас, а двух грязелазов нигде не было.

«Что ж, это только к лучшему», – подумал Кугель. Теперь у него появилась возможность вынуть из могилы чешуйки, первоначально украденные Вимишем.

Он направился на окраину сада, где был погребен Вимиш и где, под сенью мирадиона, выкопал могилу самому себе.

Вокруг не было нежелательных наблюдателей. Кугель собрался уже прыгнуть в могилу, но тут же остановился, заметив на дне ямы обломки четырех пустых ящиков.

Вернувшись в усадьбу, Кугель зашел в трапезную, где закусывал садовник Бильберд.

– Я ищу Елlega и Мальзера, – обратился к нему Кугель. – Ты их, случайно, не видел?

Часто моргая и запинаясь, Бильберд ответил:

– Да-да, видел – примерно два часа тому назад они ушли в Саскервой. Сказали, что больше не будут нырять за чешуйками.

– Неожиданная новость! – процедил сквозь зубы Кугель.

– Странно, правда? – откликнулся Бильберд. – Так или иначе, любому человеку иногда нужны перемены, иначе он может соскучиться до смерти. Я садовничаю во Флютике уже двадцать три года – и начинаю терять интерес к этому занятию. Пора бы и мне подумать о новой профессии – может быть, мне повезет с пошивом модной одежды, хотя, конечно, такое начинание связано с финансовым риском.

– Превосходная мысль! – одобрил Кугель. – Если бы я был богат, я непременно одолжил бы тебе необходимый капитал.

– Очень любезно с вашей стороны! – благодарно воскликнул садовник. – Кугель, вы поистине щедрый человек!

Прозвучал гонг, оповестивший о прибытии посетителей. Кугель направился было к входу, но вернулся и уселся на скамью: пусть дверь открывают Гарк и Гукин – или сам мастер Тванго, если уж на то пошло!

Но гонг звенел снова и снова. В конце концов Кугель, донельзя раздраженный, решил таки пойти и открыть дверь.

У входа стояли Сольдинк, Ринц и Джорнулк. Сольдинк мрачно спросил:

– Где Тванго? Мне нужно с ним поговорить – немедленно!

– Вам лучше было бы вернуться завтра, – сказал Кугель. – Мастер Тванго отдыхает после обеда.

– Как бы то ни было! Разбудите его, и пошевеливайтесь!

– Сомневаюсь, что он согласится принять вас сегодня. Он говорил, что очень устал.

– Устал, как же! – взревел Сольдинк. – Думаю, он пляшет от радости – после того, как прибрал к рукам мои полновесные терции и всучил мне четыре ящика высохшей грязи!

– Это невозможно! – возразил Кугель. – Были приняты все меры предосторожности.

– Меня не интересуют ваши предположения, – заявил Сольдинк. – Немедленно позовите Тванго!

– Не думаю, что его следует беспокоить, если у вас нет действительно важного и неотложного дела... – Кугель начал было закрывать дверь, но Сольдинк стал громко кричать, и теперь в прихожую явился Тванго собственной персоной:

– Почему здесь поднялся гвалт? Кугель, вы прекрасно знаете, что я не выношу ни малейшего шума!

– Разумеется, – отозвался Кугель. – Но мастер Сольдинк, по-видимому, намерен демонстрировать мощь своих голосовых связок.

Тванго повернулся к Сольдинку:

– В чем дело? Наша сделка завершена – мы предусмотрели все, что можно было предусмотреть.

Кугель не стал дожидаться дальнейшего развития беседы. Как справедливо отметил садовник Бильберд, рано или поздно для каждого наступает время перемен. Мерзавцы Еллег и Мальзер стащили клад, закопанный Вимишем, но еще один (весьма существенный) запас чешуек ожидал Кугеля в хижине Бильберда – и этим ему приходилось удовольствоваться.

Кугель спешил по коридорам усадьбы. Заглянув в трапезную, он увидел там Гарка и Гукина, занимавшихся приготовлением ужина.

«Прекрасно! – подумал Кугель. – Просто замечательно!» Теперь оставалось только не попадаться на глаза садовнику, взять мешок с чешуйками и удрать... Кугель вышел в сад – Бильберда нигде не было. Подойдя к хижине садовника, Кугель заглянул в нее и позвал:

– Бильберд?

Никто не ответил. Красный солнечный луч, проникнув через щель приоткрытой двери, ярко озарил койку садовника. Бледный рассеянный свет позволил Кугелю убедиться в том, что хижина пустовала.

Оглянувшись через плечо, Кугель зашел внутрь и бросился к тому углу, где спрятал мешок.

Кто-то разворошил кучу мусора. Мешок исчез.

Из усадьбы послышались голоса. Тванго звал:

– Кугель! Куда вы пропали? Сейчас же идите сюда!

Быстро и беззвучно, как призрак, Кугель выскользнул из хижины садовника и спрятался в ближайших зарослях можжевельника. Крадучись перебегая из тени в тень, он обогнул усадьбу и вышел на дорогу. Посмотрев по сторонам и не заметив никакой угрозы, он направился на запад размашистым шагом чуть согнутых в коленях длинных ног. Поднявшись по лесной дороге на гребень холма, через некоторое время Кугель прибыл в Саскервой.

Прошло несколько дней. Прогуливаясь по широкой главной улице, Кугель ненароком приблизился к старинной таверне под наименованием «Чугунный василиск». Как только он оказался прямо напротив входа, дверь таверны распахнулась и на улицу вывалились, пошатываясь, приятели-выпивохы – грузный здоровяк с желтоватыми кудрями и выдающимся подбородком и с ним худощавый черноволосый субъект с крючковатым носом и впалыми щеками. Оба носили роскошные камзолы, опоясанные красными атласными кушаками, двухъярусные шляпы и блестящие кожаные сапоги.

Взглянув на них, Кугель сначала отвел глаза, но затем присмотрелся внимательнее – он узнал Еллега и Мальзера. Каждый из бывших грязелазов успел вылакать по меньшей мере одну или две фляги вина. Еллег горланил какую-то моряцкую балладу, а Мальзер фальшивил припев: «Тирра-ла-лирра, отдавай концы! Из другого мира слаще леденцы!» Сосредоточив внимание если не на мелодии, то хотя бы на поддержании надлежащего ритма, собутыльники чуть не столкнулись с Кугелем, но даже не заметили его и побрели по мостовой к следующему кабаку под вывеской «Северная звезда».

Кугель хотел было последовать за ними, но ему тут же пришлось отскочить в сторону – послышался грохот приближающихся колес. Шикарный экипаж, запряженный парой гарцующих скакунов, лихо вывернул из бокового переулка и помчался по проспекту. Возничий нарядился в черный бархатный костюм с серебристыми эполетами и нахлобучил широкую шляпу с заливхатски закрученным плюмажем из черных перьев; рядом с ним восседала полногрудая дама в длинном оранжевом платье. Кугель с трудом распознал в вознице Бильберда, ранее служившего садовником во Флютике. «Я слишком щедро предложил финансировать новую карьеру Бильберда, – мрачно сказал себе Кугель. – Она обошлась мне дороже, чем я ожидал!»

На следующий день, рано утром, Кугель вышел из Саскервой по восточной дороге. Взойдя на холмы, он спустился к Голечной косе.

Неподалеку лучи поднимающегося над морским горизонтом Солнца озарили причудливые башенки Флютика, словно вспыхнувшие на фоне сумрачного северного неба.

Кугель приближался к дому хитроумным путем, под прикрытием кустарника и живых изгородей, неоднократно задерживаясь, чтобы прислушаться. Но причин для беспокойства не было – в окрестностях царила тишина запустения.

Кугель осторожно обогнул усадьбу, и его взору открылся грязевой пруд. Посреди пруда в железном корыте сидел Тванго – владелец предприятия опустил плечи и сгорбился. Выглядывая из-за угла, Кугель следил за тем, как Тванго вытягивал веревку – из придонных глубин показался покрытый грязью Гарк с наполненным той же грязью небольшим ведром; Тванго опорожнил ведро в корыто.

Получив пустое ведро, Гарк издал жалобно щебечущий звук и снова нырнул в грязь. Потянув за вторую веревку, Тванго вытащил на поверхность Гукина и опорожнил в корыто второе ведро.

Кугель отступил к темно-синему кусту митроцвета. Обернув руку платком, чтобы не обжечься, Кугель порылся в основании куста и вынул из тайника пекторальный неборазрывный брызгосвет, после чего в последний раз повернулся лицом к пруду.

Железное корыто наполнилось. Гарк и Гукин – две маленькие фигурки, облепленные грязью, – забрались в корыто; один сидел на носу, другой на корме. Тем временем Тванго тащил корыто к берегу, перехватывая руками натянутую над прудом веревку. Понаблюдав за этим процессом несколько секунд, Кугель отвернулся и пошел обратно в Саскервой.

2. Постоялый двор «Голубые фонари»

Когда мастер Сольдинк вернулся во Флютик, чтобы заняться поисками пропавших чешуек, Кугель решил не участвовать в расследовании. Он сразу же незаметно удалился из усадьбы и направился на запад, в город Саскервой.

Преодолев существенное расстояние, Кугель остановился, чтобы перевести дух. Он пребывал в отвратительном, ожесточенном настроении. Подчиненные надули его; вместо того чтобы унести из Флютика полновесный мешок, полный чешуек, он вынужден был довольствоваться горстью «обыкновенных» экземпляров и одной «особой», редкой чешуйкой – щечным астрангалом. Самая драгоценная чешуйка Скорогроха, пекторальный неборазрывный брызгосвет, оставалась в тайнике на окраине сада во Флютике, но Кугель был твердо намерен извлечь ее оттуда – хотя бы потому, что ее страстно стремился приобрести Юкоуну, Смешливый Волшебник.

Кугель продолжил подъем по дороге, окруженной темным лесом дубов, тисов, мернархов и дьявольских деревьев. Тусклый красноватый солнечный свет просачивался сквозь листву; благодаря какому-то искажению восприятия глубокие тени приобрели темно-синий оттенок.

Кугель продолжал тревожно оглядываться – в последнюю эпоху земного существования этого требовала элементарная предусмотрительность. Он видел немало странных, а иногда и прекрасных вещей... Белые соцветия, висевшие высоко на длинных усиках над блестящей мишурой плоских листьев, почти задевавших голову; сказочные замки грибов, растущих на трухлявых пнях и друг на друге многочисленными ярусами, террасами и башнями; узоры, образованные зарослями оранжевого и черного папоротника. Однажды Кугелю показалось, что он заметил напоминавшую человека фигуру в сиреневой куртке-безрукавке, но она была далеко (не менее чем в ста метрах), и ее было трудно различить в чаще. У Кугеля не было с собой оружия, и ему стало легче дышать, когда он поднялся на гребень холма, – лес отступил, и дорога вывела его навстречу залитому вечерним светом открытому пространству.

В ту же минуту Кугель расслышал скрип колес бронированного фургона – Сольдинк возвращался из Флютика. Отойдя от дороги, Кугель подождал в тени скального обнажения. Фургон проехал мимо; мрачное выражение на лице сидевшего на козлах Сольдинка не оставляло сомнений в том, что его последние переговоры с Тванго закончились размолвкой.

Фургон скрылся, спустившись с холма, и Кугель возобновил путь. С холмов дул сильный порывистый ветер; дорога петляла, спускаясь по склону зигзагами. Наконец, когда Кугель обогнул утес, перед ним открылся вид на Саскервой.

Кугель ожидал увидеть не более чем небольшое селение; Саскервой превзошел его ожидания – как размерами, так и характерной для портового города атмосферой старинной респектабельности. Вдоль улиц выстроились бок о бок высокие дома с узкими фасадами и каменными стенами, закопченными дымом, покрытыми пятнами лишайника и выщербленными за многие века соленым морским туманом. В красных лучах заходящего Солнца блестели мытые окна и начищенные бронзовые детали их переплетов и наличников – так предпочитали жить в Саскервое.

Спустившись в город, Кугель направился к гавани. Судя по всему, чужестранцы редко появлялись в Саскервое: заметив приближение Кугеля, местные жители удивленно разглядывали его, а некоторые даже поспешно переходили на другую сторону улицы. Кугель пришел к тому выводу, что горожане, скорее всего, придерживались старомодных привычек и консервативных взглядов. Мужчины носили черные сюртуки с «ласточкиными хвостами», обширные шаровары и черные башмаки с блестящими пряжками, тогда как женщины в бесформенных складчатых платьях и круглых шляпах-котелках, надвинутых на уши, напоминали ходячие пышки.

Кугель вышел на площадь перед гаванью. У причала пришвартовалось несколько добротных судов с пропорциональными контурами; любое из них могло отправиться в плавание на юг – возможно, до самой Альмерии.

Кугель присел на скамью. Изучив содержимое поясной сумки, он насчитал, помимо щечного астрангала, шестнадцать «обыкновенных» чешуек и две «особые», незначительной стоимости. Этого товара могло хватить или не хватить для оплаты морского переезда – все зависело от того, какую цену предложил бы за чешуйки мастер Сольдинк.

Практически напротив, на другой стороне площади, Кугель заметил вывеску на фронте внушительного каменного здания:

СОЛЬДИНК И МЕРКАНТИДЕС

ИМПОРТ И ЭКСПОРТ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

ЭКСПЕДИТОРЫ

Кугель рассмотрел несколько вариантов дальнейшей стратегии, один изощреннее другого. Все они упирались в тупик грубой, нелюбезной действительности: для того чтобы остановиться в гостинице и заплатить по счету, он должен был продать чешуйки.

Еще не смеркалось, но времени оставалось мало. Кугель поднялся на ноги, пересек площадь и зашел в управление Сольдинка и Меркантидеса.

От внутреннего убранства конторы экспедиторов веяло достоинством и традициями; вместе с ароматом старого лакированного дерева здесь преобладала приторно-кисловатая атмосфера благопристойности. Пройдя по торжественно притихшему вестибюлю с высоким потолком, Кугель приблизился к прилавку из полированного коричневого мрамора. По другую сторону прилавка сидел старый клерк; нахмурившись, он перелистывал страницы какой-то ведомости и не удостоил Кугеля своим вниманием.

Кугель повелительно постучал по прилавку.

– Один момент! Будьте любезны, потерпите немного! – отозвался клерк, не отводя глаз от ведомости. Он не прервался даже тогда, когда Кугель раздраженно постучал во второй раз.

Наконец, подчинившись неизбежности, Кугель приготовился ждать столько, сколько заблагорассудится капризному служащему.

Входная дверь распахнулась; в вестибюль зашел человек примерно того же возраста, что и Кугель, в коричневой фетровой шляпе с высокой тульей и потертом, мятом костюме из синего вельвета. У него была круглая безмятежная физиономия; бледные волосы торчали из-под шляпы подобно пучкам соломы. Внушительное брюхо незнакомца заставляло слегка рас-

ходить борта пиджака, подвергая пуговицы явному напряжению, а его обширные ягодицы передвигались на длинных, тонких и костлявых ногах.

Новоприбывший подошел к прилавку; клерк тут же проворно вскочил на ноги:

– Чем могу быть полезен, сударь?

Кугель раздраженно вмешался, подняв указательный палец:

– Одну минуту! Вы еще не обслужили меня!

Ни служащий, ни посетитель не обратили на него ни малейшего внимания. Новоприбывший сказал:

– Меня зовут Бундervalь, я хотел бы поговорить с Сольдинком.

– Разумеется! – Следуйте за мной, сударь! Рад сообщить, что мастер Сольдинк может вас принять.

Оба удалились из вестибюля; кипящему от ярости Кугелю снова пришлось ждать.

Клерк вернулся и собрался уже вернуться к изучению ведомости, когда соблаговолит заметить Кугеля:

– Вам что-нибудь здесь понадобилось?

– Думаю, что Сольдинк не прочь обменяться со мной парой слов, – высокомерно ответил Кугель и прибавил: – Вы ведете себя неправильно. Так как я первый подошел к прилавку, вам следовало заняться моими делами в первую очередь.

Клерк моргнул.

– Должен признать, что ваше умозаключение отличается по меньшей мере простотой невинности. Так какое у вас дело к мастеру Сольдинку?

– Я хотел бы договориться о скорейшем переезде по морю в Альмерию – в самых комфортабельных условиях, разумеется.

Клерк повернулся к висевшей на стене географической карте:

– Не вижу никакого упоминания о такой стране.

– Альмерия находится южнее нижнего края вашей карты.

Клерк удивленно взглянул на Кугеля:

– Значит, она очень далеко. Что ж, пойдемте, может быть, Сольдинк согласится вас принять.

– Достаточно упомянуть мое имя, Кугель, и он меня примет.

Клерк провел Кугеля в конец длинного вестибюля и просунул голову между портьерами:

– Вас желает видеть некто Кугель.

Наступила напряженная тишина. Через несколько секунд послышался голос Сольдинка:

– Что ему нужно, Диффин?

– Насколько я понимаю, он желает, чтобы его доставили в некую далекую страну – возможно, воображаемую.

– Гммф... Ладно, пусть заходит.

Диффин раздвинул портьеры, открывая Кугелю проход, после чего, шаркая, вернулся к столу за прилавком. Кугель зашел в восьмиугольное помещение с роскошным, но суровым интерьером. Сольдинк, седовласый и строгий, сидел за восьмиугольным столом, а Бундervalь устроился на софе с плюшевой обивкой каштанового оттенка. Карминовый солнечный свет, проникая сквозь высокие окна, озарял пару варварских гобеленов, сотканых в тундре Дальнего Кутца. Под потолком на чугунной цепи была подвешена тяжелая чугунная люстра.

Кугель церемонно поклонился Сольдинку, на что тот сухо ответил:

– Какое у вас ко мне дело, Кугель? Я обсуждаю с Бундervalем важные вопросы и могу уделить вам только несколько минут.

– Я не займу у вас много времени, – холодно произнес Кугель. – Насколько я понимаю, вы отправляете чешуйки Скорогроха в Альмерию по поручению Юкоуну, Смешливого Волшебника?

– Не совсем так, – возразил Сольдинк. – Чешуйки доставляются нашему агенту в Порт-Пердуссе, и уже он организует дальнейшую перевозку.

– Могу ли я поинтересоваться, почему вы не отправляете груз непосредственно в Альмерию?

– Совершать длительные рейсы на юг ради одного заказчика нецелесообразно с практической точки зрения.

Кугель недовольно нахмурился:

– Когда ожидается следующее отправление вашего судна в Порт-Пердусс?

– «Галанте» отплывает в конце недели.

– И какова стоимость проезда в Порт-Пердусс?

– Мы редко перевозим пассажиров – причем исключительно лиц, пользующихся высокой репутацией. Если я не ошибаюсь, проезд обходится в триста терциев, то есть, – тут в голосе Сольдинка появился высокомерный оттенок, – возможно, выходит за рамки ваших финансовых возможностей.

– Ни в коей мере. Я могу предложить вам ассортимент чешуек, стоимость которых значительно превосходит названную вами сумму.

На лице Сольдинка промелькнуло оживление заинтересованности:

– По меньшей мере я хотел бы взглянуть на эти чешуйки.

Кугель продемонстрировал товар.

– Обратите внимание, в частности, на редкий щечный астрангал, в прекрасном состоянии!

– Неплохой экземпляр – несмотря на то, что слегка позеленел по краям маратаксуса. – Сольдинк окинул чешуйки опытным взором. – Проявив необычную щедрость, я оценил бы эту коллекцию примерно в сто восемьдесят три терция.

Экспедитор назвал сумму, превышавшую самые смелые ожидания Кугеля. Он открыл было рот (автоматически), чтобы поторговаться, но сразу сдержался.

– Очень хорошо: чешуйки ваши.

– Отнесите их Диффину, он выдаст вам деньги, – Сольдинк махнул рукой в сторону портьер.

– Еще один вопрос – исключительно из любопытства. Сколько вы согласились бы заплатить за пекторальный неборазрывный брызгосвет?

Сольдинк пристально взглянул Кугелю в лицо:

– Этот экземпляр находится в вашем распоряжении?

– Допустим, я не принес его с собой, но такая возможность может возникнуть.

Сольдинк поднял глаза к потолку:

– Если брызгосвет в безукоризненном состоянии, я мог бы рискнуть и предложить за него двести терциев.

Кугель кивнул:

– Почему бы вам не раскошелиться на две сотни, в самом деле? Юкоуну выложит за него не меньше двух тысяч!

– В таком случае рекомендую вам вручить эту гипотетическую редкость лично волшебнику Юкоуну. Я мог бы даже посоветовать вам маршрут, позволяющий добраться до Альмерии пешком. Вернитесь на восток по Голечной косе до Ведьминого мыса, где находится замок Силь. Оттуда поверните на юг, чтобы обогнуть Долгий Эрм, кишащий эрбами и лейкоморфами. Прямо перед вами будут горы Магнатца; заходить в эти горы смерти подобно – но, если вы попытаетесь их обойти, вам придется углубиться в Пустыню Обелисков, что не менее рискованно. О землях за горами Магнатца у меня четкого представления нет.

– Мне привелось познакомиться с этими краями, – заметил Кугель. – Я предпочитаю взойти на борт «Галанте» и плыть по морю.

– В последнее время Меркантидес настаивает на том, чтобы мы перевозили только тех, кто на нас работает. Мы с подозрением относимся к любезным и воспитанным путешественникам, готовым в условленный момент превратиться в безжалостных пиратов.

– Буду рад занять должность в вашей фирме, – отозвался Кугель. – Я человек опытный, обладающий множеством различных способностей. Не сомневаюсь, что смогу оказаться вам полезным.

Сольдинк неприязненно усмехнулся:

– К сожалению, в настоящее время открыта только одна вакансия, а именно должность суперкарго на борту «Галанте», и эту должность уже готов занять квалифицированный кандидат – находящийся перед вами Бундерваль.

Кугель внимательно смерил конкурента взглядом.

– Он выглядит скромным, порядочным, непритязательным человеком, но на должность суперкарго определенно не годится.

– Почему вы так считаете?

– Извольте заметить! – с готовностью откликнулся Кугель. – У Бундерваля обвисшие ноздри, что безошибочно свидетельствует о склонности к морской болезни.

– Кугель – наблюдательный человек! – воскликнул Бундерваль. – Я рассматривал бы его как вполне подходящего кандидата, причем призываю вас не обращать внимания на его длинные пальцы с уплощенными подушечками – такие же пальцы были у Ларкина, похитителя младенцев. Но между ними имеется существенное различие: Ларкина повесили, а Кугеля еще пока нет.

– Мы поставили перед мастером Сольдинком трудную задачу, – сказал Кугель, – а он и так обременен всевозможными заботами. Проявим к нему должное уважение. Предлагаю доверить нашу судьбу Мандинго, трехглазой богине удачи. – Он вынул из поясной сумки колоду игральных карт.

– Ваше предложение имеет смысл, – согласился Бундерваль. – Но мы воспользуемся моими картами – они новее, и Сольдинку будет легче разобраться в их раскладе.

Кугель нахмурился, решительно покачал головой и спрятал колоду в сумке.

– Насколько я понимаю ситуацию, несмотря на похвальный характер ваших намерений (и я очень сожалею, что мне приходится об этом упомянуть, Бундерваль!), нам не подобает решать важнейшие коммерческие вопросы фирмы мастера Сольдинка столь легкомысленным образом. Я выдвинул свое предложение исключительно для того, чтобы проверить вашу реакцию. Человек надлежащего склада характера немедленно отверг бы подобную идею!

Последнее рассуждение произвело на Сольдинка благоприятное впечатление:

– Вы правы, Кугель!

– Существует всестороннее, исчерпывающее решение возникшей проблемы, – продолжал Кугель. – Богатый жизненный опыт и способность не лезть за словом в карман позволят мне успешно выполнять обязанности суперкарго, в то время как Бундерваль, насколько я могу судить, стал бы превосходным помощником престарелого клерка Диффина.

Сольдинк повернулся к Бундервалю:

– Что вы на это скажете?

– Квалификация Кугеля не вызывает сомнений, – признал Бундерваль. – Я мог бы противопоставить ей только честность, профессионализм, преданность своему делу и неутомимое трудолюбие. Кроме того, я – респектабельный гражданин Саскервоя, а не безвестный бродяга с лисьей физиономией, в шляпе самого нелепого фасона.

Обращаясь к Сольдинку, Кугель заявил:

– Наконец, к счастью для всех заинтересованных сторон, вы можете сравнить манеру поведения Бундерваля, для которой характерны клевета и склонность поливать грязью конкурентов, с моим умением вести себя достойно и сдержанно. Тем не менее должен обратить

ваше внимание на маслянистую кожу и выдающиеся ягодицы Бундерваля, не оставляющие сомнений в его склонности к изнеженному безделью и даже, возможно, к казнокрадству. Если вы наймете его помощником клерка, рекомендую надежно хранить под замком все ценности фирмы, чтобы не подвергать Бундерваля лишнему искушению.

Бундерваль прокашлялся, чтобы возразить, но Сольдинк нетерпеливо поднял ладони:

– Довольно, довольно, господа! Придется обсудить ваши достоинства с Меркантидесом – а он, возможно, пожелает провести интервью с каждым из вас. Завтра в полдень я смогу уведомить вас о нашем решении.

Кугель откланялся:

– Благодарю вас, мастер Сольдинк. – Повернувшись к Бундервалю, он указал на портьеры: – Можете идти. Я хотел бы обменяться с владельцем фирмы парой слов, не предназначенных для чужих ушей.

Бундерваль собрался протестовать, но Кугель прибавил:

– Нам нужно обсудить продажу ценных чешуек Скорогроха.

Бундерваль неохотно удалился. Кугель повернулся к Сольдинку:

– Может быть, вы не забыли, что я упомянул о брызгосвете.

– Не забыл. Но вы так и не пояснили, имеется ли этот экземпляр в вашем распоряжении, и, если нет, как вы намерены его добыть.

– В данный момент не могу предоставить подробные разъяснения – достаточно сказать, что брызгосвет надежно спрятан. Если на меня нападут грабители, они останутся с пустыми руками. Упоминаю об этом только для того, чтобы избавить нас обоих от лишних хлопот.

Сольдинк мрачно улыбнулся:

– Ваши притязания на «богатый жизненный опыт», судя по всему, достаточно обоснованны.

Кугель получил от Диффина сто восемьдесят три терция – клерк пересчитывал монеты три раза, после чего выложил их на коричневый мраморный прилавок с таким выражением, как если бы это стоило ему немалых усилий. Кугель смахнул деньги в поясную сумку и вышел из конторы.

Припоминая совет покойного Вимиша, Кугель остановился на постоялом дворе «Голубые фонари». На ужин он подкрепился жареным скалозубом с гарниром – пюре из карбада, ямса и перекасти-ягоды. Когда ему подали вино и сыр, он откинулся на спинку стула и принялся обозревать прочих постояльцев, собравшихся в трапезном зале.

В противоположном конце помещения, за столом у камина, два субъекта играли в карты. Один, высокий и худой, мертвенным оттенком кожи напоминал ходячую мумию; у него были гнилые зубы, удлинённая нижняя челюсть, гладкие черные волосы и постоянно полужакрытые веками глаза. Другой отличался атлетическим мускулистым телосложением, мясистым носом и квадратным подбородком; его рыжие волосы были собраны в узел на затылке, а рыжая борода была аккуратно подстрижена и блестела.

Они явно стремились привлечь дополнительных игроков.

– Эй, Фурск! – позвал тощий верзила. – Не желаешь сразиться в скакс? Нет?

Рыжебородый субъект обратился к другому соседу:

– А вот и старина Сабтиль – он всегда не прочь сыграть в карты! Сабтиль, сегодня тебе улыбнется богиня удачи – пользуйся случаем набить кошелёк! Вот молодец, садись сюда.

– Кто еще? Как насчет вас, чужестранец с длинным носом в странной шляпе?

Кугель осторожно приблизился к столу у камина.

– Во что вы играете? Должен предупредить – я плохо разбираюсь в местных правилах.

– Мы играем в скакс – и ни в чем тут не нужно разбираться. Главное, не делать ставки на суммы, которые вы не можете себе позволить.

Кугель вежливо улыбнулся:

– Попробую сыграть пару раз – хотя бы для того, чтобы не показаться необщительной деревенщиной. Но вам все-таки придется объяснить важнейшие приемы игры.

Рыжебородый здоровяк хохотнул:

– Не беспокойтесь! Вы всему научитесь, как только возьмете карты в руки! Меня зовут Вагмунд, кстати, это – Сабтиль, а угрюмый головорез напротив – Койман, бальзамировщик Саскервоя и всеми уважаемый гражданин. Что ж, приступим! Правила скакса просты и понятны. – Вагмунд снизошел-таки до разъяснения основных принципов игры чужестранцу, подчеркивая свои слова тычками тупого указательного пальца в деревянный стол. – Так что же, все ясно, господин Кугель? Справитесь с игрой, как вы думаете? Не забывайте, все ставки делаются полновесными терциями. Кроме того, нельзя держать карты под столом или делать подозрительные движения взад и вперед.

– Неопытному игроку нужно соблюдать осторожность, – заметил Кугель. – Тем не менее я, кажется, понял, в чем заключается игра, и могу рискнуть двумя, нет, даже тремя терциями. Вот, пожалуйста, я выкладываю на стол один неподдельный, полновесный и даже не потертый терций.

– Так держать, Кугель! – одобрил Вагмунд. – Койман, будь так добр, раздай карты!

– Сначала, – поднял указательный палец Сабтиль, – вы должны сами сделать ставки.

– Верно! – согласился Вагмунд. – И ты не забудь.

– Обо мне не беспокойся. Всем известно, как хитро и проворно я играю в скакс.

– Меньше хвались, больше выигрывай! – рявкнул Койман. – Где твои терции?

– Как насчет твоей собственной ставки, общеизвестный похититель декоративных золотых заднепроходных зажимов¹ вверенных на твое попечение трупов?

– Ну, потерял я несколько штук, что с того? Не делай из мухи слона!

Игра продолжалась. Кугель проиграл одиннадцать терциев и выпил пару кружек местного желудевого пива с резковатым привкусом горького мха и копченой кровяной колбасы. Мало-помалу Кугелю удалось ввести в игру карты из своей колоды, после чего ему улыбнулась удача, и он быстро выиграл тридцать восемь терциев, в то время как Вагмунд, Койман и Сабтиль, явно не ожидавшие такого исхода, били себя по лбу с изумленными возгласами.

В трактирный зал зашел Бундervalь. Заказав кружку пива, некоторое время он стоял и наблюдал за игрой, покачиваясь с каблучков на носки башмаков и обратно, время от времени похваливая удачные комбинации и наставительно укоряя проигравших за недостаточную бдительность:

– Что же ты, Койман? Почему ты не выложил красный дубль и не забрал все ставки перед тем, как Кугель побил твои карты зелеными варлетами?

– Потому что в прошлый раз, когда я это сделал, Кугель открыл королеву демонов, и у меня не осталось никаких шансов! – резко ответил Койман и поднялся на ноги. – Я разорился, Кугель. По меньшей мере закажите мне пива за счет вашего выигрыша.

– С удовольствием! – Кугель подозвал подростка-официанта: – Пива для Коймана – и для Бундervalя!

– Спасибо! – Койман пригласил Бундervalя занять освободившееся место. – Можешь попытать счастья с Кугелем, если хочешь. Он умеет играть лучше нас всех, вместе взятых.

– Так и быть, рискну парой терциев. Эй, парнишка! Принеси-ка нам свежую колоду карт. Эти уже истрепались до дыр – одни короче, другие длиннее, покрылись пятнами, да и рисунок у некоторых из них какой-то чудной. Убери их!

– Новые карты меня вполне устроят! – добродушно воскликнул Кугель. – Но я сохраняю старые, чтобы практиковаться в одиночку. Бундervalь, сколько вы поставите?

¹ Не слишком точный перевод более лаконичного выражения «анфангель донгобель». (Прим. авт.)

Бундervalь выложил на стол терций и раздал новые карты с таким проворством и с таким мастерством, что ошеломленный Кугель не успел и глазом моргнуть.

Они сыграли несколько раундов, но удача покинула Кугеля. Освободив свое место для другого игрока, Кугель встал за спиной Бундervalя, чтобы изучить манеру игры конкурента.

Выиграв десять терциев, Бундervalь заявил, что на сегодня с него хватит. Повернувшись к Кугелю, он сказал:

– Позвольте мне потратить часть выигрыша с благородной целью – выпьем еще по кружке-другой свежего пива! Пойдемте – там, у стены, освободились два стула. Официант! Две кружки вашего лучшего «кишкодера»!

– Сию минуту, сударь! – парнишка отдал честь и убежал в кладовую.

Бундervalь отложил дымящуюся трубку:

– Так что же, Кугель, что вы думаете о Саскервое?

– На первый взгляд это приятный город, где у трудолюбивого человека есть возможность неплохо устроиться.

– Вот именно! Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Но прежде всего давайте выпьем за ваше дальнейшее процветание и благополучие!

– Готов выпить за процветание и благополучие в принципе, – осторожно отозвался Кугель. – До сих пор мне не удавалось насладиться ими в полной мере.

– Как так? Несмотря на ваше умение орудовать за игорным столом? Когда я пытался проследить за вашими экстравагантными трюками, у меня в глазах двоилось!

– Всего лишь глупая привычка красоваться, – скромно заметил Кугель. – Мне нужно научиться привлекать к себе поменьше внимания.

– Все это несущественно, – махнул рукой Бундervalь. – Гораздо важнее вопрос о трудоустройстве в фирме мастера Сольдинка. Мы уже успели обменяться по этому поводу несколькими достойными сожаления фразами.

– Верно, – согласился Кугель. – Позвольте мне кое-что предложить.

– Всегда готов познакомиться с новой концепцией.

– Возможно, суперкарго руководит на борту «Галанте» подчиненными ему лицами. Если бы вы...

Бундervalь прервал его, подняв руку:

– Не будем забывать о реальности. Насколько я понимаю, вы – человек, способный к решительным действиям. Положим конец нашему спору здесь и сейчас. Пусть богиня Мандинго решит, кто из нас претендует на должность суперкарго, а кто остается в стороне.

Кугель вынул свои старые карты:

– Желаете сыграть в скакс или в рамполио?

– Ни в то, ни в другое, – отказался Бундervalь. – Результат жребия не должен быть определен... – Он указал пальцем на большой стеклянный ящик, стоявший поодаль на прилавке. В нем копошилось несколько ракообразных существ, в вареном виде считавшихся замечательным деликатесом. Длина каждого из них – от кончиков мощных клешней до острия жала на хвосте – составляла примерно двадцать сантиметров. – В этом аквариуме трактирщик Краснарк держит сфигалов, – продолжал Бундervalь. – Сфигалы существенно отличаются один от другого темпераментом. Одни проворны, другие медлительны. Выберите одного, я выберу другого. Мы положим их на пол, чтобы они соревновались. Удача выпадет тому, чей сфигал первым добежит до противоположной стены.

Кугель подошел к прилавку и внимательно рассмотрел сфигалов.

– Пренеприятнейшие создания, слов нет! – Ему показался самым энергичным сфигал в красную, желтую и противную белесо-голубую полоску. – Что ж, хорошо! Я выбрал своего рысака.

– Выньте его захватом. Но будьте осторожны: они щиплются клешнями и норовят ужалить хвостом, извиваясь во все стороны!

Стараясь не привлекать внимания занятого трактирщика, Кугель поднял захватом из аквариума выбранного им сфигала и положил его на пол у основания прилавка; Бундерваль сделал то же самое с другим будущим деликатесом.

Слегка опьяневший Бундерваль обратился к своему полосатому чемпиону:

– Многоуважаемый сфигал! Будь так добр, беги как можно быстрее! Оба готовы? Отпустим захваты – вперед!

Соперники разжали захваты, оставили сфигалов на прилавке и потихоньку отошли от аквариума. Заметив открытую дверь трактира, фаворит Бундерваля повернул к ней и тут же скрылся в ночи. Тем временем сфигал Кугеля забрался в валявшийся на полу сапог Вагмунда, гревшего ступни у камина.

– Объявляю дисквалификацию обоих участников состязания! – строго сказал Бундерваль. – Придется испытать судьбу каким-нибудь другим способом.

Кугель и Бундерваль вернулись к своему столу и сели. Уже через несколько секунд Бундерваль изобрел новый план:

– Смотрите, кухня за этой стеной на пол-этажа ниже трактирного зала. Чтобы не сталкиваться по пути, официанты спускаются по ступеням с правой стороны и поднимаются с подносами по ступеням слева. В нерабочее время оба прохода закрывают скользящими в пазах шторками из металлических пластинок. Как вы можете видеть, каждая шторка удерживается на весу цепью. Извольте заметить также, что находящаяся с нашей стороны цепь позволяет опускать и поднимать шторку, закрывающую левый проход, по которому официанты поднимаются с кружками пива и закусками. Каждый из официантов носит круглую шапочку, плотно прикрывающую волосы, чтобы они не попадали в еду. Предлагаю бросить жребий следующим образом. Каждый из нас, по очереди, обязан опускать шторку на одно или несколько звеньев цепи. Рано или поздно тот или иной официант заденет шапочкой нижнюю планку шторки. Тот, кто опустил шторку непосредственно перед этим, проигрывает и должен уступить другому должность суперкарга.

Кугель изучил цепь и механизм, позволявший поднимать и опускать цепью шторку, закрывавшую проход, после чего подверг внимательному осмотру входивших в кухню и выходивших из нее подростков-официантов.

– Само собой, попадаютса парнишки разного роста, – заметил Бундерваль. – Самый длинный, наверное, сантиметров на семь-восемь выше самого короткого. С другой стороны, мне показалось, что у самого высокого выработалась привычка сутулиться и наклонять голову. Таким образом, потребуется довольно-таки хитроумная стратегия.

– Должен поставить одно условие, – сказал Кугель. – Ни один из нас не должен подавать какие-либо знаки, как-либо предупреждать официантов или отвлекать их внимание – все должно происходить в строгом соответствии со случайным характером розыгрыша.

– Согласен! – заявил Бундерваль. – Будем соревноваться честно и благородно. Кроме того, чтобы не было никаких недобросовестных задержек, каждый из нас должен делать свой ход – опускать шторку – не позднее, чем появится второй по счету официант. Если вы уже опустили шторку, а по моим расчетам, следующим должен появиться самый высокий официант, я могу опустить или не опустить шторку по своему усмотрению, но только до появления второго официанта, после чего я обязан сделать свой ход.

– Полезное правило, нет возражений. Так что же, начнем с вас?

Бундерваль отказался от привилегии:

– В каком-то смысле у нас в Саскервое вы – гость, и вам должна принадлежать честь первого хода.

– Благодарю вас! – Кугель снял цепь со штырька и опустил шторку на два звена. – Теперь ваша очередь, Бундervalь. Как пожелаете – можете подождать, пока не пройдет первый официант, а я тем временем закажу еще пива, чтобы нам не было скучно.

– Замечательно! Но теперь я должен сосредоточить на игре все возможное внимание. Насколько я понимаю, здесь потребуется незаурядное ритмическое чутье. Опущу-ка я шторку еще на пару звеньев.

Кугель ждал – появился высокий официант с подносом, нагруженным четырьмя кружками пива. По оценке Кугеля, зазор между шапочкой подростка и нижней планкой шторки соответствовал примерно тринадцати звеньям цепи. Кугель тут же опустил шторку на четыре звена.

– Ага! – воскликнул Бундervalь. – Смелый ход! Но я не уступлю вам в дерзости. Опустим преграду еще на четыре звена!

Прищурившись, Кугель прикидывал в уме последствия возможных дальнейших действий. Опустит он шторку еще на шесть звеньев цепи, нижняя планка неизбежно сбита бы шапочку с головы высокого парня. Официанты поднимались из кухни по очереди – теперь самый высокий должен был появиться третьим. Когда по ступеням поднялся следующий подросток, среднего роста, Кугель опустил цепь на целых пять звеньев.

Бундervalь тревожно вздохнул:

– Ловкий замысел, Кугель! Но я поспешу опустить шторку еще на пару звеньев, чтобы под ней успел пройти самый низкорослый из подростков – он уже поднимается.

Действительно, официант-коротышка не задел шторку шапочкой – остался зазор, эквивалентный двум звеньям цепи, и теперь Кугель обязан был сделать следующий ход или признать свое поражение. Он угрюмо опустил шторку еще на одно звено. Тем временем из кухни поднимался самый высокий из официантов. Но Кугелю повезло – заходя в трактирный зал, верзила наклонил голову, чтобы вытереть нос рукавом, и таким образом прошел под шторкой, не задев ее шапочкой. Настал черед Кугеля торжествуя насмеяться:

– Ваш ход, Бундervalь! Опускайте шторку – или сдавайтесь!

Безутешный Бундervalь сдвинул цепь еще на одно звено.

– Теперь мне остается надеяться только на чудо.

Из кухни поднимался Краснарк, владелец заведения – человек с грубыми чертами лица, повыше самого высокого из его подчиненных, с мощными бицепсами и хмурыми черными бровями. Он держал в руках поднос с тяжелой полной супницей, связкой жареных птиц на блюде и огромной, подрагивающей на каждом шагу полусферой присыпанного пряностями холодца. Краснарк ударился лбом о перекладину шторки, свалился навзничь и пропал из поля зрения. Из кухни послышался звон бьющейся посуды и, непосредственно вслед за этим, яростный рев трактирщика.

Бундervalь и Кугель немедленно подняли шторку на первоначальную высоту и пересели за другой стол, подальше от кухни.

– Меня следует считать победителем, – заявил Кугель, – так как вы были последним, кто переместил цепь.

– Ни в коем случае! – энергично возразил Бундervalь. – Цель игры заключалась в том, чтобы сбить шапочку с головы кого-нибудь из трех официантов. Но цель не достигнута, так как появление Краснарка смешало все карты, если можно так выразиться.

– Вот он, Краснарк, – указал движением головы Кугель. – Разглядывает шторку в полном недоумении.

– Не вижу смысла продолжать эту забаву, – заметил Бундervalь. – На мой взгляд, мы тут достаточно набедокурили.

– Но победитель все еще не назван, – напомнил Кугель. – Вам придется согласиться с тем, что практически с любой точки зрения вы проиграли.

Бундervаль не уступал:

– Краснарк не носит шапочку, в связи с чем его падение никак нельзя считать удовлетворяющим условиям игры. Позвольте мне предложить другое состязание, в котором случайность будет играть решающую роль.

– А вот и парнишка с нашим пивом! Что тебя задерживало, лодырь? Почему нам пришлось так долго ждать?

– Прошу прощения, сударь. Краснарк свалился с лестницы в кухню, и там поднялась такая суматоха, что я никак не мог обслужить вас раньше.

– Что ж, подобную катастрофу можно рассматривать как достаточное оправдание... Бундervаль, объясните, что вы задумали?

– Все очень просто – настолько просто, что меня даже смущает это обстоятельство. Видите эту дверь? Она ведет в туалет. Посмотрите вокруг и выберите своего «представителя». Я сделаю то же самое. Тот из нас, чей «представитель» первым зайдет в туалет, проигрывает, а другой становится единственным кандидатом на должность суперкарго.

– На мой взгляд, условия достаточно справедливы, – согласился Кугель. – Вы уже выбрали?

– Разумеется. А вы?

– Я назначил «представителя», как только вы предложили свой план. Думаю, в такого рода соревновании он непобедим. Это пожилой господин с тонким носом и поджатыми губами, сидящий слева от меня. Его нельзя назвать корпулентным, но мне внушает уверенность его рассеянная манера держать стакан.

– Удачный выбор! – похвалил Бундervаль. – Так уж вышло, что я назначил его собеседника, субъекта в сером плаще, прихлебывающего пиво так, словно оно вызывает у него отвращение.

Кугель подозвал парнишку-официанта и спросил потихоньку, так, чтобы не расслышал Бундervаль:

– Кто эти двое слева от меня? И почему они пьют так медленно?

Подросток пожал плечами:

– Если хотите знать правду, они ужасно не любят расставаться с деньгами, хотя оба вовсе не бедняки. Несмотря на то что у них набиты кошельки, они заказали по маленькому стаканчику самого дешевого варева и не спешат его допивать.

– В таком случае, – сказал Кугель, – принеси господину в сером плаще большую кружку самого лучшего пива – за мой счет, но не называй меня.

– Будет сделано, сударь.

Парнишка тут же подчинился призывному жесту Бундervаль и вступил с ним в такую же конфиденциальную беседу. Поклонившись, подросток спустился в кухню и через некоторое время вернулся, чтобы подать каждому из двух «представителей» по высокой двухлитровой кружке эля. Выслушав сбивчивые пояснения официанта, те без лишних слов пригубили первосортный напиток, не выразив никакой особой благодарности, хотя оба очевидно были озадачены таким даром providения.

Кугеля неприятно поразила жадность, с которой его «представитель» поглощал бесплатное пиво.

– По-моему, я ошибся в выборе, – пожаловался он. – Этот тип хлещет пиво так, словно только что провел день в пустыне.

Бундervаль был не менее критически настроен в отношении своего фаворита:

– Он уже приканчивает двухлитровую кружку, пропойца! Должен заметить, Кугель, вы нанесли мне удар ниже пояса. Мне пришлось защищать свои интересы, конечно, что обошлось недешево.

Кугель попробовал отвлечь своего «представителя» от пива, завязав с ним беседу. Поднявшись на ноги и наклонившись над соседним столом, он спросил:

– Насколько я понимаю, сударь, вы постоянно проживаете в Саскервое?

– Проживаю, – неприязненно ответил пожилой господин. – Причем, да будет вам известно, местные жители не спешат вступать в разговоры с чужестранцами в смехотворных головных уборах.

– И при этом они знамениты своей трезвостью, – прибавил Кугель.

– Чушь! – заявил его «представитель». – Взгляните вокруг! Все насасываются пивом как одержимые – официанты не успевают заменять кружки! Прошу прощения, но я хотел бы последовать их примеру, не отвлекаясь на дельнейшие рассуждения.

– Должен предупредить вас: этот эль застоялся, – нашелся Кугель. – С каждым глотком вы рискуете судорожными приступами поноса.

– Ерунда! Пиво прочищает кровь! Если вас беспокоит пищеварение, не пейте – а меня оставьте в покое! – Опрокинув кружку, «представитель» отправил в глотку существенную часть оставшегося в ней эля.

Недовольный маневрами Кугеля, Бундervalь тоже решил отвлечь внимание своего «представителя», проходя мимо и наступив тому на ногу – последовавшая перепалка могла бы продолжаться достаточно долго, но Кугель угадал намерение соперника и, схватив Бундervalя за плечи, заставил его снова опуститься на стул.

– Играйте по правилам – или я откажусь от участия в соревновании!

– Вы сами ведете себя не слишком честно, – пробормотал Бундervalь.

– Хорошо! – примирительно заявил Кугель. – Пусть каждый из нас больше не вмешивается никоим образом!

– Пусть будет так, но все это в любом случае больше не имеет смысла, так как ваш «представитель» явно ощущает неудобство и собирается встать. Я выиграл!

– Ничего подобного! Проигрывает тот, чей избранник первым доберется до писсуара. Извольте заметить! Ваш собственный «представитель» уже поднимается из-за стола. Они направились в туалет вместе.

– Тогда проиграет тот, чей «представитель» первым выйдет из трактира, так как он, разумеется, первым подойдет к писсуару!

– Но разве мой избранник идет впереди? Нет, он следует за вашим! Проиграет тот, чей избранник первым фактически воспользуется писсуаром.

– Тогда пойдемте в туалет. Отсюда невозможно судить о происходящем.

Кугель и Бундervalь поспешили за «представителями» на внутренний двор, где, под освещенным навесом, в цементном основании был устроен кафельный желоб, удовлетворявший потребности посетителей трактира в мочеиспускании.

По всей видимости, «представители» не спешили – задержавшись на дворе, они обменялись замечаниями по поводу необычно теплой ночи, после чего почти одновременно подошли к желобу. Кугель и Бундervalь последовали за ними – один встал справа, другой слева, приготовившись воочию зарегистрировать результаты соревнования.

Тем временем их избранники приготовились опорожнить мочевые пузыри. Покосившись направо, «представитель» Кугеля не преминул заметить напряженное внимание навязчивого чужестранца и немедленно возмутился:

– Куда вы смотрите и зачем? Какая наглость! Хозяин! Позовите хозяина! Нужно вызвать ночную стражу! Немедленно!

Кугель попытался объяснить свои намерения:

– Сударь, все не так, как вы думаете! Бундervalь подтвердит мои слова. Бундervalь!

Но Бундervalь поспешил вернуться в пивную. Появился трактирщик Краснарк с забинтованной головой:

– Господа, пожалуйста, помолчите немного! Мастер Черниц, будьте добры, успокойтесь! В чем затруднение?

– Затруднение? – выпалил Черниц. – Это оскорбление, а не затруднение! Я пришел сюда, чтобы облегчиться, а этот безнравственный подонок устроился рядом и стал вести себя самым неподобающим образом. Разумеется, я тут же поднял тревогу!

Приятель Черница, прежний «представитель» Бундерваля, процедил сквозь зубы:

– Могу засвидетельствовать, что так оно и было! Этого субъекта следует вытолкать в шею – не только с постоянного двора, но даже из города!

Краснарк повернулся к Кугелю:

– Вам предъявляют серьезные обвинения! Что скажете?

– Мастер Черниц ошибается! Я тоже пришел сюда облегчиться. Взглянув налево, я заметил своего знакомого, Бундерваля, и приветствовал его жестом. В ту же секунду мастер Черниц стал громко орать, намекая на какие-то грязные намерения, которых у меня и в мыслях не было! Если кого-то и следует вытолкать в шею, так это Черница и его приятели – прохиндеев, пробавляющихся пивком за чужой счет!

– Как вы смеете? – возмутился Черниц. – Я пользуюсь высокой репутацией!

Краснарк развел руками:

– Господа, прислушайтесь к голосу разума! Согласен – Кугелю не следовало подавать знаки друзьям, находясь у писсуара, но мастеру Черницу не следовало делать поспешных выводов. Предлагаю ему взять назад выражение «безнравственный подонок», а Кугелю – отказаться от применения эпитета «прохиндеи» в адрес уважаемых граждан, и все встанет на свои места.

– Я не привык к подобным унижениям! – надменно произнес Кугель. – Пока мастер Черниц не извинится, в моих глазах он останется прохиндеем.

Вернувшись в трактир, Кугель занял место рядом с Бундервалем.

– Вы поспешили уйти, – заметил Кугель, – а я остался, чтобы проследить за ходом соревнования. Ваш «представитель» опередил моего на несколько секунд.

– Только после того, как вы отвлекли внимание своего «представителя», нарушив наши условия. Таким образом, результаты не засчитываются.

Тем временем мастер Черниц и его приятель вернулись к своему столу. Смерив Кугеля ледяными взглядами, они отвернулись и стали вполголоса совещаться.

По сигналу Кугеля парнишка-официант принес еще две кружки «кишкодера», и соперники освежились, чтобы успокоить нервы. Помолчав несколько минут, Бундерваль отметил:

– Несмотря на все наши усилия, мы так-таки не решили основной вопрос.

– И почему? Потому, что в состязаниях такого рода все предоставлено на волю случая. Зависимость от жребия, однако, не соответствует моему темпераменту. Я не из тех, кто покорно подставляет задницу пинкам! Я – Кугель, бесстрашный и неукротимый! Я бросаю вызов превратностям судьбы! Исключительно силой воли...

Бундерваль нетерпеливо прервал его:

– Помолчите, Кугель! С меня довольно пьяной похвальбы – вы нагрузились пивом и болтаете лишнее.

Кугель изумленно уставился на собеседника:

– Вы считаете, что я пьян? После трех кружек разведенного «кишкодера»? Мне пришлось пить дождевую воду покрепче этой дряни! Эй, официант! Принеси-ка еще пива! Бундерваль, еще кружку?

– С удовольствием. А теперь – так как вы больше не желаете бросать жребий – вы намерены, наконец, признать поражение?

– Никогда! Давайте пить пиво, литр за литром, пока весь мир не пойдет ходуном и не перевернется вверх дном! Тот, кто первым упадет под стол, проигрывает.

Бундерваль покачал головой:

– Наши выдающиеся способности в этом отношении таковы, что о них можно рассказывать легенды. Мы наливались бы пивом всю ночь, до взаимного изнеможения, и в конечном счете выиграл бы только Краснарк.

– Что же вы предлагаете? У вас есть какая-нибудь идея?

– Конечно есть! Взгляните налево – как видите, Черниц и его приятель задремали. Можете заметить также их торчащие бороды. Трактирщик оставил на прилавке мездряк для разделки салатных водорослей. Отрежьте бороду Черницу или его знакомому – и я уступлю вам должность суперкарга.

Кугель скептически рассматривал двух горожан, прикорнувших за соседним столом.

– Нельзя сказать, что они забылись глубоким сном. Да, я бросаю вызов судьбе, но я не бросаюсь с утесов на камни.

– Хорошо! – сказал Бундерваль. – Я возьму мездряк и отрежу бороду одному из наших соседей. Но в таком случае вы должны будете признать, что я победил.

Подросток-официант принес еще две кружки пива. Кугель сделал несколько глотков и задумчиво заметил:

– Совершить такой подвиг не так-то просто. Допустим, я попытаюсь отрезать бороду Черницу. Он тут же откроет глаза и спросит: «Кугель, почему вы меня бреете?» После чего меня подвергнут наказанию, предусмотренному законами Саскервоя в случаях подобного хулиганства.

– Я подвергаюсь такому же риску, – возразил Бундерваль. – Но мне представляется возможным более хитроумный план. Допустим, в трактире погаснет свет. Тогда ни Черниц, ни его приятель не смогут увидеть ваше лицо или мое лицо, не правда ли?

– В полной темноте можно было бы успеть отрезать одному из них бороду, – согласился Кугель. – Достаточно сделать три шага, схватить бороду, отсечь ее мездряком, вернуться к нашему столу – и дело сделано! Рубильник, выключающий свет, – на стене у входа в кухню.

– Именно таким образом я себе это представляю, – откликнулся Бундерваль. – Так что же, кто будет брадобреем – вы или я? Выбирайте!

Кугель сделал еще несколько глотков, чтобы собраться с мыслями, встал из-за стола и взял с прилавка серповидный нож.

– Дайте-ка я его пощупаю... Вроде бы он хорошо наточен. Что ж, с такого рода проделкой нужно спешить – пока не прошло подходящее настроение.

– Я поверну рубильник, – вызвался Бундерваль. – Как только погаснет свет, приступайте к делу без промедления!

– Подождите! – остановил его Кугель. – Прежде всего нужно выбрать бороду. Хорошо было бы, конечно, обрить Черница, но борода его приятеля длиннее, ее удобнее ухватить... Ладно, я готов.

Бундерваль поднялся на ноги и направился к рубильнику. Обернувшись к Кугелю, он кивнул.

Кугель напрягся.

Свет погас. Трактирный зал теперь освещали только пляшущие отблески огня, разведенного в камине. Кугель быстро сделал три длинных шага к соседнему столу, схватил выбранную бороду и ловко провел по ней мездряком... Рубильник каким-то образом выскользнул из пальцев Бундерваля, или в осветительных трубках потолка возник самопроизвольный разряд... Так или иначе, в зале на мгновение снова вспыхнул свет – и лишившийся бороды господин изумленно уставился в лицо наклонившегося к нему Кугеля. Лампы тут же погасли, но у приятеля Черница четко запечатлелось в памяти изображение длинноносого лица и темно-волосой головы в необычной шегольской шляпе.

Подвергнувшийся нападению гражданин растерянно закричал:

– Караул! Краснарк! На нас напали бандиты! Где моя борода?

Нашупывая стену рукой, один из официантов повернул рубильник, и трактир снова озарился ярким голубоватым светом.

Краснарк, с ушибленной головы которого уже сползала повязка, поспешил к пострадавшему, чтобы выяснить причину очередного переполоха. Возмущенный субъект в сером плаще трясущейся рукой указывал на Кугеля, уже сидевшего за столом и словно застывшего в сонливой позе с кружкой пива в руке:

– Вот этот мерзавец! Я его видел – он резал мне бороду, оскалившись, как волк!

Кугель встрепенулся и повернулся к обвинителю:

– Бред какой-то! Я тут сидел и потягивал пиво. Понятия не имею, кто покусился на вашу бороду, мне она ни к чему! Пить надо меньше!

– Неправда! Я тебя видел своими глазами!

Кугель оскорбленно протестовал:

– Почему бы мне понадобилась ваша борода? Сами подумайте! Ее невозможно ни продать, ни приспособить с какой-нибудь целью. Если хотите, можете меня обыскать! Вы не найдете ни единого волоска.

Будучи в полном замешательстве, Краснарк развел руками:

– Кугель приводит разумные доводы. С какой стати, в самом деле, он попытался бы вас обрить?

Багровый от ярости господин в сером плаще не унимался:

– Почему бы кто бы то ни было пытался меня брить? Тем не менее смотрите сами – кто-то отрезал мне бороду!

Покачав головой, Краснарк отвернулся:

– Не могу себе представить, кому это могло прийти в голову! Официант! Принеси мастеру Меркантидесу кружку доброго свежего «кишкодера» за мой счет, чтобы он немного успокоился.

Кугель повернулся к Бундервалю:

– Дело сделано.

– Дело сделано, и сделано хорошо, – великодушно согласился Бундерваль. – Вы победили! Завтра в полдень мы вместе пойдем в контору Сольдинка и Меркантидеса, и я лично порекомендую вас как наилучшего кандидата на должность суперкарга.

– Меркантидес! – Кугель задумался. – Разве не так трактирщик назвал господина, которому я только что отрезал бороду?

– Ну, если уж вы об этом упомянули, – да, именно так его зовут, – сказал Бундерваль.

Около камина громко зевнул рыжий Вагмунд.

– На сегодня хватит тревожлений! Я устал, хочу спать. Ноги согрелись, сапоги высохли – пора домой. Осталось только натянуть сапоги...

В полдень Кугель встретился с Бундервалем на прибрежной площади. Они зашли в контору фирмы Сольдинка и Меркантидеса и направились к внутреннему кабинету.

Клерк Диффин поспешил объявить Сольдинку об их присутствии и раздвинул портьеры, приглашая посетителей внутрь. Сольдинк указал обоим кандидатам на софу с каштановой плюшевой обивкой:

– Присаживайтесь. Меркантидес скоро к нам присоединится, и мы обсудим наши дела.

Минут через пять в кабинет зашел Меркантидес. Не глядя по сторонам, он присел за восьмиугольный стол рядом с Сольдинком. Взглянув в сторону софы, владелец фирмы наконец заметил двух посетителей и резко спросил:

– Вы, двое! Что вы здесь делаете?

Кугель осторожно ответил:

– Вчера Бундervalь и я выставили кандидатуры на должность суперкарго, освободившуюся на борту «Галанте». Бундervalь согласился уступить мне эту вакансию, в связи с чем...

Меркантидес набычился:

– Кугель? Об этом не может быть и речи! Бундervalь, рекомендую вам пересмотреть свое решение.

– Конечно, если кандидатура Кугеля больше не рассматривается...

– Она не рассматривается. Таким образом, остается только назначить Бундervalя на должность суперкарго. Сольдинк, вы согласны?

– Профессиональные качества Бундervalя меня вполне устраивают.

– Значит, так тому и быть. – Меркантидес встал из-за стола. – Сольдинк, у меня разболелась голова. Если я зачем-то понадоблюсь, вы найдете меня дома.

Меркантидес вышел из кабинета, чуть не столкнувшись с входящим Вагмундом – тот опирался на костыль.

Сольдинк смерил рыжебородого калеку удивленным взглядом:

– В чем дело, Вагмунд? Что с вами случилось?

– Сударь, вчера вечером меня ужалил сфигал. Боюсь, я не смогу совершить следующее плавание на борту «Галанте».

Сольдинк раздраженно откинулся на спинку стула:

– Плохие новости! Что же нам делать? Червячнику – особенно действительно знающему свое дело – трудно найти замену!

Бундervalь поднялся на ноги:

– Позвольте мне в качестве нового суперкарго «Галанте» рекомендовать Кугеля на освободившуюся должность червячника.

Сольдинк взглянул на Кугеля без особого энтузиазма:

– У вас есть опыт такой работы?

– В последние годы я этим не занимался, – признался Кугель. – Но я посоветуюсь с Вагмундом, и если в Саскервое применяются незнакомые мне методы, он мне поможет в них разобраться.

– Хорошо. По сути дела, у нас практически нет выбора, так как «Галанте» отплывает через три дня. Бундervalь, вам надлежит немедленно подняться на борт. Проследите за тем, чтобы товары и провиант погрузили в трюм надлежащим образом! Вагмунд, прошу вас познакомить Кугеля с червями и разъяснить ему их маленькие причуды. Есть какие-нибудь вопросы? Нет? В таком случае приступайте к выполнению своих обязанностей! «Галанте» поднимает якорь через три дня!

Глава II

От Саскервоя до отмелей Таствольда

1. На борту «Галанте»

На первый взгляд судно «Галанте» произвело на Кугеля, в общем и целом, благоприятное впечатление. Его широкий, но пропорциональный корпус, очевидно, отличался достаточной плавучестью и герметичностью. Тщательная подгонка деталей и щедрое использование орнаментальных украшений позволяли предположить, что владельцы уделяли не меньшее внимание роскоши и удобствам в подпалубных помещениях. На рее единственной мачты красовался парус из темно-синего шелка. Загнутая наподобие лебединой шеи носовая стойка поддерживала висящий на цепи чугунный фонарь. Другой, еще более массивный фонарь покачивался над квартердеком.

Кугель приветствовал приспособления такого рода: они упрощали работу команды по ночам и тем самым способствовали скорейшему продвижению судна. С другой стороны, он не был готов немедленно признать необходимость так называемых спонсонов – деревянных мостков, тянувшихся вдоль обоих бортов в нескольких сантиметрах над ватерлинией. В чем заключалось назначение этих выступов? Кугель прошелся туда-сюда по причалу, чтобы лучше рассмотреть эти необычные элементы конструкции. Вряд ли мостки устроили для того, чтобы по ним прогуливались пассажиры. Они выглядели слишком узкими, ходить по ним было бы опасно – тем более что в открытом море их, несомненно, заливало солеными брызгами и волнами. Может быть, они служили своего рода площадками, позволявшими пассажирам и команде купаться и стирать одежду, пока судно дрейфовало в безветренную погоду? Или команда пользовалась мостками, заделывая щели в корпусе?

Кугель отложил решение этого вопроса. Зачем было вникать в лишние подробности, раз судно могло без особых затруднений доставить его в Порт-Пердусс? Гораздо больше его беспокоили возможные обязанности так называемого червячника, о каковых он не имел ни малейшего представления.

У его предшественника, Вагмунда, настолько разболелась нога, что он отказался оказывать Кугелю какую-либо помощь. В качестве напутствия он соблаговолил произнести несколько отрывистых фраз: «Прежде всего! Поднявшись на борт, найдите свою койку и сложите пожитки. Капитан Бонт не терпит никаких нарушений дисциплины. Устроившись как положено, представьтесь Дрофо, старшему червячнику, – он даст необходимые указания. Вам повезло – черви в прекрасном состоянии!»

У Кугеля не было никаких пожитков, кроме той одежды, которую он носил (не считая, конечно, поясной сумки, где хранился драгоценный пекторальный неборазрывный брызгосвет, важнейшая чешуйка демиурга Скорогроха). Теперь, стоя на причале, Кугель придумал, как предохранить брызгосвет от возможного хищения.

Он зашел в укромное место за штабелем ящиков, снял свою прекрасную трехъярусную шляпу, отцепил от нее довольно-таки безвкусное украшение, а затем, соблюдая осторожность, чтобы не обжечься сохранившим магическую энергию брызгосветом, надежно закрепил чешуйку на шляпе так, чтобы она казалась всего лишь чем-то вроде пряжки на головном уборе. Первоначальное дешевое украшение он спрятал в поясной сумке.

Вернувшись по причалу к «Галанте», Кугель взобрался по трапу на среднюю палубу. Справа находилась кормовая рубка, откуда сходились поднимались на квартердек. В передней части

судна, в промежутке сдвоенного тупого носа, ютились камбуз и столовая команды, откуда можно было спуститься в каюты моряков.

В поле зрения Кугеля находились три человека. Первым был кок в поварском колпаке, вышедший на палубу, чтобы сплунуть в воду. Второй, высокий и худощавый, с продолговатым землистым лицом трагического поэта, стоял у поручня и мрачно смотрел в морскую даль. Подбородок его покрывала редкая борода оттенка темно-красного дерева; волосы, того же темного красновато-коричневого цвета, напоминавшего гнедую лошадиную масть, были повязаны черным платком. Схватив поручень обеими загрубевшими руками, он ни разу не повернулся, чтобы взглянуть на Кугеля.

Третий моряк вышел на палубу с ведром, чтобы выплеснуть его содержимое за борт. У него были густые, коротко стриженные белые волосы, а его рот напоминал тонкий рубец на багровом лице с квадратным подбородком. «По-видимому, стюард», – подумал Кугель. Деловитые и даже нагловатые манеры этого субъекта вполне соответствовали такому роду занятий.

Из трех моряков только человек с ведром соблаговолил заметить присутствие Кугеля и резко окликнул его:

– Эй, там! Да, я тебе говорю, бездельник с перекошенной от хитрости рожей! Пошел вон! Нам не нужны ни целебные мази, ни талисманы, ни молитвы, ни эротические снадобья!

– Вам следовало бы выражаться повежливее, – холодно отозвался Кугель. – Меня зовут Кугель, и я здесь нахожусь по недвусмысленному распоряжению Сольдинка! А теперь вы могли бы показать мне мою каюту – и при этом держать при себе свое мнение относительно моей внешности.

Человек с ведром глубоко вздохнул – так, словно его бесконечное терпение подвергалось очередному, почти невыносимому испытанию. Заглянув в отверстие люка, он заорал:

– Борк! На палубу!

Откуда-то снизу выскочил толстяк-коротышка с круглой красной физиономией:

– Есть, сэр! Что нужно сделать?

– Покажи этому типу его каюту. Он говорит, что его пригласил Сольдинк. Не помню, как его зовут – то ли Фугль, то ли Кунгль, что-то в этом роде.

Борк почесал нос, явно находясь в замешательстве.

– Меня никто о нем не предупреждал. Мастер Сольдинк будет нас сопровождать вместе со всей семьей – где я найду свободное место? Если я предоставляю этому господину отдельную каюту, вам придется делить каюту с Дрофо.

– Это меня никоим образом не устраивает!

– Вы можете предложить что-нибудь получше? – жалобно спросил Борк.

Белобрысый моряк отбросил пустое ведро, возвел руки к небу и ушел на корму. Глядя ему вслед, Кугель спросил:

– Кто этот раздражительный грубиян?

– Капитан Бонт. А раздражен он потому, что теперь вы займете его каюту, – вы на его месте тоже разозлились бы.

Кугель погладил подбородок:

– Принимая во внимание все обстоятельства, я предпочел бы пользоваться обычной каютой, предназначенной для одинокого пассажира.

– В этом плавании выполнить такое требование будет невозможно, сударь. Мастер Сольдинк направляется в Порт-Пердусс с супругой и тремя дочерьми. Никаких свободных мест не осталось.

– Мне не хотелось бы причинять неудобства капитану, – пробормотал Кугель. – Возможно, мне следовало бы...

– О чем тут говорить, сударь? Все будет в порядке. Капитан Бонт крепко спит, храп Дрофо ему не помешает – надеюсь, мы как-нибудь устроимся. Извольте пройти сюда, сударь, я покажу вам каюту.

Стюард провел Кугеля в просторное и удобное помещение, как правило, служившее убежищем и спальней капитану судна. Кугель с одобрением смотрел по сторонам:

– Мне такая каюта вполне подойдет. Из окон открывается прекрасный вид.

На пороге появился капитан Бонт:

– Надеюсь, это помещение удовлетворяет вашим потребностям?

– Целиком и полностью! Мне тут будет очень удобно. – Повернувшись к Борку, Кугель сказал: – Теперь вы могли бы подать мне какие-нибудь легкие закуски и что-нибудь выпить. Сегодня утром я уже завтракал.

– Разумеется, сударь. Сию минуту.

Капитан Бонт ворчливо заметил:

– Прошу только об одном – ничего не двигайте на полках. Моя коллекция раковин морских мотыльков незаменима. Кроме того, я не хочу, чтобы трогали мои древние книги.

– Не беспокойтесь! Ваше имущество останется в полной сохранности – так, как если бы оно было моим. А теперь прошу меня извинить – я хотел бы отдохнуть несколько часов перед тем, как приступлю к выполнению обязанностей.

– Обязанностей? – Капитан удивленно нахмурился: – Каких таких обязанностей?

– Сольдинк поручил мне кое-какие простейшие функции.

– Странно. Он ничего об этом не говорил. Бундерваль – новый суперкарго. Кроме того, насколько я понимаю, какой-то длинноногий чужак-иностранец назначен помощником червячника.

– Я согласился занять должность червячника, – строго пояснил Кугель.

У капитана отвисла челюсть:

– Ты – помощник червячника?

– Насколько мне известно, – подтвердил Кугель.

Кугелю указали на узкую койку в самой глубине носового трюма – там, где форштевень соединялся с килем. На койке лежал мешковатый матрас, набитый сушеным тростником; рядом стоял ящик, содержащий вонючее тряпье, – Вагмунд не позаботился забрать его.

При свете огрызка свечи Кугель оценил состояние своих ушибов. Судя по всему, ни один из ударов не нанес ему увечий, чреватых долгосрочными последствиями, хотя поведение капитана Бонта вышло за рамки любых представлений о сдержанности.

Послышался гнусавый окрик:

– Кугель, куда ты пропал? На палубу, живо!

Кугель застонал и, хромая, поднялся на палубу. Там его ожидал высокий упитанный молодой человек с плотной копной черных кудрявых волос и маленькими, близко посаженными черными глазками. Он разглядывал Кугеля с нескрываемым любопытством.

– Моя фамилия – Сачковский, я – червячник первого разряда и, таким образом, твой начальник, хотя мы оба пляшем под дудку старшего червячника Дрофо. В данный момент Дрофо желает произнести вдохновляющую речь. Если ты дорожишь своей шкурой, слушай внимательно. Пошли!

Дрофо стоял у мачты: тот самый тощий верзила с темной красно-коричневой бородой, которого Кугель заметил, как только поднялся на борт «Галанте».

Дрофо указал на выступающую из палубного настила крышку люка:

– Садитесь.

Кугель и Сачковский уселись и, вежливо повернувшись к начальнику, приготовились слушать.

Наклонив голову и сложив руки за спиной, Дрофо молча разглядывал подчиненных. Через некоторое время он заговорил монотонным глубоким басом:

– Я могу вас многому научить! Слушайте – и вы наберетесь мудрости, неведомой академикам Института, жонглирующим консенсусами и парадигмами! Не заблуждайтесь, однако! Слова не имеют никакого веса, как случайная дождевая капля, упавшая за шиворот! Для того чтобы на самом деле знать, нужно делать! Проплыв десять тысяч лиг и уморив сотню червей, вы сможете наконец сказать: «Мы постигли мудрость жизни!», что равносильно утверждению «Мы – червячники!». Набравшись мудрости, будучи мастерами-червячниками, вы забудете о тщеславной болтовне. Вы поймете, что молчание – золото, что ваши незаменимые навыки говорят сами за себя! – Дрофо переводил взгляд с одного лица на другое. – Я достаточно ясно выражаюсь?

Сачковский почесал в затылке:

– Не совсем. В Институте ученые регулярно измеряют вес индивидуальных дождевых капель. Это хорошо или плохо?

Дрофо вежливо ответил:

– Мы не обсуждаем полезность исследований, которые ведутся в Институте. Мы говорим об обязанностях червячника.

– А! Теперь все понятно!

– Вот именно! – поддакнул Кугель. – Продолжайте, Дрофо, ваши замечания весьма любопытны.

Продолжая держать руки за спиной, Дрофо сделал шаг к левому борту, развернулся, сделал шаг к правому борту.

– Наше призвание воспитывает в человеке истинное благородство! Дилетанту, слабаку, глупцу не под силу стать настоящим червячником! Пока плавание идет как по маслу, любой бездельник радуется и веселится – он играет на гармонии и пляшет джигу; все смотрят на него и думают: «У червячника не жизнь, а малина!» Но затем неизбежно наступает беда! Безжалостно хлещет черный спорожной, закупорки с грохотом вылетают, как канонада Судьбы, червь ревет и рвется в глубины океана – только тогда проверяется характер бахвала и самозванца: он забивается в дальний угол трюма и трясется от страха!

Пока Кугель и Сачковский размышляли о предостережениях начальника, Дрофо снова сделал шаг к левому борту, развернулся и шагнул к правому борту.

Протянув руку, Дрофо указал длинным бледным пальцем на морской горизонт.

– Туда мы плывем, между небом и бездной, туда, где тайны всех времен кроются во мраке, которому суждено поглотить планету, когда погаснет Солнце!

Будто для того, чтобы подчеркнуть слова Дрофо, солнечный диск на мгновение подернулся темноватой пленкой, как старческий глаз – слизистым выделением. Моргнув, дневное светило задрожало и снова разгорелось – к огромному облегчению Сачковского, хотя Дрофо даже не заметил этот астрономический инцидент. Бывалый червячник продолжал покачивать указательным пальцем:

– Червь – дитя океана, плоть от плоти его! Червь мудр, хотя ему известны только шесть вещей: солнце, волны, ветер, горизонт, темные глубины, правильное направление, голод и насыщение... Сачковский, почему ты считаешь на пальцах?

– Нет, ничего, просто так...

– Мудрость червя не означает, что он хитер, – продолжал Дрофо. – Червь не умеет лукавить, у него нет чувства юмора. Умелый червячник прост, как его черви. Червячник ест то, что ему дают, и не жалуется на качество довольствия, червячник спит, когда ему вообще удастся найти время для сна, не беспокоясь о том, успел ли высохнуть его промокший комбинезон. Если черви тянут судно прямо вперед, если непрерывно плещет кильватерная струя, если вода заглатывается и выталкивается часто и регулярно – червячник безмятежен. Ему больше ничего

не нужно от жизни, он не жаждет ни богатства, ни ленивых чувственных наслаждений в объятиях женщин, ни блестящих украшений вроде того, какое нацепил на шляпу Кугель. Душу червячника наполняет морской простор!

– Вдохновляющая перспектива! – воскликнул Сачковский. – Я горжусь своей профессией! Кугель, что скажешь?

– Целиком и полностью разделяю твои чувства! – отозвался Кугель. – Призвание червячника достойно восхищения! А что касается украшения на шляпе, оно не имеет никакой ценности, кроме сентиментальной, – я унаследовал его от родителей.

Дрофо безразлично кивнул.

– Теперь мне предстоит познакомить вас с важнейшей аксиомой червячника – равносильно применимой, по сути дела, в любой профессии. Она заключается в следующем. Человек может представиться и заявить: «Я – мастер-червячник!», или же мастер-червячник может стоять в стороне и не говорить ни слова. Как узнать, кто из них на самом деле мастер? Об этом позволяют узнать только черви.

Позвольте пояснить подробнее. Если вы видите желтушное создание со вспухшими фосиклами, с жабрами, покрытыми коростой, с закупоренным клотом – кто несет за это ответственность? Червь, который не знает ничего, кроме моря и простора, или тот, кому поручено ухаживать за ним? Можно ли назвать такого человека червячником? Судите сами. Но вот другой червь – здоровый и сильный, сохраняющий безошибочное чувство направления, розовый, как лучи утренней зари! Такой червь свидетельствует о прилежности червячника, неустанно шлифующего линктуры, прочищающего клот, обрабатывающего жабры скребком и гребнями, пока они не начинают блестеть, как серебряные! Он находится в состоянии мистической общности с морем, с его волнениями и успокоениями – и тем самым постигает безмятежность, доступную только червячнику!

Не стану больше ни о чем говорить. Кугель, ты мало знаком с нашим ремеслом, но хорошо уже то, что тебя буду обучать я, так как мои методы нельзя назвать щадящими. Либо ты научишься, либо утонешь, или попадешь под удар прихвостней, или, что еще хуже, навлечешь на себя мой гнев. Но лиха беда начало – я тебя научу или проучу! Не смей думать, что я слишком суров или превышаю свои полномочия – это было бы самоубийственной ошибкой! Я строг – да, я предъявляю жесткие требования и слежу за их выполнением, но когда я скажу, что ты стал настоящим червячником, ты сам меня поблаговаришь!

– Да уж, восхитительная перспектива! – пробормотал Кугель.

Дрофо пропустил мимо ушей замечание новичка.

– Сачковский! Тебе, пожалуй, не хватает мышечного тонуса Кугеля, но ты уже совершил плавание бок о бок с Вагмундом. Жаль, что Вагмунд повредил ногу! Я уже указывал на некоторые твои ошибки и недостатки. Мои замечания надежно запечатлелись в твоей памяти, я надеюсь?

– Они словно вырублены топором! – с натянутой улыбкой отозвался Сачковский.

– Хорошо. Покажи Кугелю лотки и мешки, выдай ему добротный зачистной бур и пинкты. Кугель, у тебя есть пара надежных шпор?

Кугель покачал головой:

– Никак не мог их раздобыть – пришлось собираться в спешке.

– Жаль... Что ж, ты можешь воспользоваться прекрасным оборудованием Вагмунда, но тебе придется следить за тем, чтобы оно оставалось в отличном состоянии.

– Разумеется, я за этим прослежу.

– Займитесь экипировкой. Уже почти пора запрягать: «Галанте» поднимет якорь, как только Сольдинк отдаст приказ.

Сачковский провел Кугеля к большому сундуку под форпиком и принялся рыться в груди инструментов и обуви, выбирая лучшие экземпляры для себя и время от времени подбрасывая Кугелю те, что поплоче.

При этом Сачковский советовал:

– Не принимай слишком близко к сердцу угрозы старины Дрофо. Он столько лет дышал солеными брызгами, что, подозреваю, принимает на ночь ушные капли для червей вместо ста- канчика чего-нибудь покрепче; так или иначе, он частенько ведет себя странно.

Несколько ободренный дружелюбным обращением коллеги, Кугель осторожно поинтересовался:

– Если нам предстоит иметь дело всего лишь с червями, зачем эти громоздкие и опасные на вид инструменты?

Сачковский ответил ему непонимающим взглядом; Кугель поспешил прибавить:

– Допускаю, что с червями работают на столе или на верстаке – в связи с чем не совсем понятно, почему Дрофо так красноречиво восхваляет невзгоды и лишения, связанные с воздействием ветра и волн. Мы должны будем промывать червей морской водой или выкапывать их из болота по ночам?

Сачковский усмехнулся:

– Ты никогда не червячил?

– Боюсь, мой опыт в этом отношении недостаточен.

– Скоро все будет ясно и понятно. Зачем заниматься рассуждениями и теориями – то есть терять время попусту? Так же как Дрофо, я человек дела, а не болтун.

– Оно и видно, – ледяным тоном обронил Кугель.

Физиономия Сачковского оживилась насмешливо-лукавым выражением:

– У тебя шляпа чудного покроя – надо полагать, ты прибыл из далекой страны и не знаком с нашими обычаями?

– Так оно и есть, – кивнул Кугель.

– И как тебе понравились холодные солончаки Кутца?

– Северная тундра отличается кое-какими любопытными особенностями. Тем не менее мне не терпелось вернуться оттуда в цивилизованные места.

Сачковский фыркнул:

– Я родом из Тугерсбира – это в сотне километров к северу. Там тоже, можно сказать, процветает цивилизация... Ага! Вот шпоры Вагмунда. Думаю, что я возьму себе вот эти, с пряжками в виде серебряных ракушек. А ты можешь выбрать пару других. Будь осторожен, однако, Вагмунд – человек гордый и тщеславный. Как только дело доходит до экипировки, он становится капризным, как ребенок, а уж о шпорах печется, как лысый скряга о меховой шапке! Поспеш, не то Дрофо снова начнет нас потчевать занудными поучениями! – Они вынесли инструменты и шпоры на среднюю палубу, после чего спустились за старшим червячником по трапу и направились по набережной на север, к длинному огороженному прибрежному бассейну, где лениво плавали несколько огромных трубчатых существ по два-три метра в диаметре, длиной не уступавших «Галанте».

Дрофо ткнул пальцем в сторону бассейна:

– Сачковский, тебе поручены твари с желтыми бугорками. Как видишь, они нуждаются в обслуживании. Кугель! Слева, у ограды, плавают два червя с голубыми бугорками. Это первосортные подопечные Вагмунда; теперь заботиться о них придется тебе.

Сачковский глубокомысленно заметил:

– Почему бы не поручить Кугелю червей с желтыми бугорками, а мне – с голубыми? В таком случае Кугелю представилась бы возможность научиться выполнению важнейших процедур уже на первом этапе приобретения профессионального опыта.

Дрофо задумался:

– Возможно, возможно. Но у нас нет времени анализировать все аспекты твоего предложения, в связи с чем придется ограничиться первоначальным планом.

– Правильно! – поддержал начальника Кугель. – Ваше решение соответствует второй аксиоме червячника: «Если червячник А запустил своих червей, именно червячник А, а не червячник Б, безукоризненно выполнявший свои обязанности, должен восстановить пригодное к эксплуатации состояние запущенных червей».

Сачковского такое положение вещей не устраивало.

– Кугель может сформулировать тридцать удобных для него аксиом – тем не менее, как упомянул Дрофо, ничто не заменяет практический опыт.

– Будем следовать первоначальному плану, – повторил Дрофо. – А теперь отведите своих тварей к судну и пристегните их к поясам: Кугель – к левому борту, Сачковский – к правому!

Сачковский поспешно отдал честь:

– Будет сделано! Пойдем, Кугель, пошевеливайся! Запряжем червей в два счета, как это делается в Тугерсбире!

– Только не завязывай опять свои тугерсбирские узлы! – предупредил Дрофо. – В прошлый раз мне и капитану Бонту пришлось полчаса ломать голову, прежде чем мы догадались, как они распускаются!

Сачковский и Кугель спустились к краю бассейна. На поверхности воды растянулось не меньше дюжины гигантских червей, время от времени слегка перемещавшихся благодаря волнообразным движениям выступавших вдоль хвоста зазубренных боковых плавников – так называемых прихвостней. Некоторые черви были розовыми или даже почти пунцовыми, окраска других напоминала бледную слоновую кость, а пара тварей пожелтела до нездорового сернистого оттенка. Голова червя отличалась сложным строением: за коротким толстым хоботком следовал оптический вырост с единственным небольшим глазом, а сразу за глазом находилась пара бугорков на коротких стеблях. Эти бугорки, выкрашенные в различные цвета, обозначали владельца червя и служили органами, определявшими направление движения животного.

– Смотри теперь, не оплошай, Кугель! – воскликнул Сачковский. – Применяй все свои теории! Старому Дрофо нравится, когда черви сразу плывут куда надо – да так, чтоб ветер свистел в ушах! Надевай шпоры и седлай червя!

– Честно говоря, – нервно признался Кугель, – я забыл многие из прежних навыков.

– Никакие особые навыки тут не нужны, – возразил Сачковский. – Смотри! Я спрыгну этой твари на спину и накину мешок ей на глаз, после чего сразу схвачусь за цветные бугорки – и червь поплывет туда, куда я его направлю. Наблюдай – и тебе все станет ясно!

Сачковский спрыгнул на спину одному из червей, пробежал по всей его длине, перескочил на другого, на третьего и наконец оседлал червя с желтыми бугорками. Набросив мешок червя на глаз, он схватился обеими руками за бугорки; вспенивая воду прихвостнями, червь поплыл к раздвижным воротам ограды. Дрофо открыл ворота, и червь направился к «Галанте».

Кугель боязливо попытался сделать то же самое, но червь, когда удалось наконец оседлать его и взять за голубые бугорки, тут же глубоко нырнул. Кугель в отчаянии потянул бугорки на себя: червь поспешно вынырнул на поверхность и взвился в воздух метров на пять – так, что сброшенный Кугель приводнился на другом конце бассейна.

Кугель выбрался на берег. У раздвижных ворот ограды стоял Дрофо, мрачно наблюдавший за этой его акробатикой.

Черви по-прежнему мирно плавали в бассейне. Глубоко вздохнув, Кугель снова спрыгнул на своего червя и оседлал его. Закрыв глаз мешком, он принялся осторожно вертеть бугорки пальцами. Тварь не обратила на его действия ни малейшего внимания. Кугель повернул бугорки посильнее, что заставило червя неожиданно двинуться вперед. Кугель продолжал экспериментировать, и, перемещаясь рывками и дергаясь из стороны в сторону, червь

приблизился к тому концу бассейна, где ждал Дрофо. По какой-то случайности (или просто потому, что ему так захотелось) червь подплыл к воротам. Дрофо раскрыл их настежь, и червь выскользнул из бассейна вместе с сидящим на нем Кугелем, гордо задравшим нос, – он изобразил полную уверенность в своем умении управлять гигантским животным.

– А теперь, – сказал червя Кугель, – плыви к «Галанте»!

Вопреки желаниям Кугеля, однако, червь повернул в открытое море. Дрофо, стоявший у ворот бассейна, угрюмо кивнул, словно подтверждая некое внутреннее убеждение. Вынув из кармана серебряный свисток, он трижды дунул в него – над водой разнеслись пронзительно верещащие сигналы. Червь развернулся по широкой дуге и подплыл к раздвижным воротам. Дрофо прыгнул на розовые роговые пластинки, составлявшие хребет червя, подошел к голубым бугоркам и принялся шевелить их небрежными пинками.

– Смотри! Бугорки наклоняются. Так – червь плывет направо, так – налево. Так – выше, так – глубже. Поверни сюда – он остановится, сюда – поплывет. Все ясно?

– Не могли бы вы повторить? – попросил Кугель. – Мне не помешало бы лучше запомнить ваши действия.

Дрофо повторил урок, после чего, заставив червя плыть к «Галанте», в трагическом раздумье стоял за спиной Кугеля, пока червь не приблизился к судну и не вытянулся вдоль левого борта. Только теперь Кугелю стало понятно назначение приводивших его в замешательство мостков-спонсонов, устроенных над ватерлинией, – они обеспечивали возможность быстрого и беспрепятственного доступа к червям.

– Наблюдай! – приказал Дрофо. – Я продемонстрирую, как пристегивают червя. Ты опоясываешь его – вот так, и продеваешь пояса в карабины – таким образом. Под пояса наносится мазь, чтобы они не натирали шкуру, после чего пояса затягиваются – вот так. Все понятно?

– Целиком и полностью!

– Тогда приведи сюда и пристегни второго червя.

Умудренному указаниями начальника Кугелю удалось привести к судну второго червя и пристегнуть его надлежащим образом. При этом Кугель смазал шкуру животного в соответствии с инструкциями Дрофо. Еще через несколько минут он услышал, к своему удовлетворению, как Дрофо устраивал разнос Сачковскому – тот пренебрег нанесением мази. Оправдания Сачковского, заявлявшего, что он не выносит запах предотвращавшего образование ссадин вещества, не произвели на Дрофо никакого впечатления.

Еще через несколько минут Дрофо заставил обоих подчиненных стоять на палубе навытяжку, вновь разъясняя им качества, ожидавшиеся от червячников:

– В нашем последнем плавании обязанности червячников выполняли Вагмунд и Сачковский. Меня на борту не было – старшим червячником служил Гизельман. Не могу не заметить, что ему явно не хватало строгости. Тогда как Вагмунд обращался с тягловыми червями профессионально и безупречно, Сачковский, будучи невежественным лодырем, допустил существенное ухудшение состояния доверенных ему тварей. Только взгляните на них! Они пожелтели, как спелая айва! Их жабры почернели от коросты. Будьте уверены – в дальнейшем Сачковскому придется бережнее относиться к своим подопечным. Что касается Кугеля, у него нет даже простейших навыков червячника, но на борту «Галанте» пробелы в его образовании – так же как и недостатки Сачковского – будут устранены быстро и беспощадно.

Теперь слушайте меня внимательно! Через два часа мы выходим в море и покидаем Саскервой. До тех пор вам надлежит скормить каждому из червей половину суточного рациона и приготовить приманки. Кугель почистит своих тварей и осмотрит их, проверяя на наличие тимпа. Сачковский немедленно начнет выскребать коросту. Ему также надлежит произвести проверку на наличие тимпа, спорогноя и прихвостных клещей. Сачковский! У твоего наружного червя наблюдаются признаки закупорки – ему необходима клизма с добавлением умягчителя. Приступайте к делу, червячники!

Вооружившись щеткой, скребком, зубилом и зачистным буром, а также горшками мази, тонирующего состава и целебного еля, Кугель принялся чистить и холить червей согласно указаниям Дрофо. Время от времени червей и мостки накрывала накатившаяся волна; перегнувшись через поручень, стоявший на палубе Дрофо поучал Кугеля:

– Если вымокнешь, не обращай внимания! Неприязнь к влажной одежде – искусственная эмоция, вызванная ошибочным воспитанием. Наш организм содержит большое количество крови и всевозможных других, гораздо более неприятных, жидкостей – зачем чураться чистой соленой морской воды? Не обращай внимания на волны! Червячник всегда ходит мокрым, это его естественное состояние.

Ближе к вечеру на причал прибыли мастер Сольдинк и сопровождавшие его лица. Капитан Бонт собрал всю команду на средней палубе, чтобы она приветствовала почетных пассажиров.

Первым по трапу поднялся Сольдинк, державший под руку супругу; за ними последовали три дочери Сольдинка – Меадре, Салассера и Табазинта.

Капитан Бонт, стоявший навытяжку в безупречной парадной форме, произнес короткую речь:

– Мастер Сольдинк, команда «Галанте» приветствует вас и вашу достойную восхищения семью на борту нашего судна! Так как нам предстоит провести в обществе друг друга несколько следующих недель или даже месяцев, позвольте мне представить вам присутствующих.

Я – капитан Бонт; это – наш суперкарго, Бундерваль. Рядом стоит Спарвин, наш бывалый боцман и рулевой; перед ним отчитываются матросы Тиллитц – вот этот, желтобородый, – и Пармель. Здесь наш кок, Ангшотт, и плотник Киннольд.

С этой стороны стоят стюарды: давно заслуживший мое доверие Борк, прекрасно разбирающийся также в разновидностях птиц и морских мотыльков, помогающие ему Клавдио и Вилип, а также (время от времени, когда его можно отыскать и когда у него подходящее настроение) юнга Кодникс.

Ближе к поручню, высокомерно отстранившись от простых смертных, собрались наши червячники! В любой компании выделяется старший червячник Дрофо, настолько же знакомый с глубокими тайнами мироздания, насколько Ангшотт привык жонглировать бобами с чесноком у себя в камбузе. У Дрофо за спиной – всегда готовые к решительным действиям Сачковский и Кугель. Разумеется, они промокли до нитки и выглядят несколько подавленными; кроме того, от них воняет червями, чего и следует ожидать. Как любит повторять Дрофо, «сухой, приятно пахнущий червячник – ленивый червячник». Так что пусть их внешность вас не обманывает: они – трудолюбивые моряки, не прячущие лицо от ветра и брызг!

Вот таким образом. «Галанте» – добротное судно с добротной командой, а теперь нам повезло и к нам присоединились красавицы-девушки, которые станут украшением морского пейзажа! Наше плавание будет долгим, но предзнаменования внушают оптимизм. Наш курс – на юго-юго-восток, по океану Вздохов. В свое время судно зайдет в эстуарий Большого Чейнга, истоки которого затеряны в просторах степи за Рухнувшей Стеной, и там бросит якорь в Порт-Пердуссе. Итак, настал момент отплытия! Мастер Сольдинк, что скажете?

– На мой взгляд, все в полном порядке. Прикажете поднимать якорь, когда сочтете нужным.

– Очень хорошо. Тиллитц, Пармель! Отдать концы на носу и на корме! Дрофо, приготовьте червей! Спарвин, мы выйдем из гавани по диагонали, оставив за кормой старое доброе Солнце и обогнув Черноградную банку. Море успокоилось, ветра почти нет. Сегодня мы поужинаем при свете фонаря на четвердеке, пока гигантские черви, под бдительным наблюдением Кугеля и Сачковского, будут увлекать «Галанте» в ночной океанский простор!

Прошло три дня, и Кугель усвоил важнейшие навыки червячничества.

Высказывая замечания, Дрофо не преминул удостоить Кугеля рядом существенных теоретических откровений:

– С точки зрения червячника, день и ночь, вода, ветер и соленые брызги – всего лишь слегка отличающиеся один от другого аспекты одной и той же всеохватывающей среды, определяемой величиной океана и темпом сокращений червей.

– Позвольте задать один вопрос, – отважился Кугель. – Когда я буду спать?

– Спать? Все мы выспимся в могиле – крепко и сладко. Пока не наступил прискорбный момент прощания с этим несовершенным миром. Однако не теряй бдительность ни на секунду, следи за червями! Что еще заслуживает нашего внимания? Кто знает, когда погаснет Солнце? Даже в червях, обычно настроенных фаталистически и непроницаемо, я замечаю признаки тревоги. Только сегодня утром я видел, как Солнце, поднимаясь над горизонтом, дрогнуло и словно опустилось на мгновение обратно в море, не в силах подняться. Только после затяжной болезненной паузы оно смогло собраться с духом и продолжить путь по небосклону. Однажды утром мы все повернемся лицом на восток и будем ждать рассвета, но Солнце больше не взойдет. Тогда ты выступишь вволю.

Кугель научился пользоваться шестнадцатью инструментами и познал многие секреты физиологии тягловых червей. Тимп, прихвостные клещи, короста и спорогной стали его ненавистными противниками; закупорки клота вызывали у него исключительное раздражение, так как для их устранения требовалось подводное применение зачистного бура, шланга и клизмы, представлявшей собой нечто вроде гипертрофированного металлического шприца – в положении, после размягчения закупорки никак не позволявшем уклониться от потока испражнений.

Дрофо проводил много времени на носу, угрюмо разглядывая океан. Время от времени к нему подходили поговорить мастер Сольдинк или мадам Сольдинк; иногда Меадре, Саласера и Табазинта, по отдельности или вместе, присоединялись к старшему червячнику и почти всегда выслушивали его рассуждения. Следуя коварному совету капитана Бонта, они попросили Дрофо сыграть им что-нибудь на флейте.

– Червячнику не подобает ложная скромность! – заявил Дрофо. Он исполнил для девушек три заунывных волиночных марша и оживленную сальтареллу, приплясывая в такт своим наигрышам.

Казалось, Дрофо не обращал особого внимания ни на червей, ни на червячников, но эта видимость рассеянности носила иллюзорный характер. Однажды после полудня Сачковский забыл наполнить приманкой корзины, висевшие в двадцати сантиметрах перед хоботками червей, в связи с чем черви перестали прилагать достаточные усилия, – тогда как черви Кугеля, снабженные надлежащим количеством приманки, прилежно и энергично работали прихвостниками. В результате «Галанте» начала поворачивать на запад по длинной пологой дуге, несмотря на все попытки боцмана предотвратить такое отклонение от курса.

Вызванный по этому поводу старший червячник покинул привычное место на носу и немедленно установил причину навигационной ошибки, после чего обнаружил Сачковского, прикорнувшего в удобном теплом уголке за камбузом.

Ткнув Сачковского в бок носком башмака, Дрофо сказал:

– Будь так любезен, проснись! Ты не снабдил червей приманкой, и теперь из-за тебя судно отклонилось от курса.

Сачковский в замешательстве поднял голову – его черные кудри слежались, глаза смотрели в разные стороны.

– Ах да, – пробормотал он. – Приманка. Я о ней забыл, потому что заснул, как только присел передохнуть.

– Поразительно! Как ты позволяешь себе спать, когда твои черви еле шевелятся? – поучал Дрофо. – Опытный червячник никогда не теряет бдительность. Он умеет инстинктивно чувствовать любое нарушение ритма червей и немедленно угадывает причину нарушения.

– Да-да, – бормотал Сачковский. – Теперь я осознаю свою ошибку. Инстинктивно чувствовать нарушение. Угадывать причину. Намотаю на ус.

– Кроме того, – неумолимо продолжал Дрофо, – я заметил на твоём наружном черве изъязвление, вызванное запущенным тимпом. Потрудись обработать этот участок целебной мазью.

– Будет сделано! Сию минуту, если не скорее! – Сачковский с трудом поднялся на ноги, прикрывая ладонью безудержно зевающий рот, после чего поспешил, пошатываясь, к своим червям. Дрофо невозмутимо наблюдал за его маневрами.

Вечером того же дня Кугель случайно подслушал беседу Дрофо и капитана Бонта.

– Завтра после полудня, – говорил старший червячник, – поднимется ветер. Это будет полезно червям. Они еще не работают в полную силу, но я считаю, что их не следует изнурять слишком рано.

– Верно, – кивнул капитан. – Как вам нравятся погонщики?

– В настоящее время ни один из моих подчиненных не заслуживает похвалы, – чопорно ответил Дрофо. – Сачковский туп и довольно-таки ленив. У Кугеля нет никакого опыта, причем он теряет время, красуясь перед девушками, как ошипанный павлин. Работу он выполняет так, чтобы ни в коем случае не прилагать лишних усилий, – боится моря, как страдающий водобоязнью кот.

– Его черви выглядят неплохо.

Дрофо скорбно покачал головой:

– Кугель делает правильные вещи, руководствуясь неправильными побуждениями. Он скармливает червям ровно столько провизии, сколько положено, и заполняет корзины приманкой настолько, насколько это требуется, но ни в коем случае не более того. Конечно, это способствует тому, что у его червей редко случаются закупорки. Но он настолько ненавидит необходимость лечить тимп и соскребать коросту, что яростно уничтожает любые их признаки при первом появлении.

– Таким образом, однако, он удовлетворительно выполняет свои обязанности.

– Только не с точки зрения профессионала! Для настоящего червячника гармония – согласование цели и стиля выполнения работы – превыше всего!

– У вас свои проблемы – у меня свои.

– Как так? Мне казалось, что на борту все идет хорошо.

– В какой-то степени. Но, как вам известно, мадам Сольдинк отличается сильным характером – проще говоря, непреодолимым упрямством.

– У меня возникло такое впечатление.

– Сегодня за обедом я упомянул о том, что мы находимся в двух-трех днях пути к северо-востоку от Лаусикаи.

– Да, мы где-то в этих краях, насколько я понимаю. Любопытный остров. В Помподурсе живет червячник Пульк.

– Вы когда-нибудь бывали в Пафниссийских банях?

– Нет, это не для меня. Говорят, женщины там принимают ванны в надежде на возвращение молодости и красоты.

– Вот именно. Нет никаких сомнений в том, что мадам Сольдинк – достопочтенная матрона.

– Во всех отношениях. Она строго придерживается своих принципов, не делает никаких поблажек и наотрез отказывается признавать неизбежность несправедливости.

– Да-да. Борк называет ее своевольной, вздорной и сварливой старой каргой – но это, конечно, преувеличение.

– По меньшей мере Борк умеет выражаться кратко и энергично, – заметил Дрофо.

– Так или иначе, супругу мастера Сольдинка никак нельзя назвать юной красавицей. По сути дела, она – дебелая толстуха. У нее массивная, выпяченная нижняя челюсть и довольно-таки заметные, несмотря на бритье, темные усы. Да, она – в высшей степени благовоспитанная особа. Да, у нее сильный характер – настолько сильный, что мастер Сольдинк во всем следует ее рекомендациям. И теперь (в связи с тем, что мадам Сольдинк желает принять ванны в Пафнисийских банях), мы вынуждены держать курс на Лаусикаю.

– Моим интересам такой маршрут вполне отвечает, – заметил Дрофо. – В Помподурсе я найму червячника Пулька и выгоню Сачковского или Кугеля. Пусть потом сами добираются до континента, как хотят.

– Неплохая идея – если Пулька все еще в Помподурсе.

– Я слышал, что он все еще там и не прочь снова отправиться в море.

– Значит, у вас будет меньше проблем. Кого вы бросите на берегу – Кугеля или Сачковского?

– Я еще не решил. Все будет зависеть от состояния червей.

Капитан и старший червячник отошли в сторону, оставив Кугеля размышлять об услышанном. Судя по всему – по меньшей мере до тех пор, пока «Галанте» не покинет берега Лаусикаи, – ему следовало не отлынивать и повременить с ухаживаниями за дочерьми Сольдинка.

Кугель тут же взял скребки и удалил все следы коросты на жабрах своих червей, после чего расчесал розовые жабры гребнями до серебристого блеска.

Тем временем Сачковский изучил запущенную язву – тимп – на спине своего наружного червя. Ночью он выкрасил бугорки этого червя в голубой цвет, после чего, когда Кугель задремал, отстегнул этого червя, оседлал его и обогнул на нем судно, заменил им превосходного наружного червя Кугеля и пристегнул его со своей стороны. Выкрасив бугорки здорового червя в желтый цвет, Сачковский поздравил себя с тем, что ему удалось избежать таким образом большого количества трудной и неприятной работы.

Утром Кугель поразился внезапному ухудшению состояния своего червя.

Проходивший мимо Дрофо также не преминул заметить это обстоятельство и подозревал Кугеля:

– Такое разрастание тимпа недопустимо! Кроме того, насколько я понимаю, вздутие в средней части твоего червя свидетельствует о серьезной закупорке, которую необходимо немедленно устранить.

Не забывая вчерашний разговор своего начальника с капитаном, Кугель прилежно приступил к устранению указанных недостатков. Протащив под водой зачистной бур, клизму со шлангами и крюк с карабином, он без устали работал три часа и удалил закупорку. Червь тотчас же слегка порозовел и принялся с энтузиазмом «догонять» приманку.

Когда Кугель вернулся наконец на палубу, он услышал, как Дрофо говорил Сачковскому:

– Состояние твоего наружного червя заметно улучшилось! Так держать!

Кугель прошелся по спонсону, чтобы взглянуть на наружного червя Сачковского поближе... Странное дело! За одну ночь язва, разросшаяся на спине желтушного червя Сачковского, полностью зажила, не оставив ни малейшего следа, в то время как на спине здорового розового червя Кугеля возникло катастрофическое заражение тимпом!

Хорошенько поразмыслив над этим обстоятельством, Кугель перепрыгнул с мостков на спину зараженного червя и, проведя скребком по бугоркам этой твари, обнаружил под новой голубой краской желтую.

Кугель еще немного подумал, после чего поменял местами своих червей, пристегнув здорового червя в наружной позиции.

Позже, когда Кугель и Сачковский ужинали в столовой, Кугель пожаловался на свои невзгоды:

– Удивительно, как быстро образуются язвы тимпа и закупорки! Мне пришлось весь день прочищать и обрабатывать больного червя, и сегодня вечером я переместил его поближе к спонсону, чтобы его удобнее было обслуживать.

– Удачное решение! – похвалил Сачковский. – Мне удалось наконец излечить одну из тварей, да и вторая вроде бы выздоравливает. Ты слышал? Мы зайдем в порт Лаусикаи, чтобы мадам Сольдинк нырнула в Пафниссийские воды и вышла из них омоложенной девственницей.

– Могу кое-что тебе сообщить, исключительно между нами, – доверительно наклонился к собеседнику Кугель. – Юнга говорит, что в Помподурсе Дрофо собирается нанять ветерана-червячника по имени Пульк.

Сачковский закусил губу.

– Почему бы ему понадобился третий помощник? У него уже есть два червячника.

– Трудно поверить, что он намерен уволить одного из нас. Тем не менее я не вижу никакой другой причины.

Сачковский нахмурился и молчал на протяжении всей дальнейшей трапезы.

Кугель подождал до тех пор, когда Сачковский приляжет, чтобы немного выспаться, после чего тихонько спустился на спонсон правого борта и нанес глубокие порезы на бугорки больного червя Сачковского, а затем, вернувшись на левый спонсон, он принялся изображать бурную деятельность, массируя и умаяя язву на спине червя.

Краем глаза он заметил, что сверху к поручню подошел Дрофо – задержавшись на несколько секунд, старший червячник удалился.

В полночь корзины с приманкой подняли на палубу, чтобы черви передохнули. «Галанте» безмятежно дрейфовала на почти зеркальных водах. Рулевой зафиксировал штурвал; юнга дремал под огромным носовым фонарем – несмотря на то, что обязан был бдительно нести вахту. Над головой мерцали все еще живые звезды, среди них – Ахернар, Алголь, Канопус и Канзаспара.

Из своего закутка за камбузом вылез Сачковский. Прокравшись по палубе, как огромная черная крыса, он бесшумно прыгнул на спонсон правого борта, отстегнул больного червя и слегка пришпорил его. Червь тронулся вперед.

Устроившись на спине червя, Сачковский повернул рулевые бугорки, но их нервные стебли были подрезаны, и движения седока только причиняли животному боль. Вспенивая воду прихвостнями, гигантский червь стремительно поплыл на северо-запад; уцепившись шпорами за роговые пластинки шкуры, Сачковский лихорадочно хватался за бугорки – но безрезультатно.

Наутро исчезновение Сачковского стало предметом всевозможных догадок. Старший червячник Дрофо, капитан Бонт и мастер Сольдинк встретились в большом салоне, чтобы обсудить ситуацию. Через некоторое время в салон вызвали Кугеля.

Сидя в кресле с высокой спинкой из резного скиля, Сольдинк прокашлялся и произнес:

– Кугель, как вам известно, Сачковский уплыл непонятно куда на черве, представлявшем собой ценное имущество. Не могли бы вы пролить какой-нибудь свет на это таинственное обстоятельство?

– Подобно всем остальным, я могу только высказывать предположения.

– Мы были бы рады узнать, что вы об этом думаете, – вежливо предложил Сольдинк.

Кугель ответил осторожно-задумчивым тоном:

– Насколько я понимаю, Сачковский осознал, что никогда не станет компетентным червячником. Его черви болели, и Сачковский не желал прилагать усилия, необходимые для восстановления их здоровья. Я пытался ему помочь. Я позволил ему взять одного из моих здоро-

вых червей, чтобы позаботиться о его слабеющей от язвы твари (что, скорее всего, не преминул заметить Дрофо, хотя он предпочел хранить необычное молчание по этому поводу).

Сольдинк повернулся к старшему червячнику:

– Так ли это? Если Кугель говорит правду, его намерения делают ему большую честь.

Дрофо глухо пробормотал:

– Вчера утром я дал Кугелю соответствующие указания.

Сольдинк снова обратился к Кугелю:

– Будьте добры, продолжайте.

– Я могу сделать только один вывод: чувствуя себя отверженным, Сачковский решился на отчаянный шаг и похитил червя.

– Но в этом нет никакого смысла! – воскликнул капитан Бонт. – Если он настолько отчаялся, что хотел покончить с собой, почему бы ему просто-напросто не броситься в море? Зачем похищать ценного тяглового червя? И какую пользу ему может принести такая кража?

Кугель задумался, после чего неуверенно предположил:

– Может быть, он хотел вызвать скандал, чтобы о нем говорили, чтобы на него обратили внимание.

Сольдинк раздул щеки:

– Так или иначе, своим поступком Сачковский всем нам причинил большое неудобство. Дрофо, что мы будем делать? У нас осталось только три червя.

– Никаких особых трудностей не предвидится. Кугель сможет обслуживать оставшихся червей, работая на обоих спонсонах. Чтобы упростить задачу рулевого, мы удвоим количество приманки с правого борта и сократим его наполовину с левого борта. Это позволит нам доплыть до Лаусикаи, а там мы сделаем все необходимое для пополнения состава червей и червячников.

Капитан Бонт уже взял курс на Лаусикаю, чтобы мадам Сольдинк могла принять ванны в Пафниссийских источниках. Задержка не радовала Бонта, надеявшегося как можно скорее доплыть до Порт-Пердусса. Теперь капитан внимательно наблюдал за Кугелем – он хотел убедиться в том, что черви используются с максимально возможной эффективностью.

– Кугель! – кричал капитан Бонт. – Отрегулируй пристяжку наружного червя, он тащит нас влево.

– Так точно, сэр!

Уже через несколько минут капитан снова волновался:

– Кугель! Твой правобортный червь едва шевелится! Загрузи ему в корзину свежую приманку!

– Там уже двойная порция, – проворчал Кугель. – Я спустил корзину всего лишь час тому назад.

– Тогда залей в него одну восьмую пинты возбудителя Хайдингера, и пошевеливайся! Я хочу бросить якорь в Помподурсе завтра до захода Солнца!

Оставшись в одиночестве, ночью правобортный червь стал беспокоиться и шлепать по воде прихвостнями. Разбуженный этим шумом, Дрофо поднялся из каюты на палубу. Облокотившись на поручень, он наблюдал за тем, как Кугель бегал взад и вперед по спонсону, пытаясь заарканить тросом прихвостни непослушного червя.

Через некоторое время Дрофо определил причину затруднения и гнусаво посоветовал:

– Всегда поднимай приманку, прежде чем забрасывать аркан... Почему червь бесится, что случилось?

– Понятия не имею – он то ныряет, то встает на дыбы, то бросается в сторону, – угрюмо откликнулся Кугель.

– Чем ты его кормил?

– Как обычно – «Чалкорексом» пополам с «Лучшим кормом» Иллема.

– Попробуй давать ему меньше «Чалкорекса» завтра и послезавтра. Эта припухлость за глазным возвышением, как правило, свидетельствует о неправильной диете. Сколько приманки ты положил?

– Двойную порцию, согласно полученным указаниям. Кроме того, капитан приказал влить ему одну восьмую пинты возбудителя Хайдингера.

– Поэтому он и возбудился! Ты глупо злоупотребил приманкой и стимулятором.

– Я это сделал по указанию капитана!

– Такое оправдание хуже отсутствия всякого оправдания. Кто из вас червячник, ты или капитан Бонт? Ты знаешь своих червей, ты обязан обслуживать их так, как подсказывают опыт и здравый смысл. Если Бонт будет вмешиваться, попроси его спуститься на спонсон и порекомендовать тебе методы профилактики червячной чумы – ему больше не придет в голову распоряжаться червячками... Сейчас же замени приманку и промой червя «Слабительной выжимкой» Благина.

– Как вам приспичит, ваше благородие, – процедил сквозь зубы Кугель.

Бросив критический взгляд на море и горизонт, Дрофо удалился к себе в каюту, а Кугель занялся впрыскиванием выжимки в хоботок червя.

Капитан Бонт приказал поднять парус, надеясь воспользоваться порывами ночного бриза. Через два часа после полуночи поднялся поперечный ветер – плещущий парус кололся об мачту, производя частые надоедливые звуки, разбудившие капитана. Бонт выскочил на палубу:

– Где вахта? Эй! Червячник! Да, я тебе говорю! Почему вокруг никого нет?

Взобравшись на борт с мостков, Кугель ответил:

– На палубе остался только дозорный – он храпит под фонарем.

– А ты? Почему не подтянул парус? Ты что, оглох?

– Нет, сэр. Я находился под водой, промывая червя «Слабительной выжимкой» Благина.

– Что же ты стоишь столбом? Возьмись за нок-гордень, навались хорошенько и привяжи конец ближе к корме, чтобы эти чертовы хлопki больше никому не мешали спать!

Кугель поспешил подчиниться; тем временем капитан Бонт подошел к правобортному поручню. То, что он увидел, вызвало у него новый приступ раздражения:

– Червячник, где приманка? Я же приказал спустить двойную порцию и залить в червя возбудитель!

– Так точно, сэр. Но промывать червя невозможно, пока он рвется к приманке.

– Зачем же ты его промываешь? Я не приказывал давать ему слабительное!

Кугель с достоинством выпрямился:

– Сэр, я промываю червя, потому что мой профессиональный опыт и здравый смысл свидетельствуют о необходимости такой процедуры!

Капитан Бонт выпучил глаза, всплеснул руками, развернулся на месте и вернулся в постель.

2. Лаусикая

Спускаясь по небосклону, Солнце заслонилось низкой грядой облаков – сумерки сгустились рано. В неподвижном воздухе плоская поверхность океана напоминала гляцевую атласную ткань, точно отражавшую небо, – казалось, судно парит в пространстве, наполненном чудесным сиреневым сиянием. Только клинообразно расходящиеся носовые волны, переливавшиеся черной и сиреневой рябью, позволяли найти взглядом поверхность моря.

За час до захода Солнца на горизонте появилась тень острова Лаусикая, почти потерянная в лиловом сумраке.

С наступлением темноты на набережной Помподурса зажглась дюжина мерцающих огней, отражавшихся золотистыми дорожками вдоль гавани и тем самым упрощавших навигацию – с точки зрения капитана Бонта.

Городская пристань выглядела как толстая черта, затушеванная чернее ночи и проведенная поперек отражений фонарей. Будучи в незнакомых водах и подходя к берегу в полной темноте, капитан предусмотрительно решил бросить якорь, а не пытаться пришвартоваться к причалу.

Стоя на квартердеке, Бонт приказал:

– Дрофо! Поднять приманку!

– Есть поднять приманку! – отозвался Дрофо и прокричал другим тоном: – Кугель! Убрать приманку всех червей!

Кугель быстро поднял корзины, висевшие перед двумя левобортными червями, пробежал поперек палубы, спрыгнул на правобортный спонсон и убрал приманку последнего червя. «Галанте» все еще двигалась вперед, но едва-едва, подчиняясь ленивым всплескам прихвостней трех червей.

Послышался следующий приказ капитана:

– Дрофо, набросить шоры!

– Есть набросить шоры! – откликнулся Дрофо и повернулся к Кугелю: – Кугель, надеть наглазники на всех червей! Живо!

Кугель натянул наглазник на правобортного червя, но при этом упал в воду и не сразу добрался до левобортных тварей, в связи с чем капитан Бонт пожаловался:

– Дрофо! Кого вы там хороните? Судно вертится! Боцман! Приготовить якорь!

– Кугель, где левые шоры? – закричал Дрофо. – Не волочи ноги!

– Якорь готов, капитан!

Наконец шоры были надеты на всех червей; «Галанте» почти остановилась.

– Бросай якорь! – приказал Бонт.

– Якорь в воде! Дно в шести фатмах!

«Галанте» мирно покачивалась посреди гавани. Кугель ослабил пояса червей и скормил каждой твари ее рацион.

После ужина капитан Бонт собрал команду на средней палубе. Наполовину спустившись по сходням квартердека, он сообразовал сказать несколько слов об острове Лаусикае и о Помподурсе:

– Каждый, кто уже побывал в этих местах, знает, почему я предупреждаю других. Короче говоря, некоторые обычаи островитян отличаются от общепринятых. Они могут показаться странными, причудливыми, смехотворными, постыдными, колоритными или похвальными – в зависимости от точки зрения. Как бы то ни было, мы должны принимать эти обычаи во внимание и соблюдать их, так как лаусикайцы не станут отдавать предпочтение нашим представлениям о приличиях.

Отметив вежливой улыбкой присутствие мадам Сольдинк и трех ее дочерей, капитан продолжал:

– Мои замечания относятся почти исключительно к находящимся на борту мужчинам, причем мне придется затронуть вопросы, которые обычно не обсуждаются в благовоспитанном обществе, в связи с чем заранее прошу прощения у достойных дам.

Сольдинк ворчливо прикрикнул:

– Кончайте бить себя в грудь, Бонт! Говорите! И команда, и пассажиры – в том числе мадам Сольдинк – знают, откуда ноги растут!

Моряки расхохотались; капитан Бонт подождал, пока уляжется веселье, после чего сказал:

– Очень хорошо! Взгляните на набережную: вы можете заметить, что под фонарем стоят трое мужчин. Лицо каждого из них закрыто чадрой. Для такой предосторожности есть основательная причина, а именно – несдержанный энтузиазм лаусикайских женщин. Они настолько легко возбуждаются, что мужчины не осмеливаются открывать лица, опасаясь подвергнуться бесконтрольным домогательствам. Женщины доходят до того, что карабкаются по стенам и заглядывают в окна мужского клуба, где представители сильного пола собираются, чтобы спокойно выпить пива, – и при этом иногда приподнимают чадру.

Слушая капитана, мадам Сольдинк и ее дочери нервно хихикали.

– Невероятно! – воскликнула супруга мастера Сольдинка. – И таким образом ведут себя представительницы всех слоев общества?

– Все, поголовно!

Меадре смущенно спросила:

– Юноши предлагают девушкам вступить в брак, не открывая лица?

Капитан Бонт почесал в затылке:

– Насколько мне известно, делать такого рода предложения здесь никому не приходится в голову.

– Как можно растить и воспитывать детей в таких условиях? – удивилась мадам Сольдинк.

– По-видимому, обычаи Лаусикаи не оказывают практически никакого нежелательного влияния на детей, – ответил капитан. – Вплоть до десятилетнего возраста мальчики время от времени показываются с открытыми лицами, но даже в этом нежном возрасте их приходится защищать от настойчивых приставаний девочек. Но как только мальчику исполняется десять лет, он надевает чадру.

– Как это скучно – для девушек, я имею в виду! – вздохнула Салассера.

– И недостойно! – выразительно прибавила Табазинта. – Допустим, я замечу молодого человека привлекательной на первый взгляд наружности, побегу за ним, догоню его, повалю на землю и сорву с него чадру, а потом окажется, что у него торчащие желтые зубы, нос огурцом и узкий лоб. Что дальше? Придется встать и уйти, чувствуя себя последней дурой.

– Ты могла бы просто извиниться и объяснить, что хотела спросить, как пройти на набережную, – предложила Меадре.

– Так или иначе, – продолжал капитан Бонт, – лаусикайские женщины выработали методы, позволяющие им поддерживать равновесие во взаимоотношениях полов следующим образом.

Островитяне мужского пола любят лакомиться жареными спралингами – это такие маленькие юркие рыбки-двухвостки. Рано утром они всплывают на поверхность прибрежных вод. Поэтому женщины встают до рассвета, заходят по пояс в море и ловят столько спралингов, сколько смогут, после чего возвращаются к себе в хижины.

Те, кому удалось собрать приличный улов, разводят огонь в очагах и вывешивают объявления типа «СВЕЖИЙ СПРАЛИНГ, С ПЫЛУ С ЖАРУ!» или «ХОТИТЕ ПОЛАКОМИТЬСЯ СПРАЛИНГОМ? ПРИГОТОВЛЮ ПО ВКУСУ!».

В свое время мужчины тоже просыпаются и бродят по городу. Нагуляв наконец аппетит, они останавливаются у тех хижин, где предлагается самая привлекательная, на их взгляд, закуска. Нередко, если им нравится, как приготовлен спралинг (и если им по душе компания поварихи), они остаются в хижине до ужина.

Мадам Сольдинк фыркнула и что-то пробормотала дочерям – те только пожали плечами и покачали головами.

Сольдинк поднялся на две ступени сходен.

– Не пропускайте мимо ушей замечания капитана! Перед тем как выходить на берег, надевайте поверх обычной одежды что-нибудь вроде длинного халата или окутывающей все

тело шали и каким-нибудь образом закрывайте лицо, чтобы не провоцировать неприличные и неприемлемые инциденты! Все понятно?

Капитан прибавил:

– Утром мы пришвартуемся у причала и займемся различными делами. Дрофо, предлагаю плодотворно воспользоваться этим перерывом. Обработайте своих животных целебными мазями, проследите за тем, чтобы у них не было никаких ссадин, царапин и язв. Ежедневно упражняйте их в гавани – от безделья у червей начинаются закупорки. Излечите их от любых инфекций и хорошенько прочистите им жабры. Время, проведенное в порту, ни в коем случае нельзя терять – каждую минуту, днем и ночью, необходимо использовать максимально эффективно.

– Я тоже так считаю, – отозвался Дрофо. – Кугель получит соответствующие инструкции.

Сольдинк повысил голос:

– Еще несколько слов! Побег Сачковского, похитившего наружного правобортного червя, причинил бы нам множество неудобств, если бы Дрофо своевременно и предусмотрительно не принял меры. Предлагаю прокричать «Ура!» в честь достопочтенного Дрофо!

Дрофо ответил на признание своих заслуг сухим кивком, дал указания Кугелю, прошел на носовую палубу, облокотился на поручень и принялся задумчиво обозревать гавань.

Кугель работал до полуночи, обрабатывая червей резаками, шлифовальными напильниками и зачистным буром, после чего занялся втиранием мазей, предотвращавших образование коросты, спорогноя и тимпа. К тому времени Дрофо давно ушел с палубы, капитан Бонт тоже удалился на покой пораньше. Кугель потихоньку сложил инструменты и горшки, спустился в трюм и улегся на койку.

Не прошло и нескольких минут (по меньшей мере так ему показалось), как его разбудил юнга Кодникс. Протирая глаза и позевывая, Кугель поднялся из трюма и обнаружил, что Солнце уже показалось над горизонтом, а капитан Бонт нетерпеливо расхаживал по палубе.

Заметив Кугеля, капитан резко остановился:

– Подумать только! Ты наконец оказал нам честь своим присутствием! Конечно же, мы можем подождать с делами и не швартоваться, пока не выспится такая важная персона! Ты готов, наконец, приступить к работе?

– Готов, капитан!

– Спасибо, Кугель, это очень любезно с твоей стороны! Дрофо! Вот ваш червячник, явился наконец!

– Я им займусь, капитан. Кугель, тебе нужно научиться быть под рукой, когда требуются твои услуги. Теперь пойдешь затащишь червям пояса. Нам пора швартоваться. Держи шоры наготове и не пользуйся приманкой.

Капитан Бонт поднялся на квартердек, Дрофо бдительно наблюдал за процедурой на носу, а Кугель обслуживал червей, бегая по палубе с одного спонсона на другой и обратно. «Галанте» постепенно переместилась к причалу. Портовые рабочие в длинных черных халатах и высоких шапках с закрывавшими лица чадрами поймали швартовы и привязали их к причальным тумбам. Кугель натянул на червей наглазники, ослабил их пояса и накормил каждую из тварей.

Капитан Бонт поручил Кугелю и юнге дежурить у трапа; все остальные, одевшись надлежащим образом и завесив лица вуалями, спустились на берег. Кугель тут же замотал лицо кушаком, оставив узкую щель для глаз, закутался в плащ и тоже сошел на берег; вскоре за ним последовал и юнга.

Давно, уже много лет тому назад, Кугель побывал в древнем городе Кайине в Асколаисе, к северу от Альмерии. Запущенное великолепие некоторых сооружений Помподурса всколыхнуло в нем тревожные воспоминания о Кайине – главным образом этому способствовали

руины разрушенных дворцов на склоне холма, ныне поросшие наперстянкой, каменицей и редкими карликовыми кипарисами, формой напоминавшими камыши.

Помподурос занимал засушливую впадину, окруженную низкими холмами. Его нынешние обитатели использовали замшелые камни развалин в своих целях: из них были сооружены городские хижины, здание мужского клуба, купол над рынком, две больницы – мужская и женская, одна скотобойня, две школы, четыре таверны, шесть храмов, несколько небольших мастерских и пивоварня. На центральной площади возвышались, отбрасывая резкие черные тени под бледными красноватыми лучами Солнца, двенадцать белых доломитовых статуй, теперь уже в той или иной стадии разрушения.

Улиц как таковых в Помподуросе практически не было: горожане – мужчины и женщины – ходили по своим делам из одного места в другое по открытым участкам и проездам, расчищенным среди развалин. Высокие и худощавые мужчины носили длинные халаты и шапки. Женщины наряжались в плетенные из стеблей дрока юбки, окрашенные в темно-зеленый, темно-красный, серый или серо-фиолетовый цвет, шали с бахромой из кисточек и украшенные бусинами чепчики, в каковые самые кокетливые из них вставляли плюмажи из перьев морских птиц.

Между развалинами Помподуроса время от времени перемещались небольшие наемные экипажи, запряженные приземистыми толстоногими существами – здесь их называли дроггерами. Пустующие коляски, ожидавшие пассажиров, выстроились вереницей перед мужским клубом.

Бундervalю поручили сопровождать мадам Сольдинк и ее дочерей во время экскурсии по окрестностям Помподуроса; они наняли экипаж и отправились осматривать достопримечательности. Капитана Бонта и Сольдинка встретили и провели в мужской клуб несколько представителей местного правительства и деловых кругов.

Скрывая лицо под самодельной чадрой, Кугель тоже зашел в мужской клуб. Подойдя к стойке, он заказал оловянный кувшин пива и отнес его на стол в окруженном невысокими перегородками отделении, примыкавшем к другому такому же отделению, где Сольдинк, капитан Бонт и еще несколько человек пили пиво и обсуждали вопросы, относившиеся к плаванию «Галанте».

Прижимая ухо к перегородке и внимательно прислушиваясь, Кугель мог разобрать почти каждое слово высокопоставленных соседей.

– У этого пива исключительно необычный привкус, – говорил Сольдинк, – напоминающий смолу.

– Насколько я понимаю, его варят из дегтярной травы и других сходных ингредиентов, – заметил капитан Бонт. – Говорят, это питательный напиток, но он спускается по пищеводу в желудок как кошка, отчаянно цепляющаяся когтями... Ага! Вот и Дрофо!

Сольдинк чуть приподнял вуаль:

– Откуда вы знаете, что это Дрофо, если он завесил лицо?

– Его невозможно не узнать. Он носит желтые сапоги старшего червячника.

– Да, действительно. А кто его спутник?

– Подозреваю, что это его приятель по имени Пульк. Эй, Дрофо! Мы здесь!

Новоприбывшие присоединились к Сольдинку и капитану. Дрофо произнес:

– Позвольте представить вам червячника Пулька, о котором я уже упоминал. Я намекнул ему о наших затруднениях, и Пульк согласился рассмотреть возможность оказания нам необходимой помощи.

– Замечательно! – одобрил капитан Бонт. – Надеюсь, вы упомянули также о том, что нам нужен тягловый червь – предпочтительно из породы «волношлепов» или «магнахвостов»?

– Что скажете, Пульк?

Пульк неторопливо ответил:

– Думаю, червя с такими характеристиками мог бы предоставить мой племянник Фускуль – особенно в том случае, если его назначат червячником на борту «Галанте».

Помолчав, Сольдинк сказал:

– Тогда в составе команды окажутся три червячника, не считая Дрофо. Это нецелесообразно с практической точки зрения.

– Разумеется, – согласился Дрофо. – По степени незаменимости первым следует рассматривать меня, затем Пулька, после него – Фускуля, а затем уже... – Дрофо замолчал.

– Кугеля?

– Да, Кугеля.

– Вы имеете в виду, что нам следует бросить Кугеля на этом малоизвестном, безотрадном острове?

– Такова одна из возможностей.

– Но каким образом Кугель вернется на континент?

– Не сомневаюсь, что как-нибудь у него это получится.

– В конце концов, Лаусикая не хуже многих других мест, – вмешался Пульк. – Причем здесь превосходно готовят спралингов.

– А, спралинги! – заметно оживился Сольдинк. – Как попробовать этот деликатес?

– Нет ничего проще, – ответил Пульк. – Достаточно пройти по женскому кварталу – вскоре вы, несомненно, заметите объявление, которое придется вам по вкусу. Протяните руку, возьмите объявление и зайдите в хижину.

– Нужно будет постучаться? – осторожно спросил экспедитор.

– Не помешает. Привычка предварительно стучаться считается признаком благовоспитанности.

– Еще один вопрос. Как оценить характеристики хозяйки, прежде чем – если можно так выразиться – взять на себя обязательства?

– Существует несколько тактических приемов. Случайному посетителю – такому, как вы, – настоятельно рекомендуется прислушиваться к советам местных жителей, потому что, как только откроется дверь и вы зайдете внутрь, удалиться, соблюдая приличия, почти невозможно. Если хотите, я попрошу Фускуля вас проконсультировать.

– Конфиденциально, я надеюсь? Мадам Сольдинк не следовало бы знать о моей заинтересованности в лаусикайской кулинарии.

– Фускуль проявит полное понимание во всех отношениях.

– Вот еще что: мадам Сольдинк желает посетить Пафниссийские бани, о которых она слышала много достойных внимания отзывов.

– Я не отказался бы лично сопровождать вашу супругу, – вежливо отозвался Пульк. – К сожалению, на протяжении нескольких ближайших дней я буду занят сверх головы. Опять же, Фускуль вполне мог бы справиться с этой задачей.

– Думаю, что такой план вполне устроит мадам Сольдинк. Что ж, Дрофо! Рискнем выпить еще по бокалу этого отдающего фенолом варева? По меньшей мере оно не разбавлено.

– Мне не по вкусу местное пиво.

– А вы, капитан?

Бонт тоже отказался:

– Теперь я должен вернуться на борт «Галанте» и уволить Кугеля – насколько я понимаю, вы приняли бесповоротное решение по этому вопросу? – Капитан поднялся на ноги и вышел из клуба; Дрофо последовал за ним.

Сольдинк налил себе пива из оловянного кувшина, пригубил его и скорчил гримасу:

– Этим зельем можно было бы пропитывать днище корабля, чтобы отпугивать древоточцев и прочих морских вредителей. Тем не менее ничего лучше здесь нет. – Опрокинув пиво в

плотку, экспедитор со стуком поставил бокал на стол. – Пульк, зачем терять время зря – почему бы не попробовать спралингов сейчас? Ваш племянник свободен?

– Скорее всего, он отдыхает или опять полирует червя. Так или иначе, он будет рад оказать вам помощь. – Пульк позвал подростка-официанта. – Сбегай к Фускулю и попроси его сейчас же прийти сюда, чтобы встретиться с мастером Сольдинком. Объясни ему, что сообщение передал червячник Пульк и что дело носит самый срочный характер. А теперь, сударь, – Пульк поднялся на ноги, – о вас позаботится Фускуль – он скоро придет.

Кугель выскочил из-за стола, поспешил выйти из клуба и притаился в тени за углом. Появились и разошлись в разные стороны Пульк и мальчишка-официант. Кугель побежал за официантом и остановил его:

– Эй, подожди! Сольдинк передумал. Вот тебе флорин за труды.

– Спасибо, сударь! – Мальчишка повернул обратно к мужскому клубу. Но Кугель снова задержал его: – Тебе, конечно, известны обычаи женщин Помподуроса?

– Только понаслышке. Никто из них и не подумает подать мне спралингов. Честно говоря, их непристойные насмешки мне порядком надоели.

– Жаль! Но я не сомневаюсь, что твое время придет – нужно только подождать. Скажи, кого из всех известных тебе женщин считают самой ужасной и неприглядной стервой?

Подросток задумался:

– Трудно сказать – у нас таких хоть отбавляй. Крислена, может быть? Оттлейя? Терлулия? По всей справедливости, следует отдать предпочтение Терлулии. Поговаривают, что, когда она заходит в море ловить спралингов, морские птицы улетают на другую сторону острова. Она высокая и тучная, кожа на предплечьях у нее покрыта красными пятнами, и у нее длинные зубы. Она всеми командует и, судя по словам опытных людей, слишком многого требует за спралингов.

– И где живет это олицетворение очарования?

Мальчишка показал пальцем:

– Видите хижину с двумя окнами на склоне холма? Там она и живет.

– Теперь объясни – где найти Фускуля?

– Дальше по тому же проезду – на самом берегу, у бассейна с червями.

– Хорошо. Возьми еще один флорин. Когда вернешься в клуб, скажи мастеру Сольдинку, что Фускуль скоро придет.

– Как вам будет угодно, сударь.

Кугель поспешил со всех ног в указанном направлении и вскоре спустился к жилищу Фускуля, находившемуся на краю бассейна для червей, устроенного в прибрежной заводи и окруженного каменной оградой. За верстаком стоял и ремонтировал рукоятку шлифовального напильника Фускуль: высокий, исключительно тощий субъект, словно состоявший из одних коленей, локтей и длинных узких лодыжек.

Высокомерно напыжившись, Кугель приблизился к нему:

– Хм... Надо полагать, я имею дело с неким... хм... Фускулем?

– Что с того? – раздражительно откликнулся Фускуль, не отрывая глаз от напильника. – Кто вы такой и что вам нужно?

– Можете обращаться ко мне как к мастеру Сольдинку. Я – владелец судна «Галанте». Насколько мне известно, вас считают своего рода червячником.

Фускуль на мгновение поднял голову:

– Считайте меня кем угодно.

– Послушайте, любезнейший! Я не привык, чтобы со мной говорили таким тоном! Я уважаемый человек! И пришел сюда для того, чтобы купить у вас червя, если вы согласитесь его продать.

Фускуль сложил инструменты и смерил Кугеля с головы до ног ледяным взглядом глаз, блестевших в прорези чадры.

– Конечно, я продам червя. Не сомневаюсь, что он вам совершенно необходим, иначе кто стал бы покупать червя на Лаусикае? Учитывая это обстоятельство, а также обходительность ваших манер, червь обойдется вам в пять тысяч терциев. Хотите – берите, не хотите – проваливайте!

Кугель хрипло закричал, воздев руки к небу:

– Только отъявленный разбойник посмел бы предъявлять такие требования! Я побывал во многих краях этого погибающего мира, но нигде и никогда не встречал столь непомерную алчность! Фускуль, вы – мошенник и мерзавец; кроме того, ваша внешность вызывает отвращение!

Чадра Фускуля всколыхнулась, свидетельствуя о хищной усмешке ее владельца.

– Оскорбления такого рода не помогут вам сбить цену.

– Это просто какая-то трагедия! Но мне придется смириться с неизбежностью, – капризно пожаловался Кугель.

Фускуль пожал плечами:

– Меня мало интересуют ваши рассуждения. Где деньги? Платите – все до последнего терция звонкой монетой! А потом забирайте червя, и дело с концом.

– Не торопитесь! – строго приказал Кугель. – Неужели вы думаете, что я ношу с собой такую сумму? Деньги нужно взять, они на борту «Галанте». Вы меня здесь подождете?

– Возвращайтесь поскорее! Впрочем, по правде говоря... – Фускуль сухо усмехнулся: – За пять тысяч терциев я готов ждать вас целый день.

Кугель взял один из лежавших на верстаке инструментов и небрежно швырнул его в бассейн. У изумленного Фускуля отвисла челюсть – он подбежал к краю бассейна, пытаясь определить, куда упал инструмент. Кугель шагнул к племяннику Пулька и столкнул его в воду, после чего, стоя там же, на краю бассейна, наблюдал, как Фускуль барахтался среди червей.

– Твоя наглость заслуживала наказания! – провозгласил Кугель. – Помни! Я – мастер Сольдинк, всеми уважаемый экспедитор! В свое время я вернусь с деньгами.

Длинными быстрыми шагами Кугель вернулся к мужскому клубу и подошел к столу, за которым ждал Сольдинк.

– Я – Фускуль! – хриплым басом заявил Кугель. – Насколько я понимаю, вам не терпится попробовать хорошо приготовленных спралингов?

– Верно! – пытаясь угадать выражение замотанного кушаком лица Кугеля, экспедитор товарищески подмигнул: – Но наше маленькое приключение должно остаться в тайне! Непременно!

– Разумеется! Я прекрасно вас понимаю.

Кугель и Сольдинк покинули клуб и остановились на площади. Сольдинк сказал:

– Должен признаться, я – человек в какой-то степени брезгливый. Можно сказать, даже в высшей степени брезгливый. Пульк похвалил вас как человека, проявляющего редкую разборчивость в вопросах такого рода.

Кугель многозначительно кивнул:

– Можно на полном основании утверждать, что я хорошо разбираюсь в том, где у меня левая нога, а где правая.

Сольдинк задумчиво произнес:

– Я хотел бы закусить в приятной компании – то есть очарование хозяйки имеет в данном случае большое значение. Она должна отличаться превосходной, даже изысканной внешностью – ни тяжеловесная, ни чрезмерно исхудавшая женщина меня не устроит. У нее не должен выступать живот, у нее должны быть округлые упругие ягодицы, и я предпочел бы длинные изящные ноги, как у проворного пугливого создания. При этом она должна содержать себя в

чистоте и не вонять рыбой, а если у нее поэтически восприимчивый характер и романтические наклонности, это стало бы дополнительным преимуществом.

– Кандидаток, удовлетворяющих вашим критериям, немного, – размышлял вслух Кугель. – В их числе можно было бы назвать Крислену, Оттлейю и в первую очередь Терлулию.

– В таком случае зачем мы теряем время? Отведите меня к хижине Терлулии – точнее, пожалуйста, отвезите. Я выпил столько смолистого пива, что едва держусь на ногах.

– Готов выполнить любые ваши пожелания. Можете положиться на меня целиком и полностью – или я не я, не Фускуль! – Кугель подозвал экипаж, помог Сольдинку взобраться на пассажирское сиденье и подошел к извозчику, чтобы посоветоваться: – Вам известно, где живет Терлулия?

Извозчик повернулся к нему с явным любопытством, но выражение его лица под чадрой трудно было угадать.

– Разумеется, сударь.

– Тогда отвезите нас в какое-нибудь место неподалеку от ее хижины. – Кугель опустился на сиденье рядом с Сольдинком. Извозчик нажал на педаль, соединенную с рычагом, и хлыст на конце рычага нанес увесистый удар по крупу дроггера. Животное побежало трусцой по площади, причем извозчик управлял им с помощью рулевого колеса, вращение которого налево или направо натягивало соответствующие шнуры, продетые через длинные тонкие уши дроггера.

Пока они ехали, Сольдинк говорил о «Галанте» и о затруднениях, возникших во время плавания:

– У червячников вспыльчивый характер. Это обстоятельство наглядно продемонстрировал Сачковский, вскочивший на червя и уплывший на нем куда-то на север. У его коллеги, Кугеля, тоже раздражительный и непокорный нрав. Кугеля, конечно, придется оставить здесь, в Помподурсе, а вы, надеюсь, согласитесь занять его должность – особенно в том случае, если вы будете так любезны и продадите нам добротного червя за разумную цену, устраивающую нас обоих.

– Не вижу особых проблем, – басовито откликнулся Кугель. – И какая цена вас устроила бы?

Сольдинк задумался – и, судя по всему, нахмурился под чадрой.

– В Саскервое за здорового червя подходящей породы дают семьсот или даже восемьсот терциев. Применяв надлежащую скидку, можно сказать, что в данном случае я согласился бы проявить щедрость и заплатить шестьсот.

– На мой взгляд, ваша оценка в какой-то степени консервативна, – вежливо торговался Кугель. – Я предпочел бы получить как минимум на сотню больше.

Сольдинк запустил руку в поясную сумку и вынул из нее шесть золотых центумов.

– Боюсь, что не могу заплатить больше.

Кугель взял деньги.

– Ладно, червь ваш.

– Именно таким образом я люблю заключать сделки, – заметил Сольдинк. – Без лишних слов, не торгуясь слишком долго. Фускуль, вы сообразительный человек и умеете запросить высокую цену! Вас ожидает успешная карьера.

– Рад, что заслужил похвалу такого известного торговца! – откликнулся Кугель. – А вот и хижина Терлулии. Извозчик, будьте добры, высадите нас здесь!

Потянув на себя длинный рычаг, извозчик стянул хомуты, охватывавшие ноги дроггера, и животному пришлось остановиться.

Сольдинк спустился на мостовую и критически рассмотрел строение, на которое ему указал Кугель.

– Это хижина Терлулии?

– Именно так. Извольте заметить ее объявление.

Сольдинк с сомнением прочел надпись на табличке, закрепленной хозяйкой на двери.

– Нельзя сказать, что красные буквы, окруженные мигающими оранжевыми лампочками, производят впечатление скромного приглашения.

– Скромнице приходится притворяться – иначе на нее не обратят внимания, – возразил Кугель. – Теперь достаточно снять табличку с двери и зайти в хижину.

Сольдинк глубоко вздохнул:

– Так тому и быть! Не забудьте – даже не заикайтесь о моих подвигах в присутствии мадам Сольдинк! По сути дела, если она уже вернулась с Бундервалем на борт «Галанте», было бы неплохо именно сейчас познакомить ее с Пафнисийскими банями.

Кугель вежливо поклонился:

– Я тут же этим займусь. Извозчик, отвезите меня к причалу.

Экипаж развернулся, чтобы направиться к набережной. Оглянувшись через плечо, Кугель успел заметить, что Сольдинк взял табличку и подошел к двери хижины с двумя окнами. Дверь тут же распахнулась; Сольдинк оцепенел, его колени слегка подогнулись. Каким-то образом (каким именно, Кугель не имел возможности увидеть) Сольдинк был вынужден совершить прыжок вперед и скрылся внутри.

Пока экипаж спускался к набережной, Кугель обратился к извозчику:

– Расскажите мне кое-что о Пафнисийских банях. Правда ли, что купания в водах этого источника приносят ощутимую пользу?

– Мне приходилось слышать самые разные отзывы, – ответил водитель. – Легенда гласит, что Пафнис, богиня красоты и «гинодина столетия» – то есть владычица острова, – решила отдохнуть на вершине горы Дейн. Рядом она нашла родник и омыла в нем ноги, тем самым наделив воды источника магическим зарядом добродетели. Через некоторое время пандалекта Космеи основала в этом месте нимфариум и построила там роскошную купальню-водолечебницу из зеленого стекла и перламутра. С тех пор стали распространяться слухи о чудесных исцелениях и омоложениях.

– И что там происходит теперь?

– Вода все еще течет из родника. Порой по ночам призрак Космеи бродит среди развалин. Время от времени там можно услышать тихое пение – не более чем отдаленный отголосок; судя по всему, это эхо, оставшееся с тех пор, когда вокруг родника распевали гимны нимфы.

– Если бы эти воды действительно отличались теми свойствами, которые им приписываются, – размышлял Кугель, – Крислена, Оттлейя и даже грозная Терлулия, надо полагать, воспользовались бы их магией. Почему они до сих пор этого не сделали, как вы считаете?

– По их словам, они хотят, чтобы мужчины Помподураса любили их за духовные качества. Может быть, они просто упрямы, как необъезженные дроггеры, а может быть, уже пробовавшие купания, но воды источника не возымели никакого действия. Почему женщины делают или не делают те или иные вещи? Кто знает? Это великая тайна.

– А спралинги? Они действительно так аппетитны, как утверждается?

– Каждому нужно что-то есть.

Коляска выехала на площадь перед клубом, и здесь Кугель попросил извозчика задержаться.

– Какой из этих проездов ведет к Пафнисийским баням?

Водитель показал:

– Вот этот, что в гору. До родника восемь километров.

– Сколько вы возьмете за поездку к источнику?

– Как правило, я беру три терция, но с важных персон иногда удается содрать побольше.

– Что ж, Сольдинк потребовал, чтобы я сопровождал мадам Сольдинк до купален, причем она предпочитает больше никого с собой не брать, чтобы как можно меньше смущаться.

Поэтому я хотел бы арендовать ваш экипаж за десять терциев – и прибавлю еще пять, чтобы вы могли выпить пива, ожидая нашего возвращения. Мастер Сольдинк вам заплатит, как только вернется из объятий Терлулии.

– Если он после этого сможет пошевелить пальцем, – проворчал извозчик. – Нет уж, плата вносится вперед и в полном размере.

– Хорошо, вот вам на пиво, – согласился Кугель. – Остаток потребуйте с Сольдинка.

– Так обычно не делается, но пусть будет по-вашему. По меньшей мере вас нужно научить управлению. Смотрите: эта педаль позволяет ускоряться. Этот рычаг останавливает дроггера. Рулевое колесо заставляет дроггера поворачивать туда, куда вы хотите повернуть. Если дроггер заупрямится и сядет на землю, водитель втыкает вот этот шип ему в мошонку – дроггер тут же вскакивает и бежит с удвоенной прытью.

– Все предельно ясно, – сказал Кугель. – Я верну коляску на стоянку перед мужским клубом.

Кугель подъехал на арендованном экипаже к причалу и остановился рядом с «Галанте». Мадам Сольдинк и ее дочери разлеглись в шезлонгах на квартердеке, наблюдая за горожанами, ходившими по набережной и по площади, и обменивались замечаниями по поводу увиденного.

– Мадам Сольдинк! – позвал Кугель. – Меня зовут Фускуль, мне поручено сопровождать вас в поездке к Пафниссийским баням. Вы готовы? Нам следует поспешить, так как дело идет к вечеру!

– Конечно, я готова. В экипаже хватит места для нас четверых?

– Боюсь, что нет. Дроггер не затащит такой груз в гору. Мы никак не сможем взять с собой ваших дочерей.

Мадам Сольдинк спустилась по трапу, и Кугель соскочил на землю.

– Фускуль? – пробормотала супруга экспедитора. – Где-то я уже слышала это имя, но никак не могу вспомнить, по какому поводу.

– Я – племянник червячника Пулька. Мастер Сольдинк купил моего червя; кроме того, я надеюсь, что меня назначат червячником в составе команды «Галанте».

– Тогда все понятно. Благодарю вас за то, что согласились сопровождать меня в этой экскурсии, это очень любезно с вашей стороны. Потребуется ли мне купальный костюм?

– В нем не будет необходимости. В банях предусмотрены купальные кабинки, защищенные от посторонних взоров, а любая одежда препятствует воздействию целебных вод.

– Хорошо, это очень удобно.

Кугель помог супруге Сольдинка подняться в экипаж, после чего залез на козлы и нажал на педаль акселератора. Экипаж покатился по площади.

Кугель направил дроггера по дороге, ведущей в горы. Помподурос остался позади, и скоро город заслонили скалистые холмы. Густые поросли черной осоки, тянувшиеся по обеим сторонам, испускали резковатый аромат, не оставлявший сомнений в том, что именно это растение островитяне использовали в процессе приготовления местного пива.

Наконец дорога повернула на небольшой пустынный луг. Кугель остановил коляску, чтобы дроггер мог передохнуть. Мадам Сольдинк капризно спросила:

– Мы прибыли к источнику? Где же храм, в котором устроены купальни?

– Осталось проехать еще некоторое расстояние, – отозвался Кугель.

– Неужели? Фускуль, вам следовало предоставить мне более удобный экипаж. Эта колымага трясется и прыгает – я чувствую себя так, будто меня целый час тащили в мешке по камням. Кроме того, меня ничто не защищает от пыли – по возвращении мне снова придется мыться.

Повернувшись к ней на козлах, Кугель строго произнес:

– Мадам Сольдинк! Будьте добры, прекратите пустую болтовню: ваши жалобы действуют мне на нервы! По сути дела, я могу выразиться откровенно, как подобает бывалому червяч-

нику. При всех своих несомненных достоинствах вы избалованы чрезмерной роскошью и, конечно же, позволяете себе слишком много есть. Вы живете в изнеженном сне! А в том, что касается экипажа, могу сказать только одно: довольствуйтесь теми удобствами, которые вам предлагают до поры до времени: когда подъем станет крутым, вам придется идти пешком.

Мадам Сольдинк молча уставилась на проводника – она потеряла дар речи.

– Кроме того, здесь, на этой лужайке, я обычно взимаю плату за проезд, – продолжал Кугель. – Сколько денег вы потрудились взять с собой?

Мадам Сольдинк нашла в себе силы прервать молчание и произнесла самым ледяным тоном:

– Не сомневаюсь, что с оплатой можно подождать до возвращения в Помподурос. Мастер Сольдинк справедливо оценит ваши заслуги в надлежащее время.

– Предпочитаю немедленную оплату полновесными терциями ожиданию гипотетической справедливости. Здесь я могу взять с вас столько, сколько захочу. В Помподуросе мне пришлось бы иметь дело со знаменитой скупостью вашего супруга.

– Поистине бессердечный подход!

– Мой подход согласуется с законами классической логики, которым нас обучали в школе червячников. С вас причитается как минимум сорок пять терциев.

– Это неслыханно! У меня нет с собой таких денег!

– В таком случае будьте добры передать мне брошь с опалом, которую вы носите на плече.

– Ни в коем случае! Это дорогостоящая драгоценность! Вот восемнадцать терциев – все, что есть у меня в кошельке. А теперь сейчас же отвезите меня в бани и постарайтесь воздержаться от дальнейших дерзостей.

– Мы только что познакомились – этим, по-видимому, объясняется тот факт, что вы неправильно понимаете характер наших взаимоотношений, мадам Сольдинк. Я намерен выполнять обязанности червячника на борту «Галанте» – невзирая на любые неудобства, которые это причинит некоему Кугелю. Он может прозябать на Лаусикае до конца своих дней – какое мне дело? В любом случае вам придется постоянно общаться со мной на всем протяжении дальнейшего плавания, и если вы проявите достаточную любезность, я отвечу на нее такой же любезностью. В частности, вы можете представить и порекомендовать меня своим дочерям.

И снова мадам Сольдинк не могла найти слов. Наконец она буркнула:

– Отвезите меня в бани!

– Пора ехать дальше, – согласился Кугель. – Подозреваю, что дроггер, если бы мы могли с ним посоветоваться, заявил бы, что уже затратил достаточно усилий, – учитывая, что нам заплатили всего лишь восемнадцать терциев. У нас на Лаусикае не часто возят разжиревших, грузных иностранок.

Мадам Сольдинк твердо решила взять себя в руки и сухо обронила:

– Ваши замечания, Фускуль, просто невероятны!

– Не утруждайте себя бесполезной болтовней: когда дроггер устанет, вам понадобится вся оставшаяся энергия.

Мадам Сольдинк промолчала.

Склон холма действительно становился круче; дорога поднималась зигзагами, пока не перевалила через гребень возвышенности, после чего спустилась в прогалину, затененную желтовато-зелеными кронами имбирно-ягодных деревьев, среди которых по-королевски выделялся одинокий высокий ланселад с блестящим темно-красным стволом и перистой черной листвой.

Кугель остановил коляску на берегу ручья, журчавшего вдоль прогалины.

– Вот мы и приехали, мадам Сольдинк. Купайтесь в ручье – а я посмотрю, приведет ли это к каким-нибудь результатам.

Мадам Сольдинк рассматривала ручей безо всякого энтузиазма.

– Но здесь нет никаких купален! И где, спрашивается, храм? Где упавшая статуя, о которой мне столько говорили? Где беседка Космеи?

– Собственно бани находятся выше в горах, – лениво отозвался Кугель. – В этом ручье течет та же вода, что поступает из Пафниссийского родника. Так или иначе, все эти воды одинаково бесполезны – особенно в тех случаях, когда имеют место необратимые дряхлость и ожирение.

Лицо мадам Сольдинк побагровело:

– Мы немедленно возвращаемся в город! Мастер Сольдинк позаботится о том, чтобы мои купания были организованы надлежащим образом.

– Как вам угодно. Но свои чаевые я хотел бы получить здесь и сейчас.

– За чаевыми обращайтесь к мастеру Сольдинку. Уверена, что он выскажет вам свои замечания по этому поводу.

Кугель развернул экипаж и направил дроггера вниз по дороге, ограничившись только одним замечанием:

– Женщины! Никогда их не понимал!

На обратном пути мадам Сольдинк сидела как безмолвная статуя; через некоторое время коляска снова прокатилась по Помподуросу и остановилась на набережной перед «Галанте». Мадам Сольдинк выскочила из экипажа и, не удостоив Кугеля взглядом, поднялась по трапу на палубу.

Кугель вернул коляску на стоянку перед мужским клубом, после чего зашел в клуб и устроился в малозаметном угловом отделении. Там он закрепил на тулье шляпы платок так, чтобы он свободно свисал перед лицом наподобие вуали; теперь его никак нельзя было принять за самозваного Фускуля, лицо которого было заматано кушаком.

Прошел час. Капитан Бонт и старший червячник Дрофо, покончив с различными делами, прошли по площади и остановились, разговаривая, у входа в мужской клуб, где через некоторое время к ним присоединился Пульк.

– А где Сольдинк? – спросил Пульк. – Он еще не успел наесться спралингов до отказа?

– Да, ему пора было бы вернуться, – почесал в затылке капитан. – Вряд ли с ним могло что-нибудь случиться, как вы считаете?

– Только не в надежных руках Фускуля! – заверил его Пульк. – Надо полагать, они обсуждают покупку червя у бассейна.

Капитан Бонт указал на фигуру, спускавшуюся по проезду:

– Вот он, Сольдинк! Нет, с ним что-то случилось – он едва волочит ноги!

Наклонившись вперед и приглядываясь к мостовой, прежде чем сделать каждый следующий шаг, Сольдинк медленно обогнул площадь, держась поближе к стенам окружающих ее зданий, и в конце концов присоединился к собравшимся у входа в клуб. Капитан Бонт сделал пару шагов ему навстречу:

– Вам нехорошо? Что произошло?

Сольдинк произнес, глухо и напряженно:

– Мне пришлось пережить ужасные вещи.

– Как так? В чем дело? По меньшей мере вы живы!

– Едва жив. Последние несколько часов будут преследовать меня в кошмарах до конца моей жизни. И во всем виноват – во всех отношениях – Фускуль! Дьявольски извращенный мерзавец! Я купил его червя – по меньшей мере с этим я не прогадал. Дрофо, подгоните червя к судну – мы немедленно поднимаем якорь и покидаем эту вонючую дыру!

Пульк осторожно спросил:

– Но Фускуль все еще займет должность червячника?

– Ха! – рявкнул Сольдинк. – Ноги его не будет на борту «Галанте»! В этой должности останется Кугель.

Заметив Сольдинка, когда он еще проходил по площади, его супруга больше не могла сдерживать гнев. Она спустилась на причал и направилась к мужскому клубу. Как только она подошла достаточно близко, чтобы экспедитор мог ее слышать, она закричала:

– Явился наконец! Где ты пропадал, пока я подвергалась неслыханным издевательствам и оскорблениям этого садиста Фускуля?! Как только он взойдет на палубу, я покину наше судно! По сравнению с Фускулем Кугель – ангел небесный! Кугель должен остаться нашим червячком!

– Дорогая моя, я придерживаюсь точно такого же мнения.

Пульк попытался вставить несколько примирительных слов:

– Не могу поверить, чтобы Фускуль вел себя неподобающим образом! Несомненно, тут какая-то ошибка, возникло какое-то недоразумение...

– Недоразумение?! Он потребовал сорок пять терциев за проезд и получил восемнадцать только потому, что у меня больше не было никаких денег. Он требовал, чтобы я отдала ему драгоценный опал, после чего облил меня такой словесной грязью, какую я даже вспоминать не хочу! При этом он похвалялся (можете ли вы себе такое представить?), что будет червячком на борту «Галанте»! Этого никогда не будет, даже если мне самой придется дежурить у трапа, чтобы его не пускать!

Капитан Бонт сказал:

– По этому поводу уже принято безоговорочное решение. Судя по всему, Фускуль просто рехнулся!

– Хуже, чем рехнулся! Невероятные претензии этого подонка выходят за рамки любых представлений! И все же, пока я с ним говорил, у меня все время было такое ощущение, что где-то, когда-то – в прошлой жизни или в каком-то кошмаре – я уже его видел!

– Наш мозг порой играет в странные игры, – заметил капитан Бонт. – Мне не терпится встретиться с этим достопримечательным субъектом.

– Вот он идет, вместе с Дрофо! – воскликнул Пульк. – Теперь по меньшей мере он предложит нам какое-то объяснение и, возможно, принесет надлежащие извинения.

– Не хочу никаких извинений! – закричала мадам Сольдинк. – Хочу, чтобы меня увезли с этого проклятого острова, больше ничего! – Развернувшись на каблуках, она решительно пересекла площадь и вошла на борт «Галанте».

Фускуль приблизился ко входу в клуб бодрой пружинистой походкой – Дрофо отставал от него на пару шагов. Остановившись, Фускуль приподнял чадру и подверг собравшихся пристальному осмотру.

– Кто из вас Сольдинк?

С трудом сдерживая ярость, экспедитор холодно ответил:

– Ты прекрасно знаешь, кто из нас Сольдинк! И я тебя прекрасно знаю, мошенник и мерзавец! Не буду высказываться по поводу вульгарной шутки, которую ты со мной сыграл – а также по поводу твоего непростительного обращения с мадам Сольдинк. Предпочитаю завершить нашу сделку исключительно на формальной основе. Дрофо, почему нового червя еще не пристегнули к спонсону «Галанте»?

– Я отвечу на этот вопрос! – сказал Фускуль. – Дрофо получит червя, когда вы заплатите пять тысяч терциев – плюс одиннадцать терциев за мой двояковыпуклый скребок для зачистки прихвостней, который вы позволили себе выбросить в бассейн, а также еще двадцать терциев за неспровоцированное хулиганское нападение! Таким образом, вы должны мне пять тысяч тридцать один терций. Потрудитесь рассчитаться, не сходя с места.

Смешавшись с группой других посетителей пивной, Кугель вышел на площадь и наблюдал со стороны за разгоравшимся скандалом.

Сольдинк сделал два угрожающих шага и встал лицом к лицу с Фускулем:

– Ты с ума сошел? Ты уже получил от меня наличными справедливую цену за червя! Сколько можно уклоняться, врать и фантазировать? Сейчас же передай червя Дрофо – или нам придется принять решительные неотложные меры!

– Не говоря уже о том, что тебя теперь ни в коем случае не назначат червячником на борту «Галанте», – прибавил капитан Бонт. – Так что доставь червя, и мы покончим с этим делом.

– Ха! – страстно воскликнул Фускуль. – Теперь вы не получите моего червя ни за пять, ни за десять тысяч! А по поводу других задолженностей... – Быстро шагнув вперед, Фускуль огрел Сольдинка кулаком в висок. – Это тебе за скребок! – Он тут же нанес еще один удар. – А это за все остальное!

Сольдинк рванул к противнику, чтобы дать сдачи; капитан Бонт попытался вмешаться, но Пульк неправильно истолковал его намерения и с силой оттолкнул капитана – тот свалился на мостовую.

Положить конец этой сваре удалось Дрофо, втиснувшись между сжимающими кулаки драчунами. Разведя руки, старший червячник призвал присутствующих к сдержанности:

– Успокойтесь, успокойтесь! Необходимо хорошенько подумать о странностях возникшей ситуации. Фускуль, вы утверждаете, что Сольдинк предложил вам за червя пять тысяч терциев, после чего выбросил ваш скребок в бассейн?

– Да, утверждаю! – яростно выкрикнул Фускуль.

– Подумайте! Возможно ли это? Сольдинк известен своей скупостью! Он никогда не предложил бы пять тысяч за червя, которому красная цена две тысячи! Как вы объясняете этот парадокс?

– Я червячник, а не психолог, распутывающий причины неврозов, – проворчал Фускуль. – Тем не менее... Действительно, насколько я помню, человек, называвший себя Сольдинком, был на голову выше этого пузатого головастика. Кроме того, на нем была необычная шляпа с тремя складками тульи, и он ходил, слегка подгибая колени.

Сольдинк возбужденно вмешался:

– Это описание в точности соответствует внешности субъекта, рекомендовавшего мне кулинарные услуги Терлулии! Он ходил крадучись и представился Фускулем.

– Ага! – воскликнул Пульк. – Тайное становится явным! Давайте-ка зайдем в клуб и обсудим положение вещей за кувшином свежего черного пива!

– Удачная мысль – но в данный момент излишняя, – сказал Дрофо. – Я уже знаю, кто притворялся Фускулем и устроил всю эту кутерьму.

– Я тоже догадался, – буркнул капитан Бонт.

Сольдинк раздраженно переводил взгляд с лица на лицо:

– Значит, я – тупица? Кто этот мерзавец?

– Разве могут быть какие-то сомнения? – поднял брови Дрофо. – Нас водил за нос Кугель.

Сольдинк моргнул, после чего хлопнул себя ладонью по лбу:

– Единственный возможный вывод!

Пульк вежливо упрекнул его:

– Теперь, когда личность мошенника установлена, вам, похоже, следовало бы извиниться перед Фускулем.

Ушибы, нанесенные Фускулем, все еще не стерлись из памяти экспедитора.

– Не стану приносить никаких извинений, пока он не вернет мне шестьсот терциев, полученных за червя. Кроме того, не забывайте, что он предъявил мне ложное обвинение в пропаже скребка! Извиняться должен он, а не я!

– Вы все еще не разобрались, в чем дело, – настаивал Пульк. – Шестьсот терциев вы уплатили Кугелю, а не Фускулю.

– Возможно. Однако деньги пропали. Вся эта история нуждается в тщательном расследовании.

Капитан Бонт оглядывался по сторонам.

– Совсем недавно мне показалось, что я заметил Кугеля... Нет, он успел куда-то скрыться.

На самом деле, как только Кугель понял, куда дует ветер, он поспешил подняться на борт «Галанте». Мадам Сольдинк прошла к себе в каюту и там посвящала дочерей в подробности скандала. На палубе никого не было – никто не мешал Кугелю распоряжаться судном. Он сбросил трап на причал, отдал швартовы, сорвал шоры с глазных выростов червей и подвесил перед их хоботками корзины, наполненные тройными порциями приманки, после чего подбежал к штурвалу и круто повернул его.

Сольдинк продолжал волноваться у входа в мужской клуб:

– Я с самого начала ему не доверял! Но кто мог себе представить такую низость?

Суперкарго Бундervalь согласился с владельцем судна:

– Кугель хорошо умеет притворяться, но в конечном счете, по сути дела, он мошенник.

– Его придется вызвать, подвергнуть допросу и наказать по заслугам, – сказал капитан Бонт. – Неприятная обязанность.

– Не такая уж неприятная, – пробормотал Фускуль.

– Он имеет право высказать аргументы в свою защиту, таков морской закон. Чем скорее это случится, тем лучше. В этом отношении здешний мужской клуб ничем не хуже, чем любое другое помещение.

– Прежде всего его нужно найти, – напомнил Сольдинк. – Хотел бы я знать, где спрятался этот негодяй? Дрофо! Поднимитесь с Пульком на борт «Галанте». Фускуль, посмотрите, не остался ли он в пивной. Ничего ему не объясняйте – постарайтесь не спугнуть его. Просто скажите, что я хотел бы задать ему несколько вопросов... Да, Дрофо? Почему вы все еще здесь?

Дрофо указал на море и произнес, как всегда, задумчиво-мрачным тоном:

– Смотрите сами, сударь...

3. Океан Вздохов

В темном зеркале моря горело точное отражение красного утреннего Солнца.

Черви, влекомые половинным рационом приманки, едва шевелились, и «Галанте» еле скользила по воде – бесшумно, как во сне.

Утром этого дня Кугель проспал несколько дольше обычного – в кровати, мягкостью которой раньше наслаждался Сольдинк.

Команда «Галанте» тихо и эффективно выполняла свои обязанности.

Кто-то постучал в дверь и тем самым прервал сонное блаженство Кугеля. Потянувшись и зевнув, Кугель мелодично позвал:

– Войдите!

Дверь открылась; в каюту зашла Табазинта – младшая и, возможно, самая привлекательная из дочерей мадам Сольдинк (хотя, если бы от Кугеля потребовали высказать его суждение, он упорно защищал бы особые достоинства каждой из них).

Природа наградила Табазинту пышной грудью и небольшими упругими ягодицами, оставив ей при этом тонкую гибкую талию; девушка приветствовала мир округлым лицом, украшенным копной темных кудрей и розовыми губами, обычно слегка поджатыми, как если бы она сдерживала улыбку. Она принесла поднос и поставила его на столик у кровати, после чего, бросив скромный взгляд через плечо, собралась уходить.

Но Кугель остановил ее:

– Табазинта, дорогуша! Сегодня прекрасная погода – я позавтракаю на квартердеке. Кроме того, передай мадам Сольдинк, что она может зафиксировать штурвал – ее смена закончилась.

– Как вам будет угодно, сударь. – Табазинта взяла поднос и вышла из каюты.

Кугель поднялся с кровати, освежил лицо надушенным лосьоном, прополоскал рот раствором одного из отборных бальзамов Сольдинка, после чего завернулся в легкий длинный халат из бледно-голубого шелка и прислушался... Раздались шаги мадам Сольдинк, спускавшейся по сходням. Глядя в иллюминатор, обращенный к носовой палубе, Кугель пронаблюдал за тем, как супруга экспедитора промаршировала в каюту, которую прежде занимал старший червячник Дрофо. Как только она скрылась из вида, Кугель вышел на среднюю палубу. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув прохладный утренний воздух, он взобрался на квартердек.

Перед тем как сесть за стол, чтобы позавтракать, Кугель подошел к ютовому поручню, чтобы оценить состояние моря и продвижение судна. От горизонта до горизонта распростерлись гладкие воды – в них ничего не было видно, кроме отражения Солнца. Кильватерная струя выглядела достаточно прямой (что свидетельствовало о совершенствовании навыков мадам Сольдинк), а коготь эскалбры указывал на юг.

Кугель одобрительно кивнул. Вероятно, мадам Сольдинк могла бы достаточно хорошо справляться с обязанностями рулевого. Навыки червячника, однако, не поддавались ее разумению, причем ее дочери тоже не проявляли особой склонности к этому призванию.

Кугель уселся за стол. Одну за другой он приподнимал крышки блюд и заглядывал под них. Ему подали компот из приправленных пряностями фруктов, паштет из вареной печени морских птиц, кашу из дриста с изюмом, маринованные луковицы лилий и маленькие черные фрикадельки из грибов с гарниром из разноцветных макарон – вполне приличный завтрак, в стиле приготовления которого угадывалась умелая рука Меадре, старшей и самой прилежной из дочерей супруги экспедитора. В тот единственный раз, когда поварские обязанности были поручены самой мадам Сольдинк, она умудрилась изобрести нечто настолько неаппетитное, что Кугель больше не назначал ее в камбуз.

Кугель ел не торопясь. Между ним и миром установилась наиприятнейшая гармония – эту интерлюдия следовало продлевать и ценить, ею нужно было наслаждаться в полной мере. С тем, чтобы подчеркнуть такую редкую возможность, Кугель приподнял исключительно изящную, хрупкую чайную чашку и пригубил полупрозрачный нектар, заваренный из самой изысканной смеси душистых трав, которая принадлежала Сольдинку.

– Все в порядке! – вздохнув, произнес Кугель. С прошлым было покончено, а будущее могло исчезнуть завтра, если не взойдет Солнце. Настоящее же оставалось настоящим, и с этим драгоценным мигом следовало обращаться чутко и бережно.

– Все в полном порядке! – повторил Кугель.

И все же... Кугель тревожно оглянулся через плечо. В том, чтобы наслаждаться преимуществами быстротечной власти, не было ничего предосудительного – тем не менее, достигнув вершины, остается только спускаться, не правда ли?

Даже теперь, без какой-либо осознанной причины, Кугель ощущал в воздухе зловещее напряжение, инстинктивно угадывая, что в чем-то, каким-то образом ему угрожала опасность.

Вскочив на ноги, Кугель наклонился над левобортным поручнем. Черви, привлеченные половинными порциями приманки, работали с прохладцей, не прилагая особых усилий. Ничто не указывало на какое-либо нарушение заведенного распорядка. Правобортный червь вел себя таким же образом. Кугель медленно вернулся к накрытому столу.

Напрягая все свои мыслительные способности, Кугель пытался понять, что вызывало у него такое беспокойство? Он плыл на надежном судне, еды и питья было достаточно; мадам Сольдинк и ее дочери, очевидно, примирились с неизбежностью выполнения новых обязанностей, и Кугель мог поздравить себя с предусмотрительным, благожелательным и в то же время строгим управлением женской командой.

На протяжении нескольких часов после отплытия из Помподурса мадам Сольдинк часто раздражалась приступами ярости, каковые Кугель решил в конце концов пресечь – хотя бы для того, чтобы на борту поддерживалось какое-то подобие дисциплины.

– Мадам! – сказал Кугель. – Ваши истерические возгласы нарушают покой всех окружающих. Они должны прекратиться.

– Поработитель! Злобное чудовище! Лахарк, кеак!²

– Если вы не успокоитесь, я прикажу запереть вас в трюме, – ответил Кугель.

– Еще чего! – фыркнула мадам Сольдинк. – Кто станет выполнять твои приказы?

– Если потребуется, я это сделаю сам! На борту необходима дисциплина. Отныне я капитан этого судна и поэтому отдаю приказы. Мой первый приказ: придержите язык! Во-вторых, соберите всю команду на средней палубе: я собираюсь обратиться к вам с речью.

Мадам Сольдинк и ее дочери неохотно выстроились в указанном Кугелем месте. Кугель поднялся на среднюю ступень сходен:

– Уважаемые дамы! Буду очень благодарен, если вы внимательно прислушаетесь к моим словам. – Переводя взгляд с одного лица на другое, Кугель улыбнулся: – Вот и хорошо! Я понимаю, что сегодняшние события не совсем устраивают ни вас, ни меня. Что случилось, однако, то случилось, и нам придется приспосабливаться к обстоятельствам. В этом отношении я хотел бы вам кое-что посоветовать.

Прежде всего должен напомнить, что в любом плавании действуют морские законы, согласно которым приказы капитана должны выполняться быстро и беспрекословно. Каждому будет поручена доля необходимой работы. Я уже взял на себя функции управления. От вас, моей команды, ожидается добровольное усердное сотрудничество; если вы оправдаете мои ожидания, вы убедитесь в том, что я могу быть снисходительным, понимающим и даже ласковым руководителем.

Мадам Сольдинк резко выкрикнула:

– Можешь идти ко всем чертям со своей снисходительностью! Отвези нас назад в Помподурс!

Ее старшая дочь, Меадре, печально произнесла:

– Помолчи, мама! Смотри в лицо действительности! Кугель не желает возвращаться в Помподурс – лучше всего было бы узнать, куда он на самом деле намерен плыть.

– Я предоставляю интересующие вас сведения, – сказал Кугель. – Пункт назначения – порт Валь-Омбрио на побережье Альмерии, это довольно далеко на юге.

– Ты шутишь! – потрясенно воскликнула мадам Сольдинк. – Южные воды полны смертельных опасностей! Это общеизвестно!

Кугель холодно ответил:

– Мадам, настоятельно рекомендую вам довериться суждению такого человека, как я, а не пустой болтовне саскервойских домохозяек.

Салассера посоветовала матери:

– Кугель в любом случае будет делать все, что захочет, какой смысл ему возражать? Он от этого только разозлится.

– Правильно! – поддержал ее Кугель. – А теперь о работе, которая потребуется на борту. Каждой из вас придется стать, следуя моим указаниям, опытной червячницей. Так как времени у нас предостаточно, черви будут получать лишь половинную порцию приманки – это упростит дело для всех заинтересованных лиц. Кроме того, хотя с нами нет корабельного кока, Аншотта, у нас есть более чем достаточный запас провизии, и в этом отношении я не вижу

² Лахарки – коварные и жестокие хищники, обитающие в тундре к северу от Саскервоя. Кеак – кошмарная помесь демона и глубоководного клякастого угря. (Прим. авт.)

никаких причин себя ограничивать. Призываю вас максимально использовать и развивать свои кулинарные способности.

Сегодня я подготовлю предварительное расписание выполнения ваших обязанностей. Днем я сам буду нести вахту и наблюдать за тем, чтобы на борту все делалось по правилам. Возможно, следует упомянуть о том, что от мадам Сольдинк, учитывая ее почтенный возраст и высокое общественное положение, не потребуются услуги «ночной стюардессы». В том, что относится...

Мадам Сольдинк сделала быстрый шаг вперед:

– Постой-ка, не спеши! В чем будут заключаться обязанности «ночной стюардессы», хотела бы я знать? И почему моя квалификация не соответствует этой должности?

Кугель обратил взор к морскому горизонту.

– Обязанности «ночной стюардессы» более или менее самоочевидны. Ей предоставляется каюта на корме, где она следит за тем, чтобы удовлетворялись все потребности капитана. Это престижная должность – и, по всей справедливости, ее будут занимать по очереди Меадре, Салассера и Табазинта.

И снова мадам Сольдинк разволновалась:

– Этого я и боялась! Я, Кугель, буду твоей «ночной стюардессой»! И не пытайся меня разубедить!

– Все это очень замечательно, мадам, но ваши услуги потребуются у штурвала.

– Послушай, мама! – вмешалась Меадре. – Мы не такие хрупкие и беспомощные создания, как ты себе представляешь.

Табазинта рассмеялась:

– Мама, особого расположения заслуживаешь ты, а не мы. С Кугелем мы как-нибудь справимся.

– Пусть решения принимает Кугель, – сказала Салассера. – В конце концов, он взял на себя всю ответственность.

Кугель произнес:

– Предлагаю закончить на этом наше обсуждение. А теперь я должен (в первый и в последний раз!) упомянуть об обстоятельстве довольно-таки неприятного характера. Допустим, что кто-либо на борту «Галанте» – назовем эту персону Зитой, в честь богини всего непредсказуемого и непознаваемого, – решит исключить Кугеля из числа живущих в этом бренном мире. У нее было бы несколько возможностей для осуществления своего замысла: она могла бы отравить его пищу, разрезать ему глотку ножом или нанести ему удар по затылку и сбросить в море.

Благовоспитанные особы вряд ли станут замышлять подобные злодеяния. Тем не менее я разработал план, позволяющий полностью предотвратить такое развитие событий. В глубине носового трюма я установлю разрушительное устройство, используя значительное количество взрывчатки, свечу и фитиль. Каждый день я буду открывать замок неприступной, окованной чугуном двери и заменять свечу. Если я этого не сделаю, свеча расплавится и подожжет фитиль. Взрыв пробьет брешь в корпусе судна, и «Галанте» камнем пойдет ко дну. Мадам Сольдинк, вы чем-то расстроены? Вы хорошо поняли то, что я сказал?

– Слишком хорошо!

– В таком случае позвольте мне закончить выступление. Мадам Сольдинк, вы можете встать за штурвал – я продемонстрирую вам основные принципы рулевого управления. Девушки, сначала приготовьте на всех обед, а потом мы займемся благоустройством различных кают.

У штурвала мадам Сольдинк продолжала предупреждать об опасностях южных морей:

– Там полно кровожадных пиратов! Там водятся морские чудовища: синие кодорфины, трифвиды, двенадцатиметровые глубоководные призраки! Бури налетают со всех сторон и швыряют корабли, как щепки!

– И как же выживают кровожадные пираты, будучи окружены такими опасностями?

– Кому какое дело, как выживают пираты? Любой нормальный человек горячо надеется на то, что все они утонут!

Кугель рассмеялся:

– Ваши страхи противоречат фактам! Мы везем товары, предназначенные для Юкоуну, в связи с чем они должны быть доставлены в Валь-Омбрио на берегу Альмерии.

– Это ты не имеешь никакого представления о фактах! Товары доставляются в Порт-Пердусс, а там наши торговые агенты организуют их дальнейшую перевозку. Нам следует плыть в Порт-Пердусс.

Кугель снова рассмеялся:

– Вы меня за дурака принимаете? Как только «Галанте» причалит в Порт-Пердуссе, вы станете вопить, призывая на помощь портовых вороловов. Повторяю: мы плывем на юг. – Кугель пошел обедать, предоставив мадам Сольдинк возможность мрачно разглядывать эскалэбру.

Утром следующего дня Кугель впервые почувствовал, что в окружающем его корабельном существовании что-то не так. Но все его попытки определить, в чем именно состояло упущение, несоответствие или иное нарушение правильного распорядка, ни к чему не приводили. Судно функционировало нормально – хотя черви, следовавшие за половинной приманкой, выглядели несколько утомленными, словно ночью им пришлось долго и усердно работать. Кугель взял это обстоятельство на заметку: червям следовало ввести тонизирующее средство.

Сгущение высоких облаков на западном небосклоне предвещало сильный ветер – попутный ветер помог бы червям отдохнуть и набраться сил... Кугель недоуменно нахмурился. Дрофо научил его разбираться в изменениях цветовых оттенков, текстуры и прозрачности моря. Теперь возникало впечатление, что окружавший судно океан был таким же, как вчера.

– Смехотворно! – сказал себе Кугель; ему не следовало распускать воображение.

Вечером Кугель, глядя с кормы, заметил небольшой пузатый баркас, явно пытавшийся догнать «Галанте». Изучая баркас в подзорную трубу, Кугель сумел различить четырех плещущих прихвостнями тягловых червей мелковатой породы; черви эти недостаточно эффективно справлялись со своей задачей. Разглядывая палубу баркаса, Кугель распознал – настолько, насколько мог об этом судить на таком расстоянии – силуэты Сольдинка, капитана Бонта, Пулька и нескольких других знакомых ему личностей, а на носу виднелась высокая задумчивая фигура человека, смотревшего в горизонт, – несомненно, червячника Дрофо.

Солнце еще не зашло, но темнота должна была наступить часа через два. Не проявляя никаких внешних признаков тревоги, Кугель приказал спустить перед всеми червями корзины с двойной приманкой и влить каждому червя одну восьмую пинты «Тоника» Рауза. «Галанте» быстро удалась от преследовавшего ее баркаса.

Мадам Сольдинк с любопытством наблюдала за происходящим и наконец спросила:

– Чей это был корабль?

– Судя по всему, это торговцы с острова Жмей, – ответил Кугель. – Сомнительный народ, во всех отношениях. В дальнейшем постарайтесь держаться от них подальше.

Супруга экспедитора промолчала, а Кугель задумался над новой загадкой: каким образом Сольдинку удалось так скоро приблизиться к «Галанте» на тихоходном баркасе?

Когда стусились сумерки, Кугель изменил курс, и превратившийся в точку баркас скрылся за горизонтом. Обращаясь к мадам Сольдинк, Кугель сказал:

– Они плывут в другом направлении и к утру будут километрах в двадцати от нас. – Он уже направился к себе в каюту, но заметил краем глаза луч света и обернулся: на корме горел чугунный фонарь.

Громко выругавшись, Кугель подбежал к фонарю и потушил его, после чего гневно повернулся к мадам Сольдинк:

– Почему вы зажгли фонарь и ничего мне об этом не сказали?

Мадам Сольдинк безразлично пожала плечами:

– Во-первых, ты об этом не спрашивал.

– А во-вторых?

– Во-вторых, на кораблях ночью зажигают фонари. Так поступают все осторожные моряки.

– На борту «Галанте» не должны гореть никакие фонари, если я не отдам особое распоряжение.

– Как тебе будет угодно.

Кугель постучал пальцем по эскалабре:

– Держите нынешний курс в течение часа, после чего снова поверните на юг.

– Глупость! Трагическое безумие!

Кугель спустился на среднюю палубу и стоял, облокотившись на поручень, пока тихий перезвон серебряных колокольчиков не оповестил его о том, что подали ужин: стол с белой скатертью накрыли в кормовой каюте.

Блюда вполне соответствовали ожиданиям Кугеля, о чем он сообщил Табазинте, на чью долю сегодня выпали обязанности «ночной стюардессы».

– В подливку к рыбе, пожалуй, положили слишком много укропа, – заметил он, – а десертное вино, «Бледное Монтрачио», следовало бы выдерживать в погребе еще не меньше года. Тем не менее, в общем и целом, я не нахожу, к чему придраться, о чем ты можешь сообщить тем, кто работал в кухне.

– Сейчас? – скромно спросила Табазинта.

– Нет, не обязательно, – ответил Кугель. – Это можно сделать и завтра.

– Завтра так завтра – торопиться некуда.

– Вот именно. Сейчас нам нужно обсудить другие вещи. Но прежде всего... – Кугель выглянул в обращенный к корме иллюминатор. – Я этого ожидал! Подлая карга снова зажгла фонарь на юте! Никак не могу понять – что она задумала? Какой смысл разжигать яркий огонь на корме? Мы же не плывем кормой вперед!

– Наверное, она хочет предупредить другое судно, чтобы оно не столкнулось с нами в темноте. В последнее время они следовали за нами по пятам.

– Вероятность столкновения очень мала. Я не хочу привлекать внимание; наоборот, я хочу, чтобы нас не замечали.

– Все идет хорошо, Кугель. Тебе незачем беспокоиться, – Табазинта подошла и положила руки ему на плечи. – Тебе нравится моя прическа? Я опрыскала волосы особыми духами, они называются «Танженс» – в честь сказочной красавицы.

– Согласен, твои волосы обворожительно ароматны – замечательные духи! Но мне нужно подняться на ют и сделать выговор твоей матери.

Гримасничая и улыбаясь, Табазинта пыталась удержать его:

– Ах, Кугель! Как я могу доверять твоим комплиментам, если ты бежишь от меня впопыхах при первой возможности? Останься – и мы увидим, как ты меня ценишь! Пусть несчастная старуха стоит у штурвала.

Кугель уклонился от объятий.

– Сдерживай любвеобильность до поры до времени, роскошная куколка! Я скоро вернусь и отдам должное твоим прелестям – вот увидишь!

Кугель выбежал из каюты и поднялся на четвердек. Его опасения оправдались: фонарь ослепительно пылал. Не остановившись, чтобы выругать мадам Сольдинк, он не только потушил фонарь, но вынул из него оправу из ступенчатых линз, контактные язычки и сердечник из люминескса и выбросил эти компоненты в море.

Только после этого Кугель обратился к мадам Сольдинк:

– Мое долготерпение истощилось. Если на борту этого судна зажгутся еще какие-нибудь огни, вам придется иметь дело с очень неприятными последствиями.

Мадам Сольдинк высокомерно промолчала. Проверив напоследок показания эскалбры, Кугель вернулся к себе в каюту. Выпив еще несколько бокалов вина и проведя несколько часов в развлечениях с Табазинтой, он крепко заснул – и этой ночью больше не возвращался на четвердек.

Разбуженный лучами утреннего Солнца, Кугель сел в постели, часто моргая, – и снова его охватило странное ощущение какой-то неправильности в окружающей обстановке, часто беспокоившее его в последнее время. Он поднялся на четвердек, где у штурвала стояла Саласера. Кугель взглянул на эскалбру: коготь указывал прямо на юг.

Вернувшись на среднюю палубу, Кугель осмотрел червей; те лениво пошлепывали по воде прихвостнями, не слишком возбужденные половинными порциями приманки. Судя по всему, черви были здоровы, хотя казались слегка утомленными, а на спине левобортной твари появились первые признаки тимпа.

«Сегодня девушкам придется вымокнуть на спонсонах», – подумал Кугель. Впрочем, отработавшую смену «ночную стюардессу» можно было освободить от обслуживания червей.

Прошли еще два дня; Кугель проводил время в счастливой праздности, жадно наслаждаясь свежим морским воздухом, превосходной кухней и щедрой благосклонностью «ночных стюардесс». Единственным источником тревоги оставалось навязчивое, необъяснимое ощущение какого-то нарушения во времени и пространстве – хотя теперь он решил игнорировать наваждение так, как если бы его преследовали приступы дежавю.

Тем утром, когда Табазинта подала ему завтрак на четвердеке, Кугелю пришлось прервать приятную дегустацию блюд – он заметил неподалеку рыбацкое суденышко. Дальше, на юго-западе, виднелись смутные очертания острова, показавшиеся Кугелю настолько знакомыми, что он застыл в полном замешательстве. Опять дежавю?

Взявшись за штурвал, Кугель заставил «Галанте» приблизиться к рыбацкой лодке – с нее забрасывали сети один пожилой человек и два подростка. Проплывая рядом, Кугель перегнулся через поручень и громко обратился к рыбакам:

– Эй, на палубе! Что это за остров – там, вдаль?

Рыбак взглянул на Кугеля так, словно сомневался в его умственных способностях.

– Лаусикая – как вам должно быть известно. Они там все чокнутые – на вашем месте я бы держался от них подальше.

Лаусикая? У Кугеля отвисла челюсть. Как это может быть? Неужели он стал жертвой магического сглаза?

Недоумевая, Кугель подошел к эскалбре: судя по ее показаниям, «Галанте» шла правильным курсом. Невероятно! Он отплыл из Помподурса на юг, а теперь возвращался с севера! Теперь ему следовало срочно изменить курс – иначе он потерпит крушение у берегов того острова, откуда сбежал!

Кугель повернул судно на восток, и тень Лаусикаи пропала за горизонтом. После этого он снова направил судно на юг.

Стоявшая рядом мадам Сольдинк с отвращением поджала губы:

– Снова на юг? Разве я не предупреждала о подстерегающих там опасностях?

– Держите курс на юг! Не отклоняясь ни на йоту ни на восток, ни на запад! Мы плывем на юг, ясно? Север должен оставаться за кормой, а прямо по курсу должен быть юг!

– Безумие! – пробормотала мадам Сольдинк.

– Безумие? Для вас – может быть. Но не для меня, я в своем уме! Нельзя не признать, что во время нашего плавания у меня возникали странные ощущения. В частности, я никак не могу объяснить тот факт, что мы снова приблизились к Лаусикае, причем с севера. Возникает впечатление, что все это время мы плыли по кругу!

– Волшебник Юкоуну сглазил «Галанте», чтобы его чешуйки остались в сохранности. Таково самое разумное объяснение происходящему – и еще одна основательная причина для того, чтобы направиться в Порт-Пердусс.

– Об этом не может быть и речи! – отрезал Кугель. – Я спущусь в каюту и подумаю. Сообщайте мне о любых необычных обстоятельствах.

– Поднимается ветер, – заметила мадам Сольдинк. – Возможно, начнется буря.

Кугель подошел к поручню: действительно, на северо-западе глянцевою черную поверхность моря возмутили хвосты грозового ливня.

– Ветер поможет червям передохнуть, – заключил Кугель. – Не могу себе представить, почему они так обленились! Дрофо утверждал бы, что они слишком долго и тяжело работали, но я-то знаю, что это не так!

Поспешив на среднюю палубу, Кугель отдал гитовы, спустил голубой шелковый парус и подтянул шкотовые углы. Парус надулся бризом – за бортом послышалось журчание струй.

Поставив удобное кресло так, чтобы можно было сидеть, положив ноги на бортовой поручень, Кугель устроился в нем с бутылкой «Янтарной Розпаньолы» под рукой и принялся наблюдать за тем, как Меадре и Табазинта обрабатывают жабры внутреннего левобортного червя, у которого наблюдались первичные признаки коросты.

Дело шло к вечеру, и Кугель задремал, убаюканный ласковой килевой качкой. Когда он проснулся, серые хвосты дождя уже рассеялись; дул прохладный ветерок – «Галанте» рассекла морскую рябь, вдоль бортов расходились носовые волны, за кормой кипела кильватерная струя.

Салассера, дежурная «ночная стюардесса», подала чай в серебряном кувшине и несколько небольших пирожных, каковые Кугель поглотил в необычно рассеянном настроении.

Поднявшись из кресла, Кугель направился к штурвалу. Мадам Сольдинк тоже была не в духе.

– Ветер ничему не помогает, – заявила она. – Лучше убрать парус.

Кугель отверг ее рекомендацию:

– Ветер пока что достаточно попутный, и черви могут отдохнуть.

– Червям отдыхать не надо! – отрезала мадам Сольдинк. – А пока мы идем под парусами, я не могу направлять судно, куда нужно.

Кугель ткнул пальцем в эскалабру:

– Держите курс на юг – туда, куда указывает эскалабра! И не отклоняйтесь от курса!

Супруге экспедитора больше нечего было сказать, и Кугель спустился с квартердека.

Начинался закат. Кугель встал под носовым фонарем «Галанте» и, как это любил делать Дрофо, задумчиво смотрел в морскую даль. Сегодня западный небосклон представлял собой драматическую картину: разорванные полоски перистых облаков озарились пунцовым сиянием на фоне темно-синего неба. Прикоснувшись к горизонту, Солнце решило повременить, словно не желая покинуть этот мир и оставить его в темноте. Багровеющий шар дряхлого светила окружила мрачноватая сине-зеленая корона – Кугель никогда раньше не замечал подобного явления. Казалось, на поверхности Солнца пульсировал лиловый кровоподтек, напоминавший вяло сокращающегося полипа: предзнаменование? Кугель уже повернулся было, чтобы

уйти, но задержался, пораженный внезапной мыслью, и взглянул наверх, на фонарь. Стеклянная оправа из ступенчатых линз, контактные язычки и сердечник из люминекса, удаленные Кугелем из фонаря на корме, здесь тоже отсутствовали.

«Изобретательные умы работают на борту “Галанте”! – подумал Кугель. – Тем не менее им приходится иметь дело со мной, а меня не зря прозвали Пройдохой Кугелем».

Кугель оставался на носу еще несколько минут. Мадам Сольдинк и три ее дочери собрались на квартердеке, пили чай и краем глаза наблюдали за Кугелем. Кугель прислонился плечом к стойке фонаря, тем самым образуя изящный силуэт на фоне заката. Высокие облачка теперь приобрели оттенок подсыхающей крови; судя по тому, как их разбросало по небу, следовало ожидать, что поднимется ветер. Возможно, было бы предусмотрительно взять парус на рифы.

Закатные лучи погасли. Кугель размышлял о странностях своего плавания. «Галанте» спешила на юг под парусом целый день, а на следующее утро они проснулись севернее того пункта, откуда отправились в путь – загадка носила явно неестественный характер... Какое разумное объяснение, помимо магического вмешательства, можно было предложить? Завихрение течения? Эскабра указывала направление, противоположное курсу судна?

Одна гипотеза сменяла другую в воображении Кугеля, и каждая была невероятнее прежней. Одно особенно нелепое предположение вызвало у него невольную усмешку, и он уже собирался отвергнуть его вслед за другими, более вероятными догадками... Кугель резко выпрямился и вернулся к рассмотрению этой абсурдной идеи – так как, вопреки всему, в данном случае теория точно соответствовала всем фактическим обстоятельствам.

За исключением одного важнейшего аспекта.

Саботаж основывался на том допущении, что Кугель располагал недостаточными умственными способностями. Кугель снова усмехнулся, на этот раз слегка раздраженно, – и после этого усмехаться перестал.

Тайны и парадоксы плавания «Галанте» становились предельно ясными. Врожденной галантностью Кугеля и его склонностью соблюдать правила хорошего тона явно злоупотребили, а его доверчивость использовали против него. Но теперь правила игры изменятся!

Перезвон серебряных колокольчиков оповестил его о том, что ужин подан. Кугель задержался еще на мгновение, чтобы обозреть горизонт. Бриз крепчал – мелкие волны часто разбивались о раздвоенный тупой нос «Галанте».

Кугель медленно перешел на корму и взобрался на квартердек, где мадам Сольдинк только что сменила свою дочь у штурвала. Кугель приветствовал ее сухим кивком, каковой она предпочла не заметить. Кугель присмотрелся к эскабре: коготь указывал на юг. Подойдя к ютовому ограждению, Кугель как бы между прочим взглянул на фонарь. Стеклянных линз в оправе фонаря не было, но это еще ни о чем не говорило. Обратившись к мадам Сольдинк, Кугель сказал:

- Благодаря попутному ветру черви смогут отдохнуть.
- Все может быть.
- Держите курс точно на юг!

Мадам Сольдинк не соблаговолила ответить. Кугель спустился в каюту и занялся ужином, во всех отношениях удовлетворявшим его критическим требованиям. Блюда подавала очередная «ночная стюардесса», Салассера, которую Кугель находил не менее очаровательной, чем ее сестер. Сегодня вечером она причесала волосы в стиле «спансианских корибантов»; на ней было простое белое платье, опоясанное в талии золотистым шнурком, – наряд, выгодно подчеркивавший ее стройную фигуру. Из трех дочерей Сольдинка именно Салассера, судя по всему, отличалась особой сообразительностью; она нередко удивляла Кугеля оригинальностью и проницательностью наблюдений.

Салассера подала Кугелю десерт: торт с пятью начинками разного вкуса. Пока Кугель наслаждался этим деликатесом, Салассера стала снимать с него башмаки.

Кугель передвинул ноги под стол.

– Сегодня я бы хотел остаться обутом на некоторое время.

Салассера удивленно подняла брови. Как правило, Кугель готов был приступить к постельным удовольствиям сразу после поглощения десерта.

Но сегодня вечером Кугель оставил на тарелке недоеденный торт. Вскочив на ноги, он выбежал из каюты, поднялся на квартердек и поймал мадам Сольдинк с поличным: та вставляла светящийся сердечник в оправу фонаря.

– Насколько я помню, я строго запретил вам это делать! – гневно произнес Кугель. Игнорируя возмущенные восклицания нарушительницы, Кугель удалил из фонаря функциональные компоненты и выбросил их в ночное море.

Спустившись к себе в каюту, Кугель сказал:

– Вот теперь ты можешь снять мои башмаки.

Через час Кугель вскочил с кровати и завернулся в халат. Салассера приподнялась на коленях:

– Куда ты идешь? Я только что придумала что-то новое.

– Скоро вернусь.

На квартердеке Кугель снова застал мадам Сольдинк врасплох: она зажгла несколько свечей и установила их в оправе фонаря. Кугель схватил свечи и выбросил их за борт.

Мадам Сольдинк протестовала:

– Что ты делаешь? Мне нужен свет, чтобы правильно рулить!

– Подсветки эскалабры вполне достаточно! Предупреждаю вас в последний раз!

Проворчав что-то себе под нос, супруга экспедитора сгорбилась за штурвалом. Кугель снова вернулся в каюту.

– Теперь посмотрим, что ты придумала! Подозреваю, однако, что по прошествии двадцати эонов в этом отношении трудно изобрести что-нибудь, о чем я еще не слышал.

– Вполне возможно, – с обворожительной простотой откликнулась Салассера. – Но разве это соображение нас остановит?

– Разумеется, нет, – улыбнулся Кугель.

Они испробовали новаторское предложение Салассеры; затем Кугель порекомендовал вариант, также оказавшийся успешным, после чего опять вскочил на ноги и собрался выбежать из каюты, но Салассера поймала его и привлекла обратно в постель.

– Ты не находишь себе места, как пронирыливый тонквиль! Что тебя все время беспокоит?

– Поднимается ветер! Слышишь, как плещется парус? Нужно взглянуть, что там происходит.

– Зачем себя утруждать? – не унималась Салассера. – Мама за всем присмотрит.

– Если она начнет убирать парус, ей придется оставить штурвал. И кто следит за червями?

– Черви отдыхают... Кугель! Куда ты?

Кугель уже выбежал на среднюю палубу, чтобы взять на гитовы парус, яростно хлеставший шкотами под порывами встречного ветра. Взойдя на квартердек, он обнаружил, что мадам Сольдинк, отчаявшись в своей способности справиться с управлением, покинула пост рулевого и спустилась в каюту.

Кугель проверил показания эскалабры. Коготь указывал в северном направлении; судно ныряло, рыскало и постепенно перемещалось кормой вперед. Кугель круто повернул штурвал; парус сразу наполнился ветром, хлопнув так громко, что Кугель испугался – не порвались ли шкоты? Раздраженные резкими толчками, черви выпрыгивали из воды, с шумом обрушиваясь на волны, снова ныряли и снова выпрыгивали, пока не разорвались их пояса; освободившись, черви уплыли в море.

– Все наверх! – громко приказал Кугель. Никто не отреагировал. Кугель зафиксировал штурвал и, действуя в полной темноте, взял парус на гитовы; при этом хлещущие шкоты нанесли ему несколько болезненных ударов.

Теперь «Галанте» неслась по волнам прямо по ветру, в восточном направлении. Кугель отправился искать команду и обнаружил, что все они заперлись в каютах, а на приказы немедленно открыть дверь отвечали молчанием.

Кугель пинал крепко сколоченные двери, но в результате только ушиб ногу. Хромая, он вернулся на среднюю палубу и постарался по возможности надежно закрепить все на борту.

Ветер выл в снастях; судно начинало поворачивать, выходя из ветра. Кугель снова побежал вперед, выкрикивая приказы. Отозвалась только мадам Сольдинк:

– Пойди прочь, оставь нас в покое! У нас морская болезнь!

Кугель снова пнул дверь ее каюты, после чего, хромая еще сильнее, добрался до штурвала; прилагая немалые усилия, ему удалось заставить «Галанте» снова идти по ветру.

Всю ночь Кугель стоял у штурвала; штормовой ветер скулил и повизгивал, волны вздымались все выше, иногда разбиваясь о транец взрывом белой пены. Однажды, когда ударила такая волна, Кугель обернулся через плечо и заметил мерцание отраженного света.

Свет? Откуда?

Источником могли быть иллюминаторы кормовой кабины. Кугель не оставлял там никаких горящих светильников – то есть их зажег кто-то другой в нарушение его строжайшего запрета.

Кугель не смел отойти от штурвала, чтобы погасить светильники... «Не так уж это важно», – успокаивал он себя. Сегодня ночью, в бурю, можно было зажечь над океаном настоящий маяк – и никто бы его не увидел.

Проходили часы; порывы ураганного ветра несли «Галанте» на восток. Кугель стоял у штурвала как прикованный. Ожидание рассвета казалось ему невероятно долгим, но все-таки небо зарделось тускло-лиловатым румянцем. Наконец взошло Солнце, открыв взору бескрайнюю череду катящихся черных валов с белыми гребешками пены.

Ветер уgomонился. Кугель убедился в том, что теперь судно могло плыть правильным курсом без его вмешательства. Кугель болезненно распрямился, расправив руки, сжимая и разжимая онемевшие пальцы. Спустившись к себе в каюту, он обнаружил, что кто-то действительно установил два светильника в обращенном к корме иллюминаторе.

Кугель погасил лампы, снял халат из бледно-голубого шелка и надел свой обычный костюм. Напялив на голову трехъярусную шляпу с пряжкой, украшенной брызгосветом, он поправил ее слегка набекрень, чтобы произвести наилучшее впечатление, и решительно вышел на палубу. Мадам Сольдинк и ее дочери уже сидели за столом в камбузе и завтракали пирожными с чаем. Никто из них не проявлял никаких признаков морской болезни – по сути дела, они выглядели хорошо отдохнувшими и невозмутимыми.

Повернув голову, мадам Сольдинк смерила Кугеля взглядом с головы до ног:

– Зачем ты пришел, что тебе нужно?

Кугель вежливо ответил ледяным тоном:

– Мадам, да будет вам известно, что я догадался обо всех ваших планах.

– Неужели? Обо всех вообще?

– О тех, которые имеют для меня значение. И они не делают чести вашей репутации.

– О каких планах ты догадался? Будь так любезен, поясни.

– Как вам будет угодно, – чуть поклонился Кугель. – Должен признать, что ваш замысел в какой-то мере изобретателен. Мы плыли на юг при свете дня, но медленно – вы просили, чтобы червям спускали половинную приманку, так как им нужно было отдохнуть. Ночью же, когда я спал, вы направляли судно на север.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.